

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ВЫПУСК 5

Барнаул
Азбука
2009

ББК 63.4я43

Т338

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **В.В. Горбунов;**

доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин;**

доктор исторических наук **Н.Н. Крадин;**

доктор культурологии **Л.С. Марсадолов;**

доктор исторических наук **А.А. Тишкин** (отв. ред.);

доктор исторических наук **А.В. Харинский;**

доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**

Т338   **Теория и практика археологических исследований** : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Азбука, 2009. – Вып. 5. – 192 с.: ил. + вкл.

ISBN 978-5-93957-368-9

В сборнике представлены актуальные, дискуссионные и информационные статьи, в которых отражены различные аспекты изучения археологических материалов.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

ББК 63.4я43

Сборник научных трудов подготовлен в рамках реализации гранта Президента России НШ-5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье», а также при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)

ISBN 978-5-93957-368-9

© Оформление. ООО «Азбука», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ	
<i>Крадин Н.Н.</i> Археологические культуры и этнические общности	9
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
<i>Поляков А.В., Святко С.В.</i> Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные	20
<i>Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П.</i> Радиоуглеродная датировка курганов пазырыкской культуры Северного Алтая (по результатам работ Катунской экспедиции АлтГУ в 2007 г.).....	56
<i>Харинский А.В., Андерсон Д., Стерхова И.В.</i> Фосфатный метод в этноархеологических исследованиях	65
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Цимиданов В.В.</i> Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре	69
<i>Чугунов К.В.</i> Древние бронзовые предметы из случайных находок на территории Тувы	74
<i>Корусенко М.А., Иващенко С.Н., Здор М.Ю.</i> Охранно-спасательные работы на кургане Куатовка-Ia	81
<i>Васютин А.С.</i> Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая.....	87
<i>Васютин А.С., Онищенко С.С.</i> Природно-территориальные аспекты системы расселения населения Обь-Иртышья в средневековье	95
ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР	
<i>Седых В.Н., Марсадолов Л.С.</i> О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший	101
<i>Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Формирование коллекции металлических зеркал в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ	111

<i>Горбунов В.В.</i> Поясные бляхи-накладки сrostкинской культуры.....	120
<i>Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.</i> Предметы средневековой торевтики из раскопок бугровщиков на Алтае и в Западной Сибири, собранные европейскими учеными и путешественниками в 1-й половине XVIII в.	131
<i>Король Г.Г., Конькова Л.В.</i> Средневековые ременные украшения из Минусинской котловины: собрания XIX в. в коллекциях Эрмитажа	139
<i>Тишкин А.А., Горбунова Т.Г.</i> Бляхи-подвески на ремни конской амуниции из археологического собрания Н.С. Гуляева	150

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Попова О.А.</i> История изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая	157
<i>Гребенников И.Ю.</i> Лошади кочевников Горного и Лесостепного Алтая (по остеологическим данным)	166
<i>Серегин Н.Н.</i> Ранние стремяна из коллекции С.И. Руденко	172

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Кузьминых С.В., Тишкина Т.В.</i> «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрелю)	178
Список сокращений	191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск отражает пятилетний мини-юбилей сборника, который начал регулярно выходить с 2005 г. Несмотря на небольшой срок существования издания, определилась тематика его основных разделов. К сожалению, лишь в первом выпуске были отражены «Теоретические и методические аспекты в археологии», хотя и позже во многих статьях такие вопросы поднимались при изложении результатов изучения материалов исследований. Но специально выраженных работ теоретико-методологического плана все время не доставало. Эта ситуация вообще характерна для большинства нынешних изданий по археологии. Попытки активизировать усилия ученых в актуальных направлениях через проведение конференций пока не привели к тотальному обсуждению комплекса имеющихся проблем. До сих пор не обоснованы и не общеприняты многие понятия археологии. Это в определенной мере касается и базовой категории «археологическая культура». Данной теме посвящена статья Н.Н. Крадина «Археологические культуры и этнические общности». Возможно, что затронутый в ней широкий круг вопросов спровоцирует многоплановое обсуждение насущного на страницах следующих выпусков нашего сборника. Не претендуя на какие-либо теоретические разработки в рамках предисловия, кратко выскажу собственное мнение, основанное на двадцатилетнем опыте занятий археологией. На мой взгляд, археологическая культура – это универсальное и необходимое понятие, это инструмент исследователя и определенная модель таксономического уровня. Она системно отражает следы жизнедеятельности отдельных людей и социумов разного порядка, которые зафиксировались в многочисленных памятниках археологии, по результатам изучения которых реконструируются процессы становления и развития человеческого общества, материальная и духовная составляющая, условия жизнеобеспечения и другие возможные показатели общего и частного характера. Выделение археологических культур имеет свои традиции и определенные принципы. В 1970 г. в статье И.С. Каменецкого, опубликованной в журнале «Советская археология», были подведены итоги предыдущей дискуссии. Сделанное определение и приведенное обоснование аккумулировали потребности исследователей и на годы стали своеобразными ориентирами. Действительно, статья объективно отражала уровень устремлений и возможность реализации необходимой исследовательской практики. Эта научная и концептуально значимая разработка позволяла систематизировать накапливаемый археологический материал. К сожалению, не все руководствовались предложенной моделью исполнения. Поэтому получился разнородный, который обусловлен объективными и субъективными факторами. Причем субъективный доминировал, так как исследователи стремились выделить археологические культуры, иногда кто вперед. Появилась своеобразная «мода», хотя справедли-

ности ради надо сказать, что при этом существовала и необходимость данной практики. В конечном итоге, произошло то, что и должно было произойти. Археологические культуры стали обозначаться без должной аргументации, отражая особенное явление или просто частный материал. Как показывает история археологического изучения, данный этап был неизбежен, так как не было выработано строгих теоретических установок и широко принятого алгоритма действий.

В последние годы на конференциях разного уровня от старшего поколения исследователей постоянно звучат упреки в адрес младших коллег по поводу выделения новых археологических культур и увеличившегося их количества. При этом маститые ученые продолжают выделять разные культуры. На этой проблеме личного характера я не буду останавливаться. Отмечу лишь то, что процесс выделения и забвения археологических культур – это нормальное и объективное состояние исследовательской деятельности. Время расставляет все на свои места, потому что появляется новый массовый материал, совершенствуются методы, растет уровень современного образования и т.д. Многие ранее обозначенные культуры «ушли» в прошлое и уже являются лишь историографическими упоминаниями. Другие получили новое наполнение. Какие-то культуры еще не выделены и их предстоит обозначить. Нужно понимать, что в археологии до сих пор идет неравномерный процесс накопления необходимого количества данных и их последовательного осмысления. Поэтому не надо пугаться и пугать других «обилием» выделенных культур. Необходимо обратиться к выработке алгоритма грамотного обоснования разноплановых явлений, фиксируемых посредством изучения археологических памятников.

Л.С. Клейн посвятил понятию «археологическая культура» многие страницы в своей базовой монографии «Археологическая типология» (1991), отражающей следующий этап в развитии теоретической археологии. В этой и других его работах при тщательном их изучении можно найти практически все ответы на имеющиеся вопросы широкого плана и выработать оптимальную модель современной исследовательской практики. Однако есть смысл остановиться на одном принципиальном моменте. Понимая археологию как источниковедческую дисциплину, Л.С. Клейном были сделаны соответствующие выводы, с которыми трудно не согласиться. Но данный подход отражает лишь часть «айсберга». Он был ориентирован на тот этап развития науки, который отражал процесс накопления массовых материалов и процедуру их обработки. Сейчас меняются и расширяются задачи археологии, хотя источниковедческий этап остается, и он действительно является главнейшим. Выполнение такой работы надо знать и четко реализовывать на основе системного анализа и с применением соответствующих методов. На всем этом зиждется следующий комплекс мероприятий интерпретационного характера, и здесь археологию не надо ограничивать какими-либо рамками, а археологическую культуру нельзя рассматривать как группу «мертвых» памятников и оперировать данным понятием механистически. За созданием объектов или изделий, фиксируемых в остатках или целиком, стояли реальные люди. Археологическая культура должна «оживать» и из группы памятников превратиться в более емкие и объективные показатели, основанные на всевозможных реконструкциях. Несомненно, что археологическая культура при определенной доле условности биологична, социальна и исторична. Для реализации такого подхода археологам нужно работать комплексно в сотрудничестве с представителями фундаментальной науки и

прикладных научных дисциплин. Особо следует обратить внимание на интеграцию с философами. На мой взгляд, без знаний философии вообще заниматься наукой преступно. Этот серьезный пробел в образовании приводит к тому, что значительное большинство публикаций по археологии носит описательный, а порой и умозрительный характер, в которых нет научности.

Подводя итог спонтанному изложению некоторых размышлений, отмечу, что категория «археологическая культура», как и любая научная дефиниция, искусственная и абстрактная, но имеющая колоссальный потенциал для реконструкции культурно-исторических, социально-экономических, военно-политических и других процессов на разных этапах развития человечества и освоения жизненного пространства нашей планеты. С помощью ее выявляются не только существовавшие культурные традиции, но и определяются многогранные особенности системы жизнедеятельности древних и других народов с набором показателей, увеличивающихся при применении естественно-научных методов, которые в настоящее время все шире привлекаются при решении многих проблем. Без этого археология уже не мыслима, несмотря на то, что до сих пор ведутся споры о целесообразности такого тотального внедрения. Мне уже приходилось писать о том, что радиоуглеродный метод в том современном состоянии разработанности, безусловно, необходим. Пока он более всего подходит для определения хронологии выделенных археологических культур в широких хронологических рамках и в определенной мере для обоснования намеченных этапов развития. Данное положение подтверждается публикуемой в настоящем сборнике обширной статьей А.В. Полякова и С.В. Святко. Такая работа состоялась только при накоплении репрезентативных данных, базирующихся на радиоуглеродных датировках отдельных памятников. Поэтому процесс получения данных необходимо продолжать. Этот момент отражает следующая статья в разделе, основанная на соотношении имеющихся археологических датировок с полученными результатами радиоуглеродного анализа. Еще одна работа в разделе «Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях» демонстрирует опыт применения фосфатного метода.

Несмотря на имеющиеся проблемы теоретического характера, процесс изучения археологических памятников продолжается, и некоторые результаты такой деятельности нашли отражение в следующей части сборника. Публикуемые статьи отражают разные материалы. Важным является введение в научный оборот сведений, расширяющих информационное поле археологических исследований.

Выделенный в данном сборнике раздел «Изучение предметов торевтики древних и средневековых культур» подготовлен в рамках реализации проекта РГНФ «Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье» (№08-01-00355а). В него вошли статьи, которые в основном касаются истории накопления и изучения специфического и привлекательного материала из художественного металла, осевшего в частных и музейных коллекциях. Одна часть таких изделий уже опубликована, другие же находки представлены впервые. Необходимость комплексного изучения торевтики обусловило проведение тематической конференции, которая состоится в Барнауле на базе Алтайского госуниверситета в августе 2010 г.

Уже во втором подряд выпуске обозначается ранее запланированный раздел «Работы молодых исследователей». На этой своеобразной площадке пробуют и

реализуют свои силы в основном студенты, магистранты и аспиранты. Представленные в данном сборнике статьи демонстрируют разные аспекты, позволяющие оценить возможности обучающихся, которые выбрали многогранную археологию в качестве своей дальнейшей деятельности.

В завершающем разделе «Персоналии» размещена совместная работа С.В. Кузьминых и Т.В. Тишкиной. Она отражает один частный, но важный для истории развития археологии момент и касается переписки барнаульского краеведа Н.С. Гуляева с известным финским исследователем А.М. Тальгреном.

Порядок расположения статей в указанных разделах сборника, как правило, соответствует хронологическому определению представленных материалов (сначала рассматриваются более древние, а затем последующие). Если имеются публикации теоретического или обобщающего характера, то они размещаются первыми. Авторы публикуемых материалов представляют различные учреждения таких городов России, как Санкт-Петербург, Москва, Омск, Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Иркутск и Владивосток. Кроме них, участвуют коллеги из ближнего (Украина) и дальнего (Великобритания) зарубежья.

А.А. Тишкин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АРХЕОЛОГИИ

Н.Н. Крадин

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ*

Введение

Представления о прямой связи культурных ареалов в археологии и этнических общностей характерны для так называемого культурно-исторического направления. Считается, что эти идеи восходят к идеям романтизма о «национальной душе народа». Наиболее ярким представителем данного направления был Г. Коссина. В то же самое время не исключено, что проблема здесь гораздо глубже. В отличие от Великобритании или США, где национальность признается по месту рождения, в Германии господствует представление о тождестве биологического и этнического начал, а национальность определяется по крови (Harke H., 1998, p. 20–21; Curta F., 2007, p. 161). Даже несмотря на то, что в послевоенной Центральной Европе вопрос о соотношении археологических культур и народов сознательно умалчивался, фактически многие германоязычные археологи оставались сторонниками этой точки зрения (Jones S., 1997, p. 106).

Для англо-американской процессуальной (так называемой новой) археологии эта тематика не была интересной и ее оставляли за кадром. Однако важные политические потрясения конца XX в. (распад СССР и Югославии, этнические конфликты в Африке и др.) обусловили возрастание интереса к изучению проблематики этничности (Jones S., 1997, p. 57, 84; Harke H., 1998, p. 20, 24). Начало дебатам положено в 1989 г. на ежегодной конференции группы теоретической археологии (TAG), где был затронут вопрос о доисторических миграциях, а в 1992 г. на конференции в Саутгемптоне уже обсуждалась проблематика национализма и этничности. Впоследствии тема этничности стала постоянной на различных конференциях и не сходила со страниц многих периодических изданий в Великобритании и США.

Подобный интерес к этничности объясним традиционным подходом к данной теме в рамках еще городской антропологии (Манчестерская и Чикагская школы). Кроме того, в англо-американской антропологии и археологии миграционизм и диффузионизм (как исследовательские парадигмы) по популярности уступали теориям, которые интерпретировали развития в культуре на основе независимых изменений (эволюционизм и функционализм в Великобритании, культурная экология и неэволюционизм в США). Наконец, как считают некоторые авторы, в континентальной Европе археологические материалы воспринимались как культурное наследство предков, что стимулировало интерес к археологии со стороны политиков и привело к формированию национализма.

---

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

В США была принципиально отличная ситуация. По этой причине в Новом Свете большее внимание было уделено не диахронным исследованиям, а синхронной (культурные ареалы) кросс-культурной методологии (Jones S., 1997; Harke H., 1998).

Дискуссия в англо-американской археологии стимулировала аналогичные дебаты в рамках германской науки на рубеже XX–XXI столетий. Возможно, что дополнительным фактором стали глобализация и масштабные миграции в эту страну за последние два десятилетия (Härke H., 1998, p. 20; Muller-Scheessel N., Burmeister S., 2006, s. 10). Можно предполагать, что нечто подобное ожидает и нашу страну в обозримом будущем. Масштабные миграции из ближнего зарубежья, переселения больших масс людей в центральные города, всплеск бытового расизма и этнического национализма – все это характерно для России последнего десятилетия. По этой причине можно предположить, что обсуждение этничности станет в ближайшие годы одним из наиболее значимых теоретических сюжетов в отечественной археологии.

При рассмотрении этого вопроса имеет смысл разделить его на несколько отдельных составляющих сюжетов. Прежде всего следует обратиться к рассмотрению статуса понятия «археологическая культура». Является ли археологическая культура материальным отражением реально существовавшего народа или это аналитическая категория, созданная для упорядочивания имеющегося материала. Вторым важным аспектом рассматриваемой темы является современное состояние проблемы этнических признаков в археологических источниках. И, наконец, только затем следует обратиться к обсуждению соотношения археологических культур и этнических общностей на основе современных теоретических подходов.

Сущность понятия «археологическая культура»

Хорошо известно, что идея выделения археологической культуры и отождествления ее с конкретными народами восходит к работам Г. Чайлда. «Мы находим определенные типы остатков – сосуды, орудия, погребальный обряд, типы домостроительства – постоянно повторяющиеся вместе, – писал он в 1929 г. – Такой комплекс регулярно связанных черт мы называем термином 'культурная группа' или 'культура'. Мы предполагаем, что подобный комплекс является материальным выражением того, что сегодня может должно быть названо народом» (Childe V.G., 1929, v–vi).

Эта концепция в свое время была положительно воспринята советскими учеными и стала неотъемлемой частью теоретического аппарата отечественных археологов. Существует большое количество работ, посвященных исследованию статуса и природы археологической культуры (историографию вопроса см.: Ганжа А.И., 1988; Клейн Л.С., 1991; Ковалевская В.Б., 1995; и др.). Существующие точки зрения относительно природы археологической культуры можно свести в две большие группы. Первая позиция, восходящая к определению Г. Чайлда, предполагает, что археологическая культура есть материальное выражение реальных социальных групп и народов. Сторонников этой точки зрения есть смысл назвать онтологистами. Их среди археологов подавляющее большинство.

Согласно другой точке зрения, археологическая культура – это аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников. Иными словами, это интеллектуальная абстракция, продукт мышления исследователя. В известном смысле, это «идеальный тип» в том значении, как использовал данный термин М. Вебер. Отношения этнических общностей

и археологических культур эпистемологи занимают более осторожную позицию. Они считают, что прежде чем выходить на уровень исторических и этногенетических реконструкций, археологу необходимо разобраться с собственно археологическими источниковедческими вопросами. Наиболее последовательно данная точка зрения в отечественной литературе была разработана в трудах Л.С. Клейна (1978, 1991) и его учеников. Странников этого подхода можно назвать эпистемологами.

В британской археологии взгляда на археологическую культуру исключительно как на аналитическую категорию также придерживаются многие видные специалисты (Renfrew C., 1977, p. 94; Hodder I., 1982, p. 169). Есть сторонники таких взглядов в современной германской археологии (Brather S., 2000, s. 156, 165). В американском процессуализме этот вопрос обсуждался несколько в ином контексте: чем обусловлены сходства и отличия в археологическом материале – функциональной спецификой артефактов или культурной близостью между группами (Binford L., 1973).

По большому счету онтологизм и эпистемологизм соотносятся между собой в той же плоскости, что примордиализм и конструктивизм в социокультурной антропологии (подробнее см.: Тишков В.А., 2003). Однако это не совсем одно и то же. Я ввел первые два понятия для обозначения двух распространенных интерпретаций археологических культур. Во втором случае речь идет о наиболее популярных подходах в теории этничности. Примордиализм – это направление, согласно которому этническая принадлежность является объективной данностью, исходя из биологически или культурно передаваемых черт. Типичным примером примордиализма является, например, концепция этногенеза Ю.В. Бромлея. Конструктивизм предполагает, что этничность не является врожденной чертой индивида, а конструируется в зависимости от определенных обстоятельств. Особенно важную роль в формировании конструктивизма сыграла книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (2001).

Согласно Андерсону формирование наций не было обусловлено естественными демографическими и этногенетическими процессами. Нация – это идеологически сконструированное сообщество. Хорошим примером является формирование наций в Южной и Центральной Америке. Здесь нации возникли как результат политической мобилизации масс местными лидерами и борьбы за независимость против Испанской короны. Изначально на всей территории испанских колоний проживало примерно одинаковое по совокупности население вчерашних переселенцев из Европы и насильно вывезенных из Африки негритянских жителей. Только коренное население различных провинций испанской колонии отличалось друг от друга. Однако в результате политической мобилизации возникло несколько разных наций – аргентинцы, боливийцы, бразильцы, мексиканцы, уругвайцы и т.д.

Примордиализм и критерии этничности

Примордиализм был господствующей парадигмой на протяжении длительного времени. Он основан на позитивистском видении мира, в известной степени на обыденном здравом смысле. Едва ли не до конца 1960-х гг. было принято считать, что существование этнических групп объективно отражается и обязательно фиксируется в культурных нормах – языке, традициях, общем происхождении, занимаемой территории. Этническая принадлежность считалась имманентной характеристикой. Подобный подход предполагает, что этнические черты отражаются в каждодневной социальной практике людей и могут фиксироваться в материальной культуре.

Археологи видели свою задачу в том, чтобы найти этнодиагностирующие признаки и на их основе интерпретировать этническую принадлежность исследуемых культур. При этом во многих археологических исследованиях орнамент рассматривается как естественный признак отличия одних коллективов от других, как зашифрованный маркер идентичности группы. Однако этноархеологические исследования археологов-постпроцессуалистов подвергли эти утверждения серьезному сомнению (см. обзорные работы: Шнирельман В.А., 1990, 1993).

Широко известны наблюдения Я. Ходдера в Кении у баринго, которые показали значительное разнообразие в производстве и обмене керамическими сосудами (речь идет о достаточно архаическом уровне технологии изготовления лепных сосудов с открытым обжигом). В одних случаях большая часть сосудов могла быть местного производства, в других – изготавливалась в соседских общинах, в третьих – имел место смешанный характер. Организация гончарства могла иметь самый разнообразный характер. Сосуды могли производиться как в отдельных домохозяйствах, так и специальными мастерами. Лица, специализировавшиеся на изготовлении керамики, жили как вместе с другими соплеменниками, так и составляли специализированные общины. В основном в производстве керамики были заняты женщины, хотя исследователь нередко наблюдал и противоположное. На характер распределения различных типов сосудов и стилей могли оказывать влияние патрилокальный или матриликальный характер брака, характер контактов и обмена с соседними обществами (Hodder I., 1982).

Аналогичные исследования позднее проводили немецкие исследователи. Результаты показывают весьма запутанную картину распределения вещей и отсутствие универсальных правил (Hahn H.P., 2006, s. 76; Muller-Scheessel N., Burmeister S., 2006, s. 18). Картографирование керамических стилей показывает, что они часто перекрываются. Полученная картина распределения керамических орнаментов и типов сосудов могла зависеть от значительного числа самых разнообразных факторов, а для потребителей орнаменты и стили не имели принципиального значения (Muller J., 2006, s. 104, 106, abb. 2). Работы многих авторов по картографированию в археологии показали, что распределение керамических орнаментов, иных категорий артефактов далеко не всегда дает четкую картину концентрации. Очень часто оно имеет дискретный или даже хаотический характер (Plog S., 1980; Wiessner P., 1983; Ericson J.M., Meighan C.W., 1984; Sampson C.G., 1988; Shennan S., 1989; Brosseder U., 2006; Zebb-Lanz A., 2006; Pikirayi I., 2007; etc.).

К сожалению, очень трудно избавиться от еще одного, основанного на здравом смысле расхожего заблуждения, согласно которому границы между археологическими культурами подобны границам, изображенным на политических или этнолингвистических картах. На практике далеко не всегда удается установить границы распространения культурных традиций или стилей. При этом возникающие трудности не ограничиваются только степенью изученности археологического материала. Проблема имеет более фундаментальный характер – совпадают ли в принципе этнические границы с другими границами и в первую очередь с ареалами распространения различных категорий материальной культуры (Lightfoot K.G., Martinez A., 1995, p. 481).

В археологии обычно под границами принято понимать территории, на которых исчезают признаки одной и появляются черты другой культуры. Границы могут быть

резкими (например, по причине географических барьеров) или плавными, составляя контактную зону большей или меньшей продолжительности. В англоязычной археологии схожее понимание границы принято связывать с процессуальной археологией, в которой широкое распространение получили различные модели культурной экологии. Подобные модели предполагали рассмотрение изучаемой системы изолированно от внешнего мира, а также структурирование системы на центр и периферию. По мере удаления от ядра к границе значимость культуросодержащих признаков и связей должна была ослабевать и исчезать.

С течением времени ограниченность замкнутых моделей стала очевидной (Shortman E.M., Urban P.A., 1992, p. 10–11). Впрочем, это, скорее, следствие внутренних установок самих исследователей, нежели недостатки системной методологии, которая имманентно предполагает рассмотрение изучаемой системы и окружающей среды (Green S.W., Perlman S.M., 1985; Justeson J., Hampson S., 1985).

Кроме того, с точки зрения эпистемологического подхода следует критически подойти к роли типологии в археологических интерпретациях. Типологический метод позволяет классифицировать сосуды, но не индивидуумов, которые сделали и использовали их (Pikirayi I., 2009). В 1950-е гг. К. Пайк (Pike K., 1954) предложил по аналогии с принятым в лингвистике делением на фонемическое и фонетическое выделять представления о своей культуре самих народов (*emic*, взгляд изнутри) и представления извне, которые принадлежат другим народам и/или исследователям (*etic*, взгляд снаружи). Археологические типы – это *этнические* конструкции, созданные археологами по осколочным фрагментарным источникам. Какое значение имели эти сосуды и орнаменты для носителей данных культурных традиций (*эмный* подход), мы не знаем.

Чтобы эта мысль была более понятной, позволю проиллюстрировать вышесказанное еще одним этноархеологическим примером из наших дней. В современной мусорной куче можно найти массу пивных бутылок самой разнообразной формы отечественных и зарубежных производителей – «Жигулевское», «Клинское», «Туборг», «Миллер» и т.д. Типология позволит нам разложить бутылки по группам, может быть даже отделить отечественные изделия от импортных. Однако предпочтения в выборе тех или иных напитков нам определить не под силу. В одном случае это может быть вызвано модой и рекламой, в другом – ценой и социальным статусом, в третьем – крепостью напитка, в четвертом – индивидуальными вкусовыми пристрастиями потребителя и т.д.

Нередко в археологической литературе можно встретить утверждение, что жилище является одним из наиболее надежных маркеров этнической идентичности. Наглядный пример ошибочности подобных представлений приводится в статье Т. Джордана об архитектуре первых скандинавских переселенцев в Северной Америке. Оказывается, что прототипом типичного рубленого дома американских колонистов является финское жилище. Впервые подобные постройки были возведены в шведской колонии на р. Делавэр в середине XVII в. Колония просуществовала недолго, но технология строительства домов была заимствована и очень быстро распространилась по английским колониям. Это было единственное, в чем скандинавы оказали влияние на других переселенцев (Jordan T., 1989). Можно только представить, к каким выводам могли бы прийти археологи, если допустить, что вдруг разом исчезли все письменные источники по истории освоения Америки.

Критика примордиализма в археологии

В некотором роде можно сказать, что сложилась парадоксальная ситуация – в современном постмодернистском научном мире этничность стала одним из наиболее обсуждаемых проблем, тогда как археологи не в состоянии найти значимые критерии этнических реконструкций (Härke H., 2004, p. 456). С этой точки зрения важное значение для исследователей, работающих в культурно-исторической парадигме, имеют работы немецкого археолога С. Братера (Brather S., 2000, 2004). По его мнению, археологические культуры, даже если их считать научными категориями для описания культурных ареалов, все равно находятся в иной плоскости изучения, чем этническая идентичность. В некоторых случаях археологические культуры и этнические общности могут совпадать, но археологические источники в принципе не могут адекватно указывать на этническую идентичность. Поэтому задачи археологов должны быть адекватны имеющимся источникам, а интерпретации – методически осторожны (Brather S., 2000, s. 171).

При этом природа археологии не должна быть сводима к вопросу этнической интерпретации, так же как историческая наука не сводится только к политической истории. Материальная культура отражает не напрямую политические, социальные и этнические процессы, а только опосредованно. Разные социальные роли могли обозначать различными этническими понятиями, но по сути они являлись социальными терминами. Конкретный представитель элиты мог быть по происхождению галлом, но в контексте политической иерархии идентифицировать себя как франк. Поскольку этнические символы непостижимы археологами, они должны сосредоточиться на изучении экономических структур, социальных рангов, религии и т.д. (Brather S., 2000, s. 167–168, 172; 2004, s. 27).

Радикально революционные работы С. Братера были приняты многими в штыки. Он обвинялся как минимум в «этническом агностицизме». «Этнические интерпретации ни в коем случае не являются методически ложным путем в доисторической археологии», – писал один из критиков (Bierbauer V., 2004, s. 73). Его «редукционизм близок к логике «этнической чистки», – подчеркивал другой. Отрицать возможность этнических реконструкций – это в лучшем случае преувеличение, в худшем – невежество (Curta F., 2007, p. 180). Тем не менее важность данных свежих идей для европейской археологии представляется очень существенной.

Прежде всего конструктивизм призывает быть очень осторожным с этническими реконструкциями, сделанными на основе физико-антропологических и генетических исследований. Доисторические народы постоянно вступали в контакты с носителями других культур, обменивались брачными партнерами, периодически мигрировали на другие территории, смешивались и/или ассимилировались. Все это не могло не сказаться на облике людей и генетической природе. Возможность определить этничность (национальность) человека по внешним характеристикам давно ставится под сомнение. Достаточно задаться, например, вопросом: что такое «типичный русский» и так ли много людей в российской столице – Москве – попадает под эти представления?

Этническая группа объединяется вокруг особых традиций, среди которых могут быть занимаемая территория, язык, религия, расовые особенности и т.д., но ни один из признаков не имеет существенного значения (de Vos G., 1982, p. 9, 16). Некоторые народы, например цыгане, не имеют компактной территории проживания. Современ-

ные баски не говорят на баскском языке. Многие народы могут исповедовать сразу несколько различных религий. Современные американцы имеют разный цвет кожи. По этой причине, возможно, правы те, кто считает, что этническая идентичность состоит из субъективного и символического использования любого аспекта культуры, чтобы отличать себя от других групп.

Конструктивистская интерпретация этничности

В 1968 г. под редакцией Ф. Барта вышел очень важный сборник статей по проблемам этничности, который по праву сейчас считается манифестом современного конструктивизма (Барт Ф., 2006). Редактор и авторы сборника показали, что этничность имеет ситуационный характер. Индивиды могут менять (в том числе расширять или сужать) ее в зависимости от самых разнообразных личных, политических, экономических и других интересов. Этническая идентичность непостоянна и в немалой степени зависит от наличия или отсутствия культурной границы с соседней этнической группой. Этническая идентичность постоянно переконструируется, переизобретается и оспаривается. Различные отличительные маркеры, которые приписывают той или иной этнической группе (одежда, язык, обычаи и т.д.), в одних ситуациях могут послужить символами идентичности, в других случаях их значимость может быть не настолько велика.

С точки зрения Ф. Барта бессмысленно пытаться определить этническую идентичность исходя из каких-то культурных признаков. «Большая часть культурного материала, который в любой конкретный момент времени ассоциируется с той или иной группой народонаселения, *не заключена* в пределы этой границы; этот материал может варьироваться, передаваться и меняться вне какой-либо существенной связи с границей этнической группы. Поэтому, прослеживая историю этнической группы во времени, *невозможно* одновременно в том же самом смысле проследить историю ее «культуры»: элементы нынешней культуры этнической группы не возникают из определенного набора, конституирующего культуру этой группы в предшествующий период, тогда как группа продолжает свое непрерывное организационное существование, сохраняя границы» (Барт Ф., 2006, с. 48).

Так, саамы арктического побережья Норвегии по своей культуре практически ничем не отличаются от норвежцев. Занимаются теми же видами хозяйственной деятельности, носят ту же одежду, живут в таких же домах, даже публично говорят на диалекте норвежского языка. Их идентичность имеет скрытый характер, что обусловлено наличием негативных этнических стереотипов восприятия саамов со стороны титульной нации – норвежцев (Эйдхейм Х., 2006, с. 51–52). По этой причине **установить этническую принадлежность группы на основе присущих ей культурных признаков очень трудно, а иногда просто невозможно.**

Гораздо более важна для самоидентификации **граница** с другими группами. Подсознательно многие исследователи рассматривают любую этническую общность вне ее контактов и связей с другими коллективами. В реальности только в очень редком случае антрополог имеет дело с изолированной группой (условно говоря, «племенем на острове»). В реальности любая общность связана различными социальными отношениями с другими коллективами. При этом не различия между группами ведут к установлению границ, **а создание границ устанавливает различия.** «Между этническими единицами также поддерживаются границы, а следовательно, можно опре-

делить природу непрерывности и сохранности таких единиц..., этнические границы поддерживаются с помощью ограниченного набора культурных признаков. Поэтому устойчивость этнических единиц зависит от устойчивости этих культурных различий» (Барт Ф., 2006, с. 48).

Идентичность и культурные символы

Следовательно, об этнической идентичности группы можно говорить только в контексте противопоставления данной группы другим этническим группам. Тогда в этом случае можно говорить о каких-то особых культурных символах, которые маркируют данную идентичность и разделяются другими представителями этой группы (Muller-Scheessel N., Burmeister S., 2006; Curta F., 2007). Далеко не все элементы культуры составляют символы этнической идентичности. Таких знаков может быть только несколько, но они имеют для носителей данной группы решающее значение. Отбор маркеров часто может выступать как своеобразная стратегия, наподобие того, как одежда служит своеобразным дресс-кодом для определения статуса индивида.

Например, во многих обществах одежда выступает как своеобразный «символический текст». Она визуально передает информацию о владельце другим индивидам или группам. Это утверждение можно проиллюстрировать множеством самых разнообразных примеров. Самый характерный из них – ношение одежды европейского покроя – как показатель политической корректности политическим преобразованиям Петра I в России. К сожалению, из-за дискретности имеющихся источников археологи, как правило, не имеют возможности разобраться с тем, что скрывается за смыслом терминов, которыми создаются этнические границы. Но это не значит, что положительный результат невозможен. Просто на этот счет нет готовых рецептов. Каждое решение предполагает разработку своей собственной методологии и свою конкретную реализацию (Muller-Scheessel N., Burmeister S., 2006, s. 34).

Один из удачных примеров этнической идентичности – это длинные плетеные косы у аваров. Эта черта отмечается в их описании под 558 г., когда они прислали послов к Юстиниану. Однако данный признак не фиксируется в погребениях раннеаварского времени. Специальные украшенные зажимы для волос появляются в погребениях воинов высокого статуса только начиная со среднеаварского периода 620–680 гг. «Эмблемный стиль, связанный с зажимами для волос, был изобретением второго или третьего поколения аварских воинов», – пишет Ф. Курта (Curta F., 2007, p. 182). Впоследствии этот признак стал для византийцев нарицательным при обозначении кочевников аваров: «грязная раса длинноволосых варваров» (Ibid., p. 181–182).

Исследователи стилей в археологии подчеркивают, что стиль – это своего рода форма невербальных связей, которая визуально подчеркивают идею общей идентичности носителей данной культуры. По мнению П. Уисслера, стиль может быть двух видов. *Эмблемный* стиль указывает на принадлежность владельца к той или иной группе. Возможно, он имеет большее значение для процессов политической мобилизации, поскольку демонстрирует идеи группового единства. *Утвердительный* стиль свидетельствует об индивидуальности данного конкретного индивида (Wiessner P., 1983).

Этническая идентичность часто могла быть связана или пересекаться с гендерной, классовой, возрастной идентичностью. В Кении этноархеологическими исследованиями было установлено, что дифференциация между типами копий больше отражала возрастное неравенство, чем этнические особенности групп (Larick R., 1991). Как при-

мер символов, значимых для гендерной идентичности, могут рассматриваться фибулы в женских погребениях ломбардов и гепидов V–VI вв. н.э. (Curta F., 2007, p. 173–174). Причем археологи нередко рассматривают эти формы идентичности отдельно друг от друга, но в реальности они могли иметь какое-то конкретное значение одновременно.

Заключение

Подводя итоги изложенного выше, необходимо выделить несколько наиболее важных выводов. Прежде всего нужно отметить, что было бы нелепо отрицать возможность этнических реконструкций применительно к народам, которые известны не только по археологическим, но и по письменным источникам (с дописьменным культурами все гораздо сложнее). Вряд ли кто решится поставить под сомнение факт (разве что кроме некоторых математиков), что основное средневековое население Новгорода было славянами, а жители средневекового Приморья чжурчжэнями. Однако редко когда кто задумывается над тем, что письменные источники очень избирательны и тенденциозны. Многие исследователи попадают в своеобразную ловушку при использовании нарративных источников. Они начинают принимать за реальность схемы, которые были созданы для описания реальности.

Отсюда следует важный вывод, который необходимо помнить в ходе конкретного археологического и/или исторического исследования: любые древние или средневековые этнонимы представляют собой конструкторы. Эти конструкторы были созданы современниками для описания народов в соответствии с их собственными представлениями. Кроме этого, нередко археологи воспринимают упоминаемые в письменных источниках народы как сложившиеся монолитные этнические образования. Возможно, что это подсознательное перенесение представлений о современных народах на прошлые эпохи.

Следующий важный вывод – конструкторами являются не только этнонимы, но и выделяемые археологами культуры. Археолог в процессе изучения раскопанного материала классифицирует находки и для упорядочения информации создает аналитические конструкции – типы, культуры, их локальные варианты. Затем исследователь очерчивает границы своей культуры. При этом он не столько выделяет границы археологических культур, сколько именно создает их (лучшим подтверждением этого является факт постоянного выделения на основе уже «открытых» культур все новых и новых). После этого он сам и часть коллег начинают верить в реальность, объективность выделенной культуры. Следующим шагом обычно является наделение археологических культур чертами этнической группы. Границы наносятся на карты. Так создаются различные народы – андроновцы, афанасьевцы, карасукцы и т.д.

Для некоторых коллег открытые (точнее, созданные ими) археологические культуры становятся знаменем всей жизни. Если с течением времени накапливается новый материал, позволяющий сконструировать другие, более корректные на данный момент аналитические категории, они ревностно встают на стражу утвержденных раз и навсегда принципов. Другие, дабы закрепиться на археологическом пространстве, находят свой памятник, объявляют его отдельной культурой и таким образом легитимизируют профессиональную идентичность. Осознание этого является важной частью нового осмысления проблемы поиска показателей этничности в археологических источниках.

Наконец, необходимо обратить пристальное внимание на осмысление культурных стилей и поиск символов идентичности. Однако здесь нет универсальных ключей и установленных шаблонов. В каждом конкретном случае придется вырабатывать собственную методику поиска и опираться на разные категории фактического материала. Но тем интереснее процесс самого поиска и слаще радость сделанного открытия.

Библиографический список

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
- Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.
- Ганжа А.И. Историография проблемы «археологической культуры» в отечественной науке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988. 18 с.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 448 с.
- Ковалевская В.Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1995. 192 с.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Шнирельман В.А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.: Наука, 1990. №201. С. 49–56.
- Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов): Препринт. Екатеринбург, 1993. 40 с.
- Эйдхейм Х. Когда этническая идентичность становится социальным сигматом? // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. С. 49–71.
- Bierbrauer V. Zur Ethnischen Interpretation in der Frühgeschichte Archäologie // Die Suche nach den Ursprüngen. Von der Bedeutung des frühen Mittelalters. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2004. S. 45–84.
- Binford L. Interassemblage variability – the mousterian and the «functional» argument // The Explanation of Culture Change: models in prehistory. London: Duckworth, 1973. P. 227–254.
- Brather S. Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie // Germania. Frankfurt am Main, 2000. Bd. 78. S. 139–177.
- Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie, Grundlagen und Alternativen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. X. 822 s.
- Brosseder U. Ebenen sozialer Identitäten im Spiegel des Zeichensystems hallstattzeitlicher Keramik // Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie. München: Waxmann Munster, 2006. S. 119–138.
- Childe V.G. The Danube in prehistory. Oxford: Clarendon Press, 1929. 479 p.
- Curta F. Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // Early Medieval Europe. 2007. №2. Vol. 15. P. 159–185.
- de Vos G. Ethnic pluralism: conflict and accommodation // Ethnic Identity: cultural continuities and change. Chicago: University of Chicago Press, 1982. P. 5–41.
- Emberling G. Ethnicity in Complex Societies: Archaeological Perspectives // Journal of Archaeological Research. 1997. Vol. 5, №4. P. 295–344.
- Ericson J.M., Meighan C.W. Boundaries, alliance and exchange in California // Exploring the Limits: Frontier and Boundaries in Prehistory. Oxford: British archaeological Records. International Series, 1984. P. 143–152.
- Green S.W., Perlman S.M. Frontiers, boundaries, and open social systems // The Archaeology of Frontiers and Boundaries. Orlando, FL: Academic, 1985. P. 3–13.
- Hahn H.P. Sachbesitz, Individuum und Gruppe – eine ethnologische Perspektive // Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie. München etc.: Waxmann Munster, 2006. P. 59–80.

- Hodder I. Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 256 p.
- Jones S. The Archaeology of Ethnicity. London: Routledge, 1997. 180 p.
- Jordan T. New Sweden's role on the American frontier: a study in cultural preadaptation // *Geografiska Annaler*. 1989. B. 71, №2. P. 71–83.
- Justeson J., Hampson S. Closed models of open systems; boundary considerations // *The Archaeology of Frontiers and Boundaries*. Orlando, FL: Academic, 1985. P. 15–30.
- Larick R. Warriors and blacksmiths: mediating ethnicity in East African spears // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1991. Vol. 10. P. 299–331.
- Lightfoot K.G., Martinez A. Frontiers and Boundaries in Archaeological Perspective // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 471–492.
- Muller J. Soziale Grenzen und die Frage raumlicher Identitätsgruppen in der Prähistorie // *Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie*. München etc.: Waxmann Munster, 2006. S. 103–117.
- Muller-Scheessel N., Burmeister S. Einführung: Die Identifizierung sozialer Gruppen: Die Erkenntnismöglichkeiten der Prähistorischen Archäologie auf dem Prüfstand // *Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie*. München etc.: Waxmann Munster, 2006. P. 9–38.
- Pike K. Emic and etic standpoints for the description of behavior // *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. Part I. Glendale: Summer institute of Linguistics. P. 8–28.
- Pikirayi I. Ceramics and group identities: Towards a social archaeology in southern African Iron Age ceramic studies // *Journal of Social Archaeology*. 2007. Vol. 7, №3. P. 286–301.
- Plog S. Stylistic Variation in Prehistoric Ceramics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 172 p.
- Renfrew C. Space, time and polity // *The Evolution of Social Systems*. London: Duckworth, 1977. P. 89–112.
- Sampson C.G. Stylistic Boundaries among Mobile Hunter-Foragers. Washington, DC: Smithsonian Institute Press, 1988. 186 p.
- Shennan S. Introduction: archaeological approaches to cultural identity // *Archaeological Approaches to Cultural Identity*. London: Upwin Hyman, 1989. P. 1–32.
- Shortman E.M., Urban P.A. The place of interaction studies in archaeological thought // *Resources, Power, and Interregional Interaction*. New York: Plenum, 1992. P. 3–21.
- Wiessner P. Style and social information n Kalahari San projectile points // *American Antiquity*. 1983. Vol. 48, №2. P. 253–276.
- Wiessner P. Style and Social Information in Kalahari San Projective Points // *American Antiquity*. 1983. Vol. 48, №2. P. 253–276.
- Zebb-Lanz A. Überlegungen zu Sozialaspekten keramischer Gruppen. Beispüle aus dem Meolithikum Südwestdeutschlands // *Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie*. München etc.: Waxmann Munster, 2006. S. 81–102.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Поляков, С.В. Святко

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;
Школа географии, археологии и палеоэкологии, Королевский университет Белфаста,
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии*

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА – НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ: ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ И НОВЫЕ ДАННЫЕ

Введение

На сегодняшний день радиоуглеродное датирование является широко используемым методом изучения археологических памятников. Несмотря на острые дискуссии, которые были вызваны противоречивыми результатами, полученными на стадии его становления (Руденко С.И., 1968), сейчас мало кто из исследователей не обращается к этому методу. Количество определений неуклонно растет, и процесс первичного накопления данных уже можно считать завершенным. На данный момент необходимы систематизация и анализ накопленных за последние полвека материалов, что позволит комплексно взглянуть на достигнутые результаты и приступить к воссозданию из мозаики имеющихся дат целостной хронологической картины для различных регионов и эпох.

Первые шаги в этом направлении были предприняты сравнительно недавно. Они направлены в первую очередь на изучение серий дат отдельных археологических культур и их общностей (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004а–б) и на обобщение данных единого хронологического горизонта, охватывающего обширные территории (Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000; Евразия в скифскую эпоху, 2005).

Не меньший интерес будет представлять изучение материалов, относящихся к продолжительному временному периоду, но из ограниченной территории. Такой анализ позволит получить хорошо стратифицированную хронологическую колонку, на которую не будут оказывать влияния возможные периоды сосуществования культур на различных территориях. Район Среднего Енисея является крайне удачным примером такой практически полностью изолированной области: с трех сторон Хакасско-Минусинские котловины окружены широкими горными хребтами, отделяющими их от близлежащих территорий. Отчасти подобная работа уже проделана немецкими специалистами (Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2001). В районе горы Суханиха (правый берег Енисея) были проведены масштабные исследования, в которых использовался метод изучения всей стратиграфической колонки археологических объектов микро-района, успешно разработанный и воплощенный в свое время С.А. Теплоуховым (1927; 1929). В результате было получено свыше 50 радиоуглеродных дат, охватывающих все основные археологические культуры Среднего Енисея энеолита – начала эпохи железа. Результаты подтвердили концепцию последовательной смены культур

этого региона, разработанную С.А. Теплоуховым и позже развитую С.В. Киселевым и М.П. Грязновым (Киселев С.В., 1951; История Сибири, 1968; Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее, 1979). Однако все даты были получены только для одного микрорайона (горы Суханиха), и остается неясным, можно ли распространить полученные выводы на весь регион Среднего Енисея.

Цель и источники исследования

В данной работе представлена новая серия радиоуглеродных дат (88 образцов) из погребений энеолита – раннего железного века Среднего Енисея (афанасьевская – тагарская культуры). Датировки были сделаны в рамках проекта по исследованию диеты народов энеолита – начала железного века Среднего Енисея, организованного Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН и Центром ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (Королевский университет Белфаста). Результаты датирования оказались достаточно интересными, и некоторые предварительные выводы по этой серии, в том числе касающиеся хронологического соотношения различных культур, уже опубликованы (Svyatko S.V. and et., 2009). Эти материалы находятся на интернет-сайте журнала «Радиоуглерод» университета Аризоны, США (<https://digitalcommons.library.arizona.edu/>). В указанной статье также представлены диаграммы (в том числе суммарные вероятности), построенные только по новым материалам, поэтому здесь они повторяются не будут.

Сопоставление этой серии дат с результатами, полученными немецкими исследователями по материалам могильников горы Суханиха, не выявило серьезных расхождений. Однако, кроме этой крайне интересной, но небольшой серии анализов, в литературе известно еще более 200 радиоуглеродных дат для памятников Среднего Енисея, выполненных в Санкт-Петербурге в лаборатории ИИМК РАН. Все они были опубликованы в разные годы в различных изданиях и до настоящего времени не систематизированы.

В данной статье мы постарались обобщить всю доступную информацию по уже имеющимся радиоуглеродным датам археологических культур Среднего Енисея и сравнить их с новыми результатами. Всего, включая новые определения, удалось собрать 371 дату. Они представлены в таблице 1. Все даты были заново откалиброваны с использованием программы OxCal 5.0.2 (Bronk Ramsey C., 2007) и калибровочной кривой IntCal04 (Reimer P.J. and et., 2004). Получившаяся подборка не претендует на абсолютную полноту, но представляет все опубликованные на сегодняшний день даты по эпохе энеолита – раннего железного века Среднего Енисея.

Количество определений, выполненных для различных типов памятников (погребальных и поселенческих), отличается в десятки раз: из 371 даты только 10 относятся к поселениям. Их сравнение с синхронными погребальными памятниками выявило тенденцию к «омоложению» поселенческих комплексов (рис. 1). Особенно четко это прослеживается на примере поселения Торгажак (Савинов Д.Г., 1996). На основании керамики и других находок памятник уверенно синхронизируется с близлежащими могильниками, которые датируются финальной частью «классического» этапа карасукской культуры. В то же время радиоуглеродные даты самого поселения показали очень большой разброс и сопоставимы с датами ранних этапов тагарской культуры. Причины этого явления пока не установлены, поэтому во избежание неясности далее при построении диаграмм даты поселенческих памятников не использовались.

Таблица 1

Общее число радиоуглеродных дат, полученных в разных лабораториях
(новая серия выделена жирным шрифтом)

Археологическая культура		(Le) ¹	(Blн) ²	(Ub/Uba)³	(Ua) ⁴	Всего
Афанасьевская		17	7	5	–	29
Окуневская		2	10	19	–	31
Андроновская		17	5	9	–	31
Карасукская	«классический» этап	17	9	13	–	39
	каменоложский этап	26	10	2	1	39
Тагарская	баиновский этап	5	1	1	–	7
	подгорновский этап	31	1	16	–	48
	сарашенский этап	69	7	13	–	89
	тесинский этап	44	3	3	–	50
Принадлежность не установлена		–	–	8	–	8
Всего		228	53	89	1	371

¹ Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

² Лаборатории Центрального Германского археологического института (Берлин).

³ Лаборатория Центра ¹⁴ХРОНО по исследованию климата, окружающей среды и хронологии (Королевский университет Белфаста).

⁴ Лаборатория Университета Упсалы.

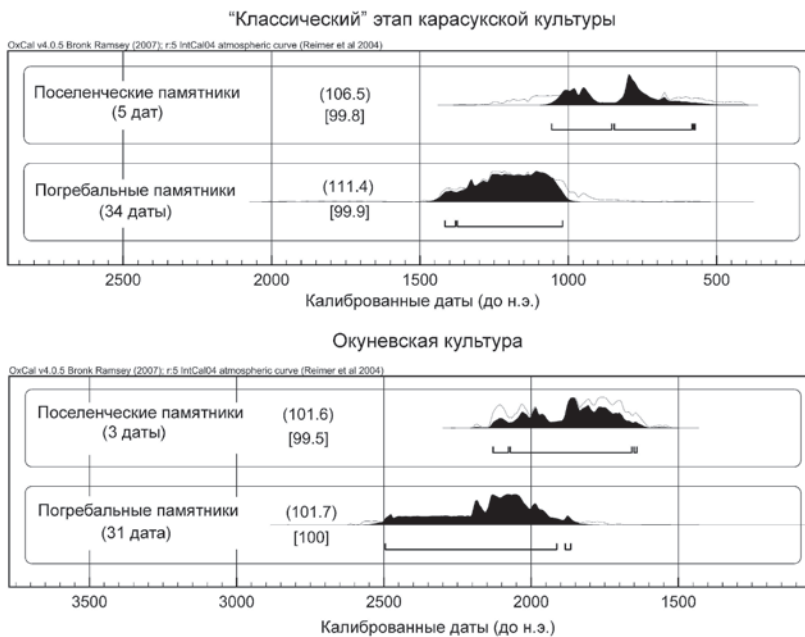

Рис. 1. Суммарные вероятности радиоуглеродных дат поселенческих и погребальных памятников (окуневская и карасукская культуры)

Материалы и методы

Для радиоуглеродного датирования были отобраны образцы костей 88 взрослых индивидов обоих полов и различных возрастных категорий. Образцы, каждый весом около 2 г, были взяты из разных частей скелета. Все материалы были приготовлены в ¹⁴ХРОНО Центре по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (**¹⁴CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology, Queen's University of Belfast**). Получение коллагена проведено по ультрафильтрационному методу следующим образом: образцы костей были декальцинированы в 2%-ном растворе соляной кислоты (HCl), и далее нагревались до температуры 58 °С при pH2. Затем содержимое пробирок было отфильтровано с использованием очищенных фильтров Vivaspin™ 15S. Полученный коллаген высушен путем сублимации (Brown T.A. and et., 1988). Фильтры Vivaspin™ очищены следующим образом: фильтры были дважды центрифугированы с использованием воды высшей степени очистки (MilliQ™), обработаны ультразвуком в воде MilliQ™ и затем центрифугированы еще три раза с использованием воды MilliQ™ (Bronk Ramsey C. and et., 2004).

Приготовленные образцы были запаяны под вакуумом в кварцевых трубках с необходимым количеством оксида меди (CuO) и сожжены при температуре 850 °С до получения углекислого газа (CO₂). Углекислый газ затем превращен в графит на железном катализаторе, следуя методу восстановления цинка (zink reduction method) (Slota Jr P.J. and et., 1987). Два образца (UBA-8786 и UBA-8789) содержали менее 1 мг углерода, поэтому данные образцы пришлось превратить в графит на железном катализаторе методом восстановления водородом (hydrogen reduction method) (Vogel J.S., Nelson D.E., Southon J.R., 1987). Графит далее был спрессован и датирован с использованием ускорительного масс-спектрометра (AMS). Для датирования использованы две лаборатории – 10 дат (лабораторный индекс UB) получены в лаборатории Оксфордского университета (Oxford Radiocarbon Accelerator Unit, University of Oxford), остальные 78 дат (лабораторный индекс UBA) – в лаборатории ¹⁴ХРОНО Центра Королевского университета Белфаста. Радиоуглеродный возраст и стандартное отклонение рассчитаны по периоду полураспада В. Либби (5568 years), следуя соглашениям (Stuiver M., Polach M.A., 1977). Затем радиоуглеродный возраст образцов был скорректирован с учетом изотопного фракционирования с использованием значений δ¹³C, измеренных AMS. Показатели %C, %N, δ¹³C и δ¹⁵N измерены при помощи масс-спектрографа, совмещенного с элементным анализатором (EA-IRMS). Следуя руководству (DeNiro M.J., 1985), только образцы с показателем C/N_{атомн} в пределах 2.9–3.6 включены в данное исследование. Результаты анализа стабильных изотопов планируется представить дальнейших публикациях и не будут обсуждаться в данной работе. Для калибровки радиоуглеродных дат использовалась программа OxCal 4.0.5 (Bronk Ramsey C., 2007) и калибровочная кривая IntCal04 (Reimer P.J. and et., 2004). При построении диаграмм, суммирующих даты разных погребений, применялись функции «Sum» и «Boundary».

Эпоха неолита

Неолитические памятники в среднем течении Енисея крайне немногочисленны, что очень осложняет изучение этого периода (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 11–14; Кызласов Л.Р., 1986, с. 5–84). В большинстве случаев материалы были обнаружены в результате сборов. Изредка встречаются стоянки или памятники, относящиеся к категории поселений

(Унюк, Карасево), однако их датировка почти во всех случаях вызывает серьезные сомнения, так как на этих памятниках также обнаружены материалы афанасьевской и окуневской культур. Не меньше дискуссий связано с единичными погребениями, которые по различным признакам отнесены к неолитическому времени (Вадецкая Э.Б., 1988). Радиоуглеродное датирование неолитических памятников может в значительной степени прояснить вопрос об их культурной принадлежности и хронологии, однако до сегодняшнего дня не было опубликовано ни одной даты для этого периода.

Для анализа был взят образец из предположительно неолитического «закрытого» комплекса – погребения Батени (Грязнов М.П., 1953). Однако полученная дата, 2461–2206 гг. до н.э. (рис. 2), полностью соответствует радиоуглеродным датам окуневской культуры. Результат подтверждает предположение Э.Б. Вадецкой (1988, с. 69) о том, что по набору инвентаря это погребение вполне может относиться к окуневскому времени (к примеру, наличие астрагалов овцы противоречит гипотезе об отсутствии скотоводства в неолитическое время на территории Среднего Енисея). Напротив, в материалах окуневской культуры астрагалы овцы являются весьма распространенной находкой (Максименков Г.А., 1980, табл. XXV; Лазаретов И.П., 1997, с. 24, табл. XVI.-5).

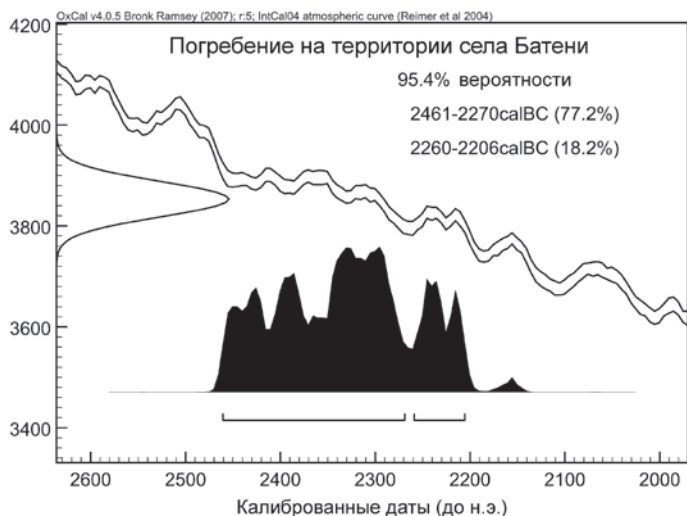

Рис. 2. Радиоуглеродная дата погребения на территории села Батени

Полученный результат еще раз подчеркивает важность критического анализа источников, датирующихся эпохой неолита. Только тщательное комплексное изучение всех материалов данного периода и привлечение максимально широкого спектра современных методов позволит подойти к решению этой проблемы объективно.

Афанасьевская культура

С момента выделения афанасьевской культуры С.А. Теплоуховым (1929) вопрос об ее хронологических рамках не теряет своей актуальности. Большинство исследователей относят афанасьевские памятники к энеолиту, т.е. начальной стадии эпохи металла (История Сибири, 1968, с. 159; Максименков Г.А., 1975а, с. 48–49; Грязнов М.П., 1999, с. 45). При этом по-прежнему остается нерешенным вопрос об их относительной хронологии. Из-за крайне незначительного числа неолитических памятников на

Среднем Енисее исследовать их взаимосвязь с афанасьевской культурой практически невозможно. Отдельные работы, касающиеся этой проблемы (например, см.: Виноградов А.В., 1982), пока не выглядят убедительно. Гораздо более детально проработана относительная хронология взаимосвязи афанасьевской и окуневской культур; большинство исследователей предполагают их последовательную смену. Это подтверждается многочисленными случаями впускных окуневских погребений в насыпях афанасьевских курганов, а также данными многослойной стоянки Тора-Даш в каньоне Енисея, где материалы этих культур залегают в последовательных слоях (Максименков Г.А., 1965; Вадецкая Э.Б., 1981, с. 61–62; Семенов Вл.А., 1983, с. 20–25). Однако существует и иная точка зрения, предполагающая продолжительный период сосуществования двух культур и опирающаяся на случаи совместного залегания их материалов в одном погребении (Тас-Хаза, Камышта) (Хлобыстина М.Д., 1973; Соколова Л.А., 2007).

К сожалению, материалов по абсолютным датам афанасьевской культуры (включая регионы Алтая, Монголии и Верхнего Енисея) также крайне мало; возможности опереться на письменные источники нет. Единственная культура, в которой неоднократно отмечались аналогии с афанасьевской, – ямная (Теплоухов С.А., 1927; Киселев С.В., 1951; История Сибири, 1968; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 22; Семенов Вл.А., 1987, с. 17–19). Однако памятники ямной культурно-исторической общности расположены более чем в двух тысячах километрах от Южной Сибири, к тому же вопросы, связанные с ее датировкой, в последние десятилетия активно пересматриваются. Таким образом, на сегодняшний день радиоуглеродный метод остается практически единственной возможностью уточнить хронологические рамки афанасьевской культуры, что было справедливо отмечено Э.Б. Вадецкой (1981, с. 62) еще при публикации материалов могильника Красный Яр-I. Известные археологические даты афанасьевской культуры зачастую так или иначе опираются на результаты радиоуглеродного датирования (преимущественно некалиброванные радиоуглеродные даты). До последнего времени большинство исследователей относили эту культуру к концу III тыс. до н.э. (История Сибири, 1968; Виноградов А.В., 1982, с. 12; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 22–23; Кызласов Л.Р., 1986, с. 242–243).

На сегодняшний день известно 29 радиоуглеродных дат афанасьевской культуры Среднего Енисея, все они сделаны в разные годы исключительно для погребальных памятников. Из них 24 получены на основе древесины из могильников Черновая-VI, Красный Яр-I, Восточное, Летник-VI, Малиновый Лог, Малые Копены-II, Саргов Улус, Суханиха, Суханиха-II и Итколь-II. Семь новых анализов было сделано по костям погребенных из могильников Афанасьева Гора и Карасук-III. Из них два образца имеют гораздо более позднюю дату (UBA-7902: 663–772 гг. н.э.; UBA-7904: 518–386 гг. до н.э.). Погребение UBA-7904 зафиксировано в отчете как впускное и, скорее всего, с афанасьевской культурой не связано, а погребение UBA-7902 – как относящееся к I тыс. н.э. (Грязнов М.П., 1999, с. 12, 36–37). Большинство остальных образцов (22 из 29) датируются 33–25 вв. до н.э. (рис. 3); видимо, эти хронологические границы можно рассматривать как наиболее вероятные для афанасьевской культуры. Особенно интересна серия дат погребений могильника Малиновый Лог (Еромова Н.М., Марков Ю.Н., 1983, с. 95–96), где сразу четыре образца из двух оград показали гораздо более древний возраст (37–33 вв. до н.э.). На наш взгляд, пока эти даты не подтверждены радиоуглеродными датами других афанасьевских могильников, к ним следует относиться с долей осторожности.

Несколько слов необходимо сказать о собственно материале – источнике образцов для анализа. Погребения афанасьевской культуры относительно богаты деревянными конструкциями и зачастую представляют собой срубы, перекрытые накатом из бревен. Все 24 даты, полученные ранее, были сделаны на образцах дерева или угля. При датировании таких материалов есть возможность проявления так называемого эффекта старого дерева: когда для постройки погребений использовались мощные стволы зрелых деревьев либо переиспользовались старые бревна. Их радиоуглеродная дата может быть на несколько сотен лет древнее фактического времени сооружения памятника. Напротив, новые пять дат были получены из образцов костей человека, и все они близки к верхней хронологической границе культуры. Таким образом, многие даты, сделанные по образцам дерева или угля, гораздо старше дат, сделанных по образцам костей. Впрочем, на данный момент пока нет датировок для одного могильника, сделанных на разном материале, так что описанный эффект может объясняться индивидуальной более поздней хронологией памятников Афанасьева Гора и Карасук-III.

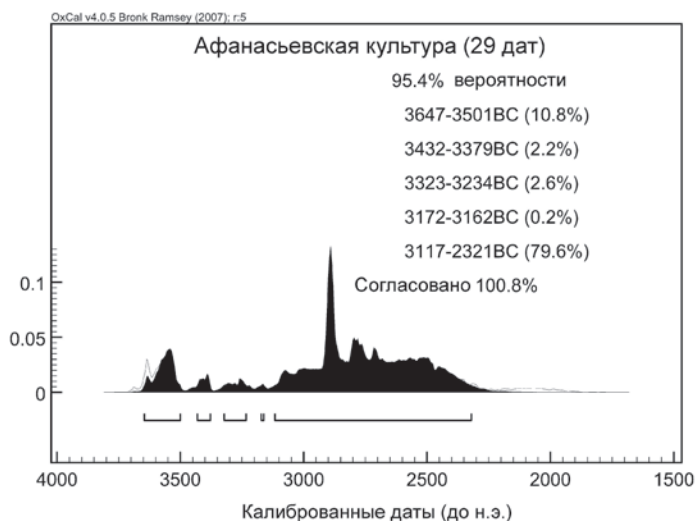

Рис. 3. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат афанасьевских погребений Среднего Енисея

Интересные сопоставления можно провести между датами афанасьевских памятников из Минусинской котловины и Алтая. В большинстве случаев определения для Алтая (памятники Нижний Тюмечин-I, Ело-Баши, Ело-I, Усть-Теплая, Первый Межелик-I, Тархата-I, Кунос, Тыткескень-VI и Денисова пещера) синхронны датам Среднего Енисея, включая Малиновый Лог, и относятся к 37–25 вв. до н.э. (Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983, с. 96; Вдовина Т.А., 2004, с. 6–12; Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 113). Однако некоторые памятники (Кара-Коба-I, Нижний Айры-Таш, Нижнетыткескенская и Каминная пещеры), вероятно, несколько древнее: часть их радиоуглеродных дат относится к концу V тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с. 42; Орлова Л.А., 1995, с. 205–233). Недавно были опубликованы шесть дат, полученных по материалам афанасьевского кургана Монгольского Алтая Кургак гови-I (Ковалев А.А. и др., 2008, с. 174). Все они укладываются в хронологический отрезок 3050–2450 гг. до н.э.

Таким образом, радиоуглеродные даты афанасьевской культуры Среднего Енисея, Алтая и Монголии демонстрируют единую верхнюю хронологическую границу – 25 в. до н.э. Нижняя же граница заметно варьирует: наиболее древние даты представлены памятниками Алтая (конец V тыс. до н.э.), а на Среднем Енисее афанасьевская культура появилась, вероятно, несколько позже (IV тыс. до н.э.). Какие-либо определенные выводы в отношении монгольских памятников пока сделать трудно, так как даты, полученные для одного кургана, явно недостаточны для надежного датирования этого региона.

На сегодняшний день большая серия радиоуглеродных дат (свыше 189 определений) накоплена для памятников ямной КИО (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004а). Сумма вероятности всех 189 дат соответствует 36–19 вв. до н.э. (анализ этих данных проводился с использованием более ранней версии программы OxCal). Таким образом, согласно радиоуглеродной хронологии, памятники афанасьевской культуры Среднего Енисея синхронны ранним этапам развития ямной КИО. Этот вывод во многом соответствует представлениям о «родственных» связях двух культур.

В целом использование калибровочных кривых позволило внести заметные поправки в датировку афанасьевской культуры. На сегодняшний день наиболее вероятными хронологическими рамками культуры можно считать 33–25 вв. до н.э., хотя более ранние даты могильника Малиновый Лог дают основание предполагать, что верхняя хронологическая граница памятников может оказаться древнее.

Окуневская культура

Окуневские памятники были выделены в самостоятельную культуру сравнительно недавно (Максименков Г.А., 1964, с. 243–248; 1975б). До 1960-х гг. их относили либо к ранним этапам андроновской культуры (Жомарова М.Н., 1947), либо к финальной стадии афанасьевской эпохи (Липский А.Н., 1961, с. 269–278). Таким образом, относительная хронологическая позиция окуневских памятников между афанасьевской и андроновской культурами с самого начала была вполне определенной. Много дискуссий было вызвано исследованиями А.Н. Липского (1961, с. 271–276), который зафиксировал в погребениях некоторых могильников (Тас-Хазая, Камышта) совместное залегание керамики афанасьевского и окуневского типов. На этом основании появились предположения о продолжительном периоде сосуществования этих культур (Хлобыстина М.Д., 1973). Однако большинство специалистов отстаивают точку зрения об их последовательной смене (Максименков Г.А., 1964; Семенов Вл.А., 1997; Лазаретов И.П., 2001, с. 103).

В последние десятилетия в литературе началось обсуждение верхней хронологической границы окуневских памятников. Археологи уже давно предполагают, что, скорее всего, андроновское население проникло на Средний Енисей с севера по лесостепному «чулымскому коридору» (Членова Н.Л., 1984; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 42). Также отмечается, что памятники этого периода не фиксируются южнее широты современного города Абакан (Максименков Г.А., 1978, с. 6; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 41–42; Лазаретов И.П., 2001, с. 104; Бобров В.В., 2003, с. 14; Савинов Д.Г., 2005, с. 29). Таким образом, напрашивается вывод, что андроновская «экспансия» с севера на юг вдоль русла Енисея была на определенном этапе остановлена, и эта граница сохранялась на протяжении всего периода существования андроновской культуры в Хакасско-Минусинской котловине. Причины этого явления, скорее всего, не связаны с географическими особенностями местности: существует предположение, что на юге, в собствен-

но Минусинской котловине, продолжали жить представители окуневской культуры, возможно до момента появления в этом районе карасукских племен (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 36, 46; Семенов Вл.А., 1997, с. 157–160; Лазаретов И.П., 2001, с. 104; Савинов Д.Г., 2002, с. 24, 32). К сожалению, пока не найдено прямых подтверждений этой теории, однако в южных памятниках карасукской культуры фиксируются элементы, свидетельствующие о возможных контактах с окуневским населением. Например, окуневская стела была обнаружена в «алтарной» нише карасукского поселения Торгажак (Савинов Д.Г., 1996, с. 29). В нескольких случаях под головами погребенных в карасукских могилах были найдены каменные плиты, которые принято называть «подушками» (Быстрая-II, могила-4; Подкунинские Горы, оградка-9, могила-2) и которые считаются «визитной карточкой» окуневского погребального обряда (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 29). Кроме того, на территории Верхнего Енисея окуневские памятники последовательно сменяются памятниками периода поздней бронзы (Семенов Вл.А., 1992).

Абсолютные даты окуневской культуры долгое время определялись хронологическими рамками афанасьевской и андроновской культур (Максименков Г.А., 1975а, с. 21–23; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 36). То есть нижней границей считались некалиброванные радиоуглеродные даты афанасьевской культуры, а верхняя хронологическая граница определялась датами федоровского варианта андроновской культуры Западной Сибири. Радиоуглеродные даты андроновских памятников Среднего Енисея не привлекались из-за их крайней противоречивости. В результате большинство исследователей датировали окуневскую культуру началом II тыс. до н.э. (Максименков Г.А., 1964, с. 21–23; Лазаретов И.П., 1997, с. 40–41).

До недавнего времени радиоуглеродное датирование памятников окуневской культуры проводилось крайне редко, так как в могилах почти полностью отсутствуют деревянные конструкции. С появлением возможности обрабатывать костный материал стало проводиться гораздо больше анализов. До настоящего момента было известно 12 определений, из которых семь получены на материалах могильника Уйбат-V. Новые даты (21 определение) сделаны для могильников Окунев Улус, Уйбат-III, Уйбат-V и Верхний Аскиз-I. Две из них продемонстрировали раннескифский возраст (UBA-7920: 968–821 гг. до н.э.; UBA-7907: 825–676 гг. до н.э.). В обоих случаях погребения безынвентарны, что вкупе с другими косвенными археологическими признаками позволяет предположить их впускной характер (например, в случае с UBA-7920, в могиле, где мог поместиться только один человек, фиксируются кости как минимум двух скелетов) (Лазаретов И.П., 1997, с. 26). Таким образом, за исключением этих двух образцов, всего к определению хронологических границ окуневской культуры можно привлечь 31 радиоуглеродную дату (из них 28 относятся к погребальным памятникам).

Подавляющее большинство показателей относятся к 25–19 вв. до н.э. (рис. 4), только одна дата оказалась немного древнее: Уйбат-V, курган №1, могила-4 (Blн-5196: 2618–2470 гг. до н.э.). Нижняя граница серии выглядит очень четко и не подтверждает предположение о продолжительном периоде сосуществования афанасьевской и окуневской культур. Если такое сосуществование и имело место, то, видимо, было весьма недолгим. Несколько более размытой выглядит верхняя хронологическая граница. Не считая крайне широкой даты могильника Карасук-III (Je-519: 2452–1322 гг. до н.э.), только три образца оказались позднее 19 в. до н.э. В двух случаях это материалы поселений Чебаки и Усть-Киндирла, а одна «молодая» дата получена из могильника

Черновая-ХІ, что соответствует представлениям археологов о позднем периоде существования этого памятника (Савинов Д.Г., 2005). В целом наиболее вероятной верхней хронологической границей окуневской культуры пока является 19 в. до н.э.

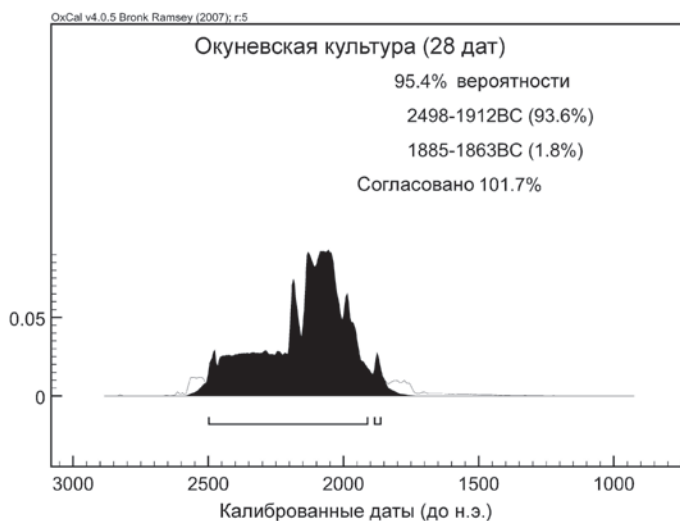

Рис. 4. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат окуневских погребений Среднего Енисея

Отдельно необходимо остановиться на возможной внутренней хронологии окуневских погребальных памятников. На основе материалов раскопок в долине реки Уйбат И.П. Лазаретовым (1997) был поставлен вопрос о разделении окуневской культуры на два последовательных этапа: уйбатский и более поздний черновский. Эта идея была поддержана практически всеми исследователями. Позже Д.Г. Савинов (2005) предложил дополнить эту схему финальным третьим этапом – разливским. Тем не менее радиоуглеродные даты уйбатских (Уйбат-III, Уйбат-V – шесть дат) и черновских (Уйбат-V, Окунев Улус, Верхний Аскиз-I – 17 дат) погребений не показывают принципиального различия. Можно только отметить, что даты памятников черновского этапа в основном концентрируются в пределах 22–20 вв. до н.э., а дата единственного образца из могильника разливского этапа (Черновая-ХІ) действительно оказалась наиболее поздней (Вln-5279: 1886–1744 гг. до н.э.). Таким образом, хотя в целом результаты пока не подтверждают мнение специалистов о внутренней хронологии окуневских памятников, есть перспективы дальнейшего изучения этого вопроса.

Завершая обзор радиоуглеродных дат окуневских памятников, необходимо вновь остановиться на проблеме абсолютной датировки культуры. Традиционная дата – начало II тыс. до н.э. – опиралась в первую очередь на некалиброванные радиоуглеродные даты афанасьевских могильников. На сегодняшний день есть основания относить формирование окуневской культуры к 25 в. до н.э., а верхнюю границу памятников уйбатского и черновского типов – к 19 в. до н.э. Возможно, на этом этапе существование окуневской культуры не закончилось, так как образец из памятника разливского типа датируется 19–17 вв. до н.э. Для уточнения верхней хронологической границы окуневских памятников необходимо проведение дополнительных исследований.

Андроновская культура

Относительная хронология андроновских памятников не вызывала дискуссий с момента выделения культуры С.А. Теплоуховым (1929), поместившим ее между афанасьевской и карасукской культурами. Выделение окуневской культуры тоже не создало противоречий, так как сами окуневские памятники к тому моменту уже были известны. Не так давно сформировался новый взгляд на взаимодействие окуневской и андроновской культур, допускающий возможность их сосуществования в разных районах Среднего Енисея (андроновского населения – в северной части региона, окуневского – в южной). Подробнее этот вопрос рассматривался в предыдущем разделе. Верхняя хронологическая граница андроновских памятников не вызывает сомнения: по мнению большинства исследователей, они сменяются карасукской культурой. Однако есть основания предполагать, что в самой северной, Назаровской, котловине они продолжали какое-то время существовать и в карасукскую эпоху (Поляков А.В., 2008).

В отличие от других культур Среднего Енисея, андроновские погребения содержат многочисленные остатки деревянных конструкций: срубов, перекрытий, деревянных столбов, которые достаточно хорошо сохраняются. С появлением радиоуглеродного метода именно образцы из андроновских памятников наиболее часто использовались для определения абсолютных дат. Однако результаты исследований зачастую оказывались противоречивыми. Первые определения показали разброс более чем в 1000 лет между соседними погребениями, что никак не согласовывалось с традиционными представлениями о хронологических рамках андроновской культуры. Эта ситуация породила в среде исследователей Южной Сибири стойкое недоверие к данным радиоуглеродного анализа, и многие археологи отказались от использования этого метода (Руденко С.И., 1968; Максименков Г.А., 1978, с. 107; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 46). Датировка андроновской культуры Среднего Енисея стала основываться на датах андроновской культуры западных регионов (Максименков Г.А., 1978, с. 106–108; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 46–47). Верхняя граница определялась датами начала карасукской культуры. В результате исследователи приходили к различным выводам, которые зачастую заметно отличались. Например, Г.А. Максименков предлагал интервал 17(16)–14 вв. до н.э. как наиболее вероятное время существования культуры, а Э.Б. Вадецкая – 13–11 вв. до н.э.

На момент проведения исследования было известно 22 радиоуглеродные даты андроновских памятников. Их них 17 анализов сделано в 1960–1970-х гг. в лаборатории ЛО ИА АН СССР (сейчас ИИМК РАН), а пять образцов (из могильника Потрошилово-II) – в результате сравнительно новых исследований, проведенных в 1990-х гг. в Берлине. Именно с первой группой дат связано большинство проблем, на которые обращали внимание археологи. Действительно, разброс данных достигает несколько тысячелетий: 32–4 вв. до н.э. Вторая группа дат демонстрирует совершенно иную картину и укладывается в сравнительно узкий хронологический промежуток – 18–15 вв. до н.э. (рис. 5).

В рамках данного исследования было сделано еще девять определений для могильников Первомайское-I, Потрошилово-II, Усть-Бюрь-I, Ярки-II. Все даты оказались в пределах 18–15 вв. до н.э. Таким образом, они полностью совпадают с серией дат могильника Потрошилово-II. Гораздо сложнее выглядит ситуация с самой первой серией анализов. Повторное изучение образцов из могильника Ярки-II не подтвердило имеющиеся даты: новая серия из трех дат оказалась очень однородной, без заметных хронологических разрывов. Это вызывает серьезные сомнения в аутентичности дат первой группы и заставляет от-

носиться к ним с большой осторожностью. Вероятно, широкий разброс показателей этой группы связан с тем, что получены в период становления и апробации метода радиоуглеродного датирования в 1960–1970-е гг., когда еще не уделялось столько внимания тщательности отбора образцов. Аналогичная ситуация наблюдается и с первыми радиоуглеродными датами для других территорий (Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005, с. 93–94): большинство необъяснимых расхождений радиоуглеродных и археологических дат приходится именно на определения, сделанные в 1960–1970-х гг. Видимо, данная проблема была актуальна для всех работавших в тот период исследовательских центров.

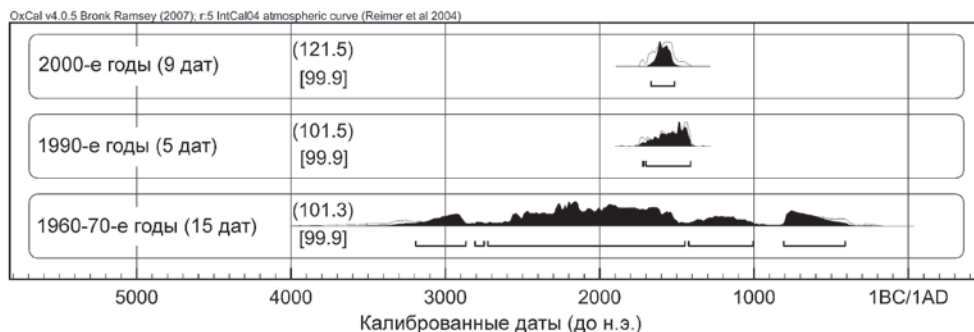

Рис. 5. Суммарные вероятности радиоуглеродных дат андроновской культуры Среднего Енисея, выполненные в разные годы

Таким образом, имеет смысл рассматривать только две последние серии дат, которые хорошо согласуются между собой и в целом не противоречат традиционным представлениям, построенным на археологических методах. Эти определения относятся к 17–15 вв. до н.э. (рис. 6). Плотность результатов пяти различных могильников подтверждает распространенное мнение о непродолжительном периоде существования андроновской культуры на Среднем Енисее.

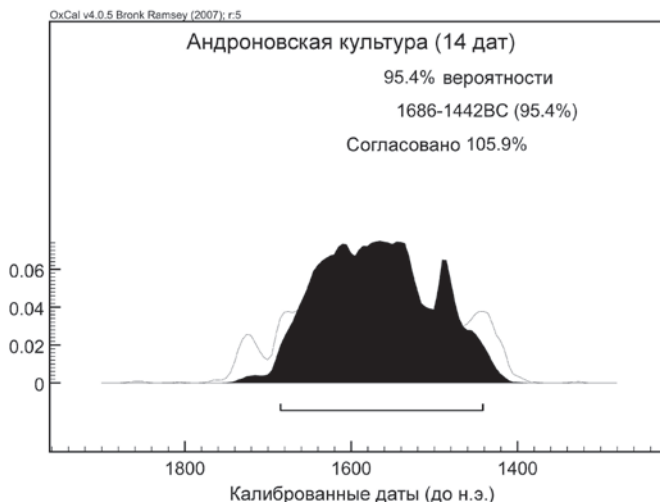

Рис. 6. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат андроновских погребений Среднего Енисея

Сопоставление среднеенисейских памятников с хронологией аналогичных (федоровских) памятников Западной Сибири и Казахстана дает довольно противоречивые результаты. По данным продолжительных исследований, западные памятники датируются 14–12 вв. до н.э. (Молодин В.И., 1985, с. 116; Зданович Г.Б., 1988, с. 144, 153; Аванесова Н.А., 1991, с. 91–92; Зах В.А., 1997, с. 56; Кузьмина Е.Е., 2008, с. 241), хотя в последние годы наметилась тенденция на удревание их археологических дат (Ткачев А.А., 2002, с. 215, 219). В то же время радиоуглеродные даты этих памятников оказываются древнее (в том числе датировок, полученных для Среднего Енисея) и относятся к 19–17 вв. до н.э. (Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005, с. 99–100). Такая противоречивость археологических и радиоуглеродных данных по-прежнему оставляет открытым вопрос об абсолютных датах андроновской культуры.

Крайне интересная ситуация складывается с относительной хронологией окуневских и андроновских памятников по данным радиоуглеродного датирования. Между этими культурами наблюдается заметный разрыв, который составляет не менее 140 лет (1885–1744 гг. до н.э.). Это противоречит современным научным гипотезам, предполагающим период сосуществования этих культур в различных районах Минусинской котловины. Возможно, причины возникших противоречий связаны с недостаточным количеством проанализированных памятников. Как уже отмечалось, поздние сооружения окуневского времени представлены только одним памятником – могильником Черновая-ХI. Даты андроновской культуры также малочисленны, и не исключено, что со временем эта лакуна будет заполнена.

Резюмируя все данные по хронологии андроновской культуры Среднего Енисея, необходимо признать, что радиоуглеродные даты этого периода являются наиболее дискуссионными. Значительная часть определений, сделанных в 1960–1970-х гг., вызывает сомнения в своей достоверности. Однако по результатам новой серии дат, на наш взгляд, отрезок 17–15 вв. до н.э. наиболее точно отражает период существования андроновской культуры на Среднем Енисее.

Карасукская культура

Впервые карасукские памятники были выделены в самостоятельную культуру С.А. Теплоуховым (1929). После продолжительного их изучения стало ясно, что они распадаются на две большие группы, на основе которых М.П. Грязнов выделил последовательные этапы карасукской культуры: «классический» (или собственно карасукский) и каменоложский (Грязнов М.П., 1965, с. 66–68; История Сибири, 1968, с. 180–186). Эта схема нашла свое подтверждение в результате дальнейших полевых исследований и подробного изучения относительной хронологии памятников. В последние годы была предложена новая, еще более детальная хронологическая схема для памятников поздней бронзы Среднего Енисея: предлагается выделять четыре последовательных этапа, которые подразделяются на восемь самостоятельных хронологических горизонтов (Поляков А.В., 2002, 2006; Лазаретов И.П., 2006).

Относительные хронологические границы карасукской эпохи не вызывают у исследователей серьезных разногласий. На территории Среднего Енисея карасукская культура сменяет андроновскую. Это хорошо прослеживается на «совместных» кладбищах, где сооружения андроновского времени составляют «ядро» могильных полей, а курганы карасукского времени находятся по периметру. Верхняя хронологическая граница также прослеживается довольно четко. Прекращение функционирования по-

гребальных памятников карасукской культуры хронологически соответствует появлению в Минусинской котловине тагарских погребений, которые исследователи относят к скифскому времени.

Ситуация с абсолютными датами карасукских памятников отличается от той, что сложилась в отношении более ранних археологических культур: для карасукских памятников есть возможность провести прямые аналогии по инвентарю с памятниками Северного Китая, которые датируются в том числе на основании письменных источников. Этот вопрос еще требует детальной проработки, однако «классический» этап карасукской культуры предположительно можно синхронизировать с эпохой Инь (XIII–XI вв. до н.э.), а каменоложский – с периодом Западного Чжоу (X–VIII вв. до н.э.). Так, карасукская культура оказывается археологически наиболее надежно датированной по сравнению с другими памятниками эпохи бронзы.

Большинство исследователей относят карасукскую культуру к 13(12)–9 вв. до н.э. (Киселев С.В., 1951, с. 104–108; История Сибири, 1968, с. 184; Членова Н.Л., 1972, с. 49–63). При определении этого периода результаты радиоуглеродного анализа практически не учитывались. Это связано, как и в случае с окуневской культурой, с редкостью обнаружения дерева в карасукских погребениях. До того момента, пока не начали датировать костные останки (конец 1990-х гг.), анализы были единичными и относились преимущественно к погребениям каменоложского этапа, где дерево встречается значительно чаще.

В научной литературе представлены 22 радиоуглеродные даты «классического» этапа карасукской культуры. Самые большие серии анализов были сделаны на материалах могильников Анчил-Чон и Суханиха, отдельные определения – для памятников Георгиевский, Терт-Аба, Потрошилово и Итколь-1. Из всей этой довольно значительной серии определений заметно выпадает только дата одного образца – Анчил-Чон, курган №1, могила-3 (Ле-5285: 2035–1525 гг. до н.э.), которая оказывается синхронна датам погребений окуневской и андроновской культур. Причины этого отклонения пока не ясны; можно только отметить, что некоторые исследователи видят их в точности самого радиоуглеродного метода (Лазаретов И.П., 2008). Остальные семь определений из соседних могил этого кургана оказались вполне предсказуемыми. Также из пяти дат поселения Торгажак три (Ле-4704; Ле-4704; Ле-4706) оказались явно омоложенными и сопоставимы с датами памятников скифского времени. Два других образца (Ле-4707; Ле-4708) этого поселения более соответствуют данным финальной части «классического» этапа. К каменоложскому этапу относятся 37 ранее сделанных дат. Значительными сериями представлены могильники Анчил-Чон, Кутень-Булак и Суханиха. Отдельные анализы и небольшие серии были также сделаны для памятников Карасук-IV, Колок, Уй, Долгий Курган, Кызлас и Каменный Остров.

В рамках нового исследования проанализировано 20 образцов. Из них 18 датируются «классическим» этапом карасукской культуры и два – каменоложским. Три образца (UBA-8778; UB-7492; UBA-8782), видимо, относятся к впускным погребениям тагарского времени. В случае с UBA-8778 это подтверждается материалами баиновского этапа тагарской культуры, которые были обнаружены в могиле-23 могильника Окунев Улус-1 (1928 г., могила-12 по дневникам). Еще два образца из этого же могильника (UBA-8781; UBA-8783) по некоторым археологическим характеристикам могут быть отнесены к окуневской культуре, что и подтвердили радиоуглеродные даты. В итоге карасукскую культуру датируют только 15 вновь исследованных образцов.

Всего к анализу может быть привлечено 78 радиоуглеродных дат. Из них 73 относятся к погребальным памятникам, а остальные пять датируют поселение Торгажак. Диаграмма, полученная в результате обработки этих данных, демонстрирует удивительную однородность всей серии (рис. 7). Хронологические границы культуры четко определяются 14–9 вв. до н.э. Верхняя граница полностью совпадает с археологическими данными, а нижняя оказывается примерно на один век древнее. На наш взгляд, объясняет это явление то, что, согласно современным данным, аналогии изделиям из Северного Китая 13 в. до н.э. обнаруживаются только на II этапе развития культуры по хронологии А.В. Полякова и И.П. Лазаретова, в то время как более ранние памятники I этапа вполне могут датироваться 14 в. до н.э. (Поляков А.В., 2006, с. 20). С учетом этой поправки, археологические данные и данные радиоуглеродного метода по хронологии карасукской культуры полностью совпадают.

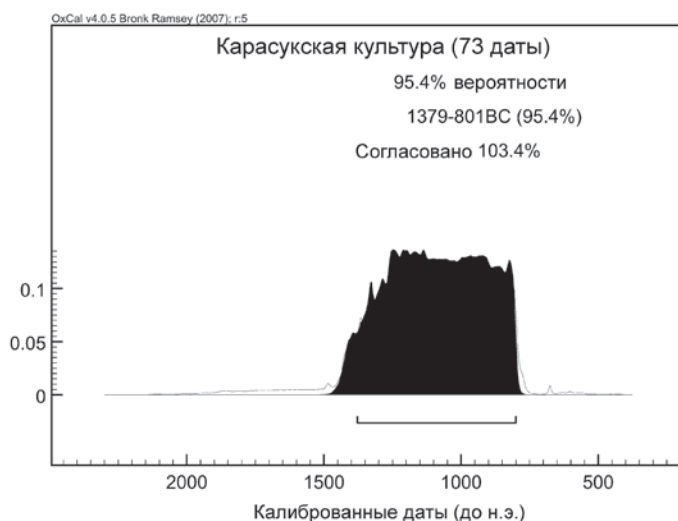

Рис. 7. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат карасукских погребений Среднего Енисея

Анализ дат отдельных этапов карасукской культуры дал неожиданные результаты: даты могильников «классического» этапа оказались в пределах 14–11 вв. до н.э., а каменноложского этапа – в пределах 13–9 вв. до н.э. (рис. 8). Это предполагает значительный период сосуществования данных групп памятников, что противоречит концепции М.П. Грязнова о последовательной смене этапов карасукской культуры. Однако после более пристального изучения дат отдельных могильников становится очевидно, что проблема связана в основном с определениями для каменноложских погребений Суханихи: именно 10 дат этого памятника значительно удревняют нижнюю границу этапа. Если исключить эту серию из анализа, то дата каменноложских памятников обретает более узкие рамки – 11–9 вв. до н.э. На неожиданно древний возраст этой группы погребений Суханихи обратили внимание и германские исследователи при публикации этой серии дат (Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2001). На данный момент очень сложно судить о причинах данного явления, тем более что археологические материалы памятника пока не опубликованы. Возможно, разночтения связаны с неточностью куль-

турной атрибуции конкретных погребений или с существованием более ранних групп каменоложского населения. В любом случае, пока аналогичные ранние даты не будут зафиксированы на материалах других каменоложских могильников, возвращаться к дискуссии о возможности продолжительного сосуществования «классического» и каменоложского этапов карасукской культуры, на наш взгляд, бессмысленно.

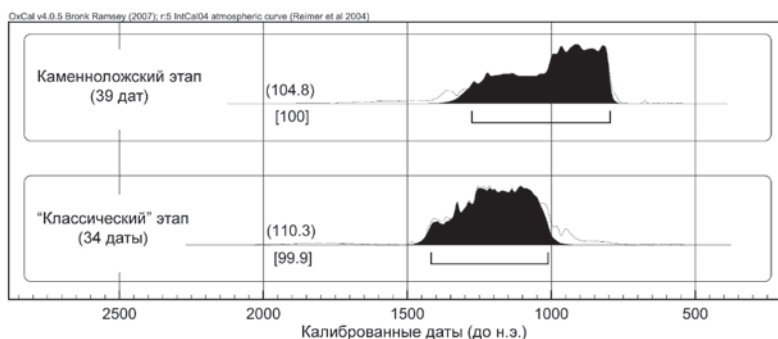

Рис. 8. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат двух этапов карасукской культуры

Крайне важным является сопоставление радиоуглеродных дат с новой более подробной относительной хронологией памятников эпохи поздней бронзы, построенной на основе типологического анализа и горизонтальной стратиграфии крупных могильников (Поляков А.В., 2002, 2006; Лазаретов И.П., 2006). Однако на данный момент это сделать невозможно, так как в большинстве случаев датированные радиоуглеродным методом погребения не содержат археологически датирующего материала (инвентаря) и не могут быть уверенно отнесены к какому-либо хронологическому горизонту. Так, пять из восьми хронологических горизонтов не представлены ни одним погребением. Мы надеемся, что будущие исследования изменят эту ситуацию.

По радиоуглеродным данным, граница между временем существования андроновских и карасукских памятников приходится примерно на 15 в. до н.э. При этом не наблюдается ни разрыва в датах, ни их взаимного перекрытия. Следовательно, можно с уверенностью говорить о последовательности двух культур.

Радиоуглеродные даты карасукской культуры в целом демонстрируют вполне отчетливую картину. Памятники «классического» этапа датируются 14–11 вв. до н.э. Это несколько древнее периода, предполагаемого археологическими данными, однако надеемся, новые исследования (Поляков А.В., 2006) помогут объяснить причины разночтений и согласовать данные радиоуглеродного метода и письменных источников. Хронологические границы каменоложского этапа несколько более размыты. Часть образцов из могильника Суханиха оказывается синхронной памятникам «классического» этапа, но основная масса определений находится в пределах 11–9 вв. до н.э.

Тагарская культура

Памятники скифского времени были отнесены С.А. Теплоуховым (1929) к Минусинской курганной культуре, в которой он выделил четыре последовательных этапа. Позже С.В. Киселев предложил иное название для этих памятников – тагарская культура, – которое и закрепилось в научной литературе, а М.П. Грязнов уточнил характеристики ее этапов и предложил назвать их в соответствии с названиями «эталонных»

могильников: баиновский (могильник Баинов), подгорновский (могильник Подгорное Озеро), сарагашенский (могильник Сарагашенское Озеро) и тесинский (могильник Тесь) (Киселев С.В., 1951; История Сибири, 1968). Так сложилась хронологическая схема тагарской культуры, актуальная и по сей день. Попытки ее уточнения и введения дополнительных этапов (черновского, биджинского, лепешкинского) пока не получили широкого научного признания, хотя необходимость более дробной хронологической шкалы для тагарских памятников появилась давно (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 78).

Согласно представлениям об относительной хронологии, тагарская культура сменяет на территории Среднего Енисея карасукскую культуру и включает в себя четыре последовательно сменяющих друг друга этапа. На смену могильникам завершающего тесинского этапа приходят памятники таштыкской культуры. Долгое время начало тагарской культуры относили к VII в. до н.э. на основании аналогий с материалами родственных ей археологических культур (Киселев С.В., 1951; Членова Н.Л., 1967, с. 123–128; История Сибири, 1968). Однако постепенно нижняя граница культуры стала удревняться: после открытия кургана Аржан в Туве в начале 1970-х гг. в работах исследователей фигурировала дата VIII в. до н.э., а в последние годы результаты радиоуглеродного анализа дали основания датировать начало тагарской культуры IX в. до н.э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 222–223). Не менее сложная ситуация с верхней хронологической границей памятников. Долгое время она определялась I в. до н.э. (Киселев С.В., 1951; История Сибири, 1968), однако новые данные (в том числе результаты радиоуглеродных анализов) позволяют относить поздние памятники тесинского этапа к I в. н.э. (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 101).

Всего нам удалось собрать 194 радиоуглеродные даты для памятников тагарской культуры. Из них 160 дат уже были представлены в археологической литературе, а еще 34 были получены в результате нового исследования. Все эти определения относятся исключительно к погребальным памятникам. Однако далее обсуждаются всего 184 даты. Это связано с тем, что часть анализов носила комплексный характер, когда из разных частей ствола одного дерева бралось несколько проб (метод «wiggle matching»), и при этом публиковались все полученные определения, хотя реальный возраст памятника отражает только одно из них, сделанное по внешним кольцам. Последние даты мы и включили в обсуждение.

Суммарный анализ всех имеющихся дат определяет хронологический период тагарской культуры началом 10 в. до н.э. – серединой 3 в. н.э. (рис. 9). Это несколько отличается от археологических рамок культуры. В частности, датировка наиболее ранних памятников 10 в. до н.э. предполагает значительный период ее сосуществования с предыдущей карасукской культурой. Верхняя граница тагарских памятников археологически определялась I в. н.э., и ее смещение почти на 150 лет изменяет представления о хронологии таштыкских памятников. Относительно хронологической границы между карасукской и тагарской культурами можно только отметить, что, по современным представлениям, скифский курган Аржан (Республика Тува) был воздвигнут примерно в 800 г. до н.э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 215). Трудно предположить, что в Минусинской котловине скифские памятники появились на несколько сотен лет раньше, чем в Туве. Вероятнее всего, перехлест радиоуглеродных дат тагарской и карасукской культур обусловлен эффектом удревнения тагарских дат, который может возникнуть при анализе деревянных конструкций и описан ниже.

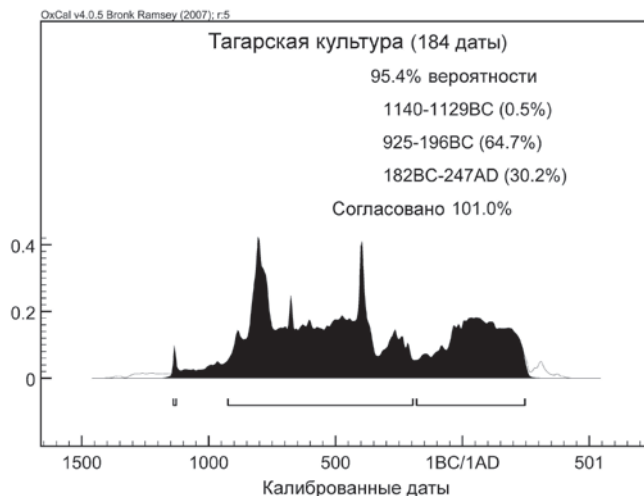

Рис. 9. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат тагарских погребений Среднего Енисея

Скифская эпоха Среднего Енисея – наиболее сложный для изучения период. Во многом это связано с особенностями радиоуглеродного метода, не позволяющими получать «узкие» даты для памятников 8–4 вв. до н.э. (т.е. хронологически попадающими на так называемое гальштатское плато) (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 65–66). Серьезной проблемой также является неразработанность внутренней хронологии тагарской культуры: четыре основных этапа, выделенные 80 лет назад С.А. Теплоуховым, уже не в состоянии полностью охарактеризовать весь спектр тагарских памятников. Введение дополнительных этапов (например, биджинского, лепешкинского) не решает проблемы с хронологией культуры, к тому же на сегодняшний день так и не предложено их четкое описание. Сейчас археологами ставится под вопрос сам факт строго последовательной смены этапов на всей территории Среднего Енисея (Герман П.В., 2007, с. 25). Нельзя исключать, что этот процесс шел неравномерно, и поэтому радиоуглеродные даты памятников различных этапов могут оказаться синхронны.

Поскольку в нашем распоряжении нет более детально проработанной хронологии, радиоуглеродные даты тагарской культуры будут рассмотрены по четырем традиционным этапам (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 77–128) (рис. 10). Сразу отметим, что полученные выводы носят сугубо предварительный характер.

Баиновский этап тагарской культуры представлен пятью датами могилы-1 кургана №1 могильника Хыстаглар, а также одной датой из могильника Кривая. Еще одно определение было получено в ходе настоящего исследования для могилы-23 могильника Окунев Улус-I, где, кроме основного карасукского захоронения, было обнаружено впускное погребение. На основании керамики это впускное погребение датируется баиновским этапом тагарской культуры. В целом все эти семь дат показали большой разброс – 1386–549 гг. до н.э., причем наиболее ярко он проявился в серии могильника Хыстаглар, где образцы были взяты из разных стенок одной погребальной камеры (рис. 10). Данные могильника Хыстаглар сильно удревняют нижнюю границу баиновского этапа. Могильники Кривая и Окунев Улус датируются 9–8 вв. до н.э., что полно-

стью согласуется с археологическими данными о начале скифской эпохи на Среднем Енисее. На сегодняшний день количество радиоуглеродных дат слишком мало, чтобы надежно датировать баиновский этап тагарской культуры.

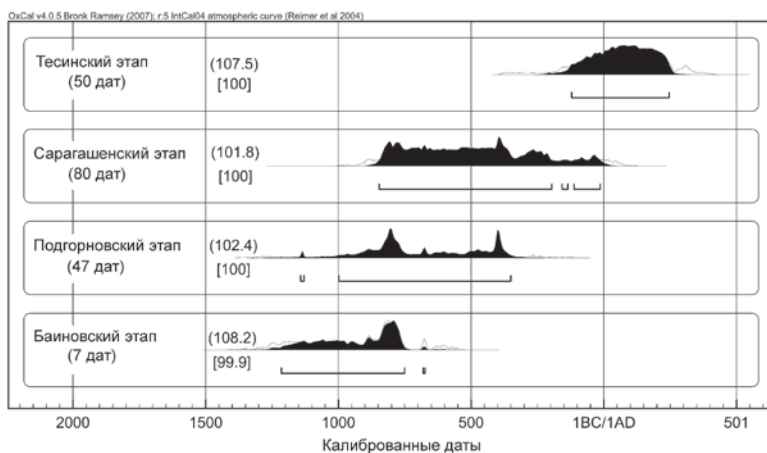

Рис. 10. Суммарные вероятности радиоуглеродных дат основных этапов тагарской культуры (184 даты)

Подгорновский этап представлен гораздо бóльшим количеством дат: удалось собрать 32 определения для 13 памятников. Самые значительные серии были получены для могильников Ашпыл (девять дат), Летник-VI (четыре даты), Казановка-II, Казановка-III и Большая Ерба (по три даты). Нами было сделано еще 16 анализов для могильников Гришкин Лог-I, Нурилков Улус, Подгорное Озеро, Сарагашенское Озеро и Ярки-II. Результаты только одного образца (UB-8788: 1378–1133 гг. до н.э.) следует исключить из дальнейшего анализа: это определение оказалось явно удревнено и синхронно карасукской эпохе. Остальные 47 дат, как и в случае с баиновским этапом, крайне разбросаны (1264–207 гг. до н.э.) и явно не соответствуют хронологическим границам подгорновского этапа (рис. 10). Стоит отметить, что новые определения, полученные по костям человека, гораздо более однородны. Статистический анализ новых дат позволяет предположить более узкий период существования памятников подгорновского этапа – 8–6 вв. до н.э.

Даты сарагашенского этапа еще более многочисленны, что объясняется большим количеством и хорошей сохранностью в погребениях деревянных конструкций. На сегодняшний день опубликовано 86 дат этого этапа, и в основном это значительные серии: Черемшино (10 дат), Кирбинский Лог (восемь дат), Колок (семь дат), Медведка-II (13 дат), Знаменка (10 дат) и другие. Новые 12 дат были получены для могильников Лепешкина, Окунев Улус и Сарагашенское Озеро. К сожалению, как и для предыдущих этапов, полученный результат выглядит очень размыто: интервал составляет около 800 лет (рис. 10).

Широкий разброс дат баиновского, подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры имеет, скорее всего, несколько причин. Наиболее сложная проблема связана с правильностью отбора образцов для датирования. Конструкции курганов сарагашенского этапа представляют собой деревянные срубы с мощными перекрытиями

в несколько накатов, построенные из толстых стволов лиственницы. Возраст таких деревьев может составлять до 300–400 лет. При отборе образцов часто доступна только сердцевина ствола, так как внешняя его часть сохраняется гораздо реже. Это приводит к тому, что датируется начальный период роста дерева, а не момент, когда оно было срублено и использовано для сооружения кургана. Полученная дата оказывается удревленной по отношению ко времени создания памятника, причем разница может составлять несколько сотен лет (так называемый эффект старого дерева). В качестве примера можно привести радиоуглеродные даты кургана №5 могильника Кобяк (Ле-5134-а-б; Ле-5191). Из разных частей одного и того же бревна были отобраны три образца и получены три заметно отличающиеся друг от друга даты. Если для определения возраста этого сооружения использовать центральные кольца ствола, то его дата окажется почти на 300 лет древнее, чем если рассматривать внешние кольца. Аналогичная ситуация была прослежена на памятнике Черемшино. Была сделана серия из пяти дат для разных частей одного и того же ствола (Ле-5676–5680), разброс дат составил примерно 300–350 лет. Следует отметить, что данная проблема актуальна преимущественно для сарагашенского и тесинского этапов тагарской культуры. В памятниках окуневской и карасукской культур деревянные сооружения в могилах являются большой редкостью, а в афанасьевских и андроновских курганах использовались бревна гораздо меньшего диаметра, что значительно сокращает возможную погрешность.

Второй причиной, по которой необходимо с большой осторожностью относиться к радиоуглеродным датам поздних этапов тагарской культуры, является продолжительное функционирование погребальных сооружений. Начиная с сарагашенского этапа в склепах захоронения могли совершаться на протяжении долгого периода, и, таким образом, эти курганы нельзя рассматривать как «закрытый» комплекс (Савинов Д.Г., 2008). Конструкции таких сооружений могли обновляться (заменяли сгнившие бревна наката, сооружали дополнительные нары). Следовательно, даты, сделанные по различным элементам конструкций, могут заметно отличаться; даже большие серии анализов могут дать заметно варьирующие результаты, так как датируется определенный период функционирования склепа либо момент его ограбления. Примером подобных разночтений может служить могила-1 кургана №1 памятника Медведка-II (сарагашенский этап тагарской культуры). Для этого объекта было сделано 13 определений. Их результаты распадаются на две большие группы. Первая серия предположительно относится ко времени функционирования склепа и в целом совпадает с научными представлениями о периоде его существования. Вторая серия была сделана по остаткам деревянных конструкций, которые авторы раскопок связывают с моментом его ограбления (т.е. с тесинским этапом тагарской культуры). Вторая серия представлена заметно более поздними датами, относящимися к рубежу эр.

Таким образом, очень сложно определить период функционирования памятников сарагашенского этапа по радиоуглеродным датам деревянных конструкций, так как зачастую в литературе не указаны подробности происхождения образца и не ясно, какой момент он датирует. Больше доверия вызывают анализы, сделанные по костям, хотя они тоже могут заметно отличаться, так как захоронения могли производиться на протяжении длительного периода. Однако в любом случае эти результаты будут относиться именно к периоду функционирования склепа. Датировка костей до недавнего времени определялась крайне редко: исследователи предпочитали использовать более

привычный и широко представленный материал – дерево. Известна только серия дат могильника Суханиха-II, сделанная по костям человека. Результаты новых исследований по костям индивидов сразу из трех могильников позволяют по-новому взглянуть на проблему. На следующем рисунке представлено сравнение дат, полученных по дереву и кости (рис. 11). Хронологические границы дат деревянных конструкций гораздо шире дат образцов кости. Однако если более древний возраст деревянных конструкций может быть объяснен «эффектом старого дерева», то причины заметного омоложения некоторых из них пока не ясны.

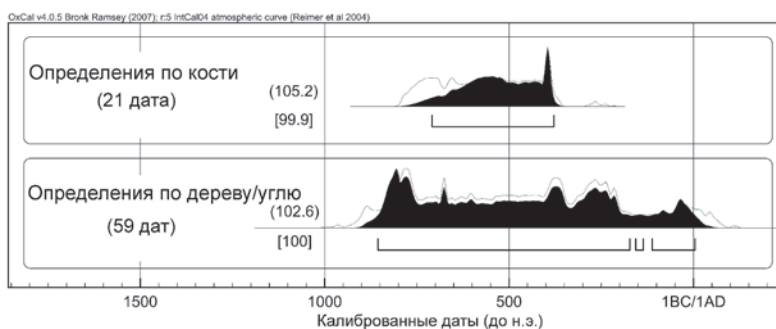

Рис. 11. Суммарные вероятности радиоуглеродных дат сарагашенского этапа тагарской культуры, сделанных на разных материалах

Если опираться только на даты, полученные по образцам кости, появляется разрыв между сарагашенским и тесинским этапами, составляющий почти 300 лет (4–2 вв. до н.э.). Среди исследованных памятников могильник Лепешкина считается одним из самых поздних сооружений сарагашенского этапа, и на его основе даже выделяется самостоятельная поздняя лепешкинская группа памятников. Однако дата, полученная для этого памятника – 511–376 гг. до н.э., также не перекрывает «хиатус». Таким образом, проблема радиоуглеродных дат сарагашенского этапа не может быть решена использованием для анализа исключительно образцов кости; вопрос о сужении хронологических рамок этих памятников остается пока открытым.

Тесинский этап тагарской культуры в целом представлен 50 датами. Из них 26 относятся к памятнику Тепсей-VII, остальные – к могильникам Трояк (семь дат), Кадат (три даты), Суханиха (три даты) и Каменка-III (одна дата). В этот список также включены семь дат из могилы-1 кургана №1 комплекса Медведка-II, которые авторы раскопок относят к моменту ограбления объекта на тесинском этапе (Боковенко Н.А., Красниенко С.В., 1988, с. 37; Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 179–180). Все перечисленные анализы сделаны на образцах дерева. Три новые даты были получены по костям погребенных из могильника Черное Озеро-I. Почти все даты помещаются в довольно узкий хронологический промежуток – 123 г. до н.э. – 248 г. н.э. Из общего контекста выбиваются только три даты, две из которых (Ле-1825 и Ле-2015) оказываются примерно на двести лет древнее, а одна (Ле-1819) – на сто лет моложе. Нужно отметить, что образцы Ле-1819 и Ле-1825 взяты из могильника Кадат; таким образом, всего три определения для этого памятника дают разброс в 800 лет. В целом, в отличие от ранних этапов тагарской культуры, тесинская группа памятников имеет довольно четкие хронологические границы: I в. до н.э. – 1-я половина III в. н.э. (рис. 10).

Резюмируя данные по тагарской культуре, следует еще раз отметить противоречивость результатов радиоуглеродного анализа для разных этапов. Только тесинская группа памятников демонстрирует относительно узкие хронологические рамки, в целом совпадающие с археологическими данными. Даты остальных этапов показывают крайне широкий разброс, по всей видимости, не отражающий их реальную хронологию. Эти данные еще раз подтверждают необходимость более тщательного отбора образцов для радиоуглеродного датирования.

Заключение

В результате предварительной систематизации всех имеющихся результатов радиоуглеродного датирования получена единая хронологическая схема археологических культур (от афанасьевской до тагарской) Среднего Енисея (рис. 12). Данная схема подтверждает концепцию о последовательной смене культур, разработанную С.А. Теплоуховым и впоследствии уточненную С.В. Киселевым, М.П. Грязновым и Г.А. Максименковым. Результаты не подтвердили гипотезу о продолжительном сосуществовании различных культур на территории Минусинских котловин.

Тем не менее полученная схема несколько отличается от археологической хронологии данных культур. Особенно это касается самых древних периодов – афанасьевского и окуневского, для которых разночтения в среднем составляют около 500 лет. Примерно на 100–200 лет древнее оказались даты андроновской (федоровской) культуры. В случае с датами карасукской культуры отличается только нижняя хронологическая граница, которая становится древнее примерно на 100 лет. Практически без изменений остаются также даты тагарской культуры, хотя верхняя хронологическая граница памятников омолаживается примерно на 150 лет.

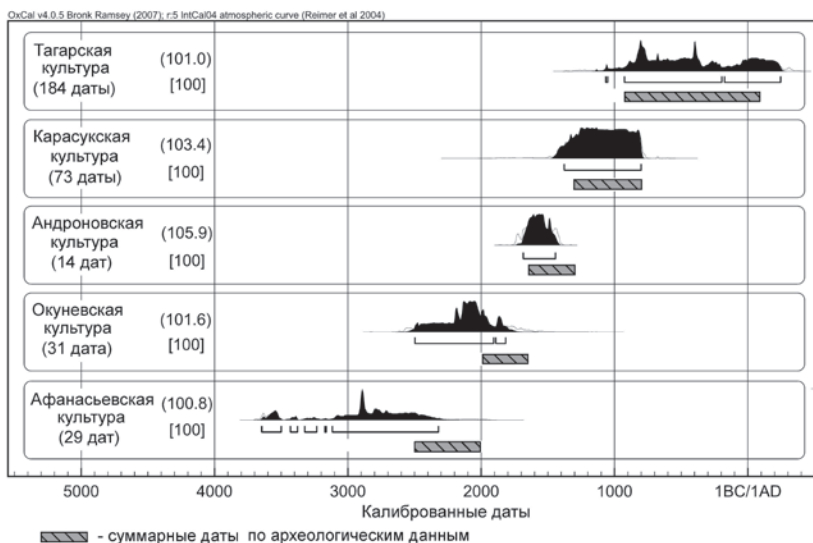

Рис. 12. Суммарная вероятность радиоуглеродных дат археологических культур Среднего Енисея в сравнении с их археологической хронологией

Таким образом, наблюдается тенденция к систематическому расхождению археологических и радиоуглеродных дат: последние оказываются древнее, что, впрочем,

уже неоднократно отмечалось исследователями (например, Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2001, p. 1117; Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 223). Нужно еще раз обратить внимание, что наиболее древние культуры – афанасьевская и окуневская – фактически не имеют других возможностей для датирования, кроме радиоуглеродного метода. Долгое время представления археологов об их хронологической позиции основывались в первую очередь на некалиброванных радиоуглеродных определениях. На сегодняшний день подавляющее большинство исследователей признает необходимость внесения поправок, которая вызвана появлением калибровочных кривых. С учетом калибровки даты археологических культур Среднего Енисея будут выглядеть следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Радиоуглеродные даты археологических культур Среднего Енисея

Культура	¹⁴ C хронология
Тагарская	9 в. до н.э. – 2 в. н.э.
Карасукская	14–9 вв. до н.э.
Андроновская	17–15 вв. до н.э.
Окуневская	25–18 вв. до н.э.
Афанасьевская	33–25 вв. до н.э.

При этом необходимо учитывать следующие моменты. Нижняя граница афанасьевских памятников может быть со временем уравнена до 37 в. до н.э., если будут выявлены памятники, синхронные могильнику Малиновый Лог. Верхняя граница окуневских памятников датируется 18 в. до н.э. пока условно, так как в хронологический отрезок 19–18 вв. до н.э. попадает только одна радиоуглеродная дата погребального комплекса Черновая-ХI. Возможно, со временем эта лакуна, «хиатус» между радиоуглеродными датами окуневской и андроновской культур, будет заполнена.

Отдельно нужно сказать о необходимости тщательнейшего отбора материалов для радиоуглеродного датирования. Нечеткое понимание археологического контекста может привести к появлению дат, радикально отличающихся от ожидаемых результатов. В качестве противоположного примера можно отметить удачный отбор образцов из могильника Медведка-II. Авторы раскопок целенаправленно сделали анализ остатков деревянной колоды, которая, по их мнению, была связана с моментом ограбления кургана (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 179–180). Результаты радиоуглеродного анализа полностью подтвердили это предположение и выявили момент самого ограбления – по всей видимости, тесинский этап тагарской культуры. При отборе образцов дерева необходимо точно фиксировать, из какой части бревна они взяты. Возраст деревьев, использованных для постройки погребений, может достигать 400 лет, и разница дат между центральными и внешними кольцами может составлять около 300 лет (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 76). Особенно это касается склепов сарагашенского и тесинского этапов тагарской культуры, при возведении которых использовались очень массивные бревна. К сожалению, в большинстве случаев исследователи не фиксируют подобные детали, что значительно снижает научную ценность полученных дат.

В последнее время в литературе активно обсуждается проблема так называемого резервуарного эффекта. Суть его сводится к тому, что радиоуглеродные определения, сделанные по костям людей, потреблявших большое количество рыбы, могут оказаться значительно древнее их реального возраста. К примеру, для индивидов катакомбной культуры такая разница составила около 400 лет (ван дер Плихт Й. и др., 2007, с. 39–47). Необходимо отдельно остановиться на возможном проявлении эффекта на материалах Среднего Енисея, поскольку новые 88 анализов были сделаны исключительно по костям погребенных. Археологические и антропологические данные говорят о значительной доле рыбы в рационе населения энеолита – раннего железного века Среднего Енисея. В частности, для материалов окуневской культуры развитие рыболовства подтверждается многочисленными находками грузил, гарпунов, рыболовных крючков, игл для вязания сетей (Максименков Г.А., 1980, табл. XX.-3, 10, 11; XXII.-5, 10 и др.). Исследование диеты древнего населения с помощью анализа стабильных изотопов азота и углерода также предполагает значительную долю рыбы в их рационе (Святко С.В. и др., 2008, с. 213–216). В нашей работе мы не ставили специальной задачи выявить «резервуарный эффект», тем не менее полученные результаты не предполагают более древний возраст проанализированных индивидов. В целом для окуневской и карасукской культур даты, полученные по дереву и костям человека, принципиально не различаются. В случае с афанасьевской и андроновской культурами наблюдается даже обратная тенденция – образцы дерева или угля чаще показывают более древние даты, чем образцы костей человека. Таким образом, существование «резервуарного» эффекта для памятников Южной Сибири на сегодняшний день не доказано. Для более детального прояснения этого вопроса необходимо проведение специального исследования с привлечением максимального количества различных образцов (дерева, костей людей и животных) из одних и тех же погребений. Пока такие исследования не проведены, лучше использовать для датирования кости травоядных животных, которые часто встречаются в погребениях.

Крайне неоднозначна ситуация с радиоуглеродными датами поселений. По неясным пока причинам, имеющиеся немногочисленные даты поселений демонстрируют явную тенденцию к «омоложению» по сравнению с погребальными комплексами тех же культур. Наиболее ярко это прослеживается на материалах поселения Торгажак. Археологические находки позволяют отнести этот памятник к финальной части «классического» этапа карасукской культуры, однако его радиоуглеродные даты синхронны поздним комплексам каменноложского этапа и ранней части тагарской культуры. Аналогичная картина прослеживается и на материалах окуневских памятников. Чем вызваны подобные отличия, пока сказать очень сложно. Возможно, данный эффект как-то связан с тем, что, в отличие от погребений, поселения не являются «закрытыми» комплексами. Остатки деревянных конструкций после того, как были покинуты населением, могли очень долгое время находиться на открытом воздухе.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Бобров В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 11–17.

- Боковенко Н.А., Красниенко С.В. Могильник Медведка-II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, 1988. С. 23–45.
- Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б. Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. М., 1988. Вып. 199. С. 68–74.
- Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 6–12.
- Виноградов А.В. Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 29 с.
- Герман П.В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 26 с.
- Грачев И.А. Фортификационные особенности крепостных сооружений эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинского региона // Радловские чтения – 2006. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 253–256.
- Грязнов М.П. Неолитическое погребение в селе Батени на Енисее. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 332–335. (МИА. №39).
- Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. М., 1965. Вып. 100. С. 62–71.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Ч. 1. 261 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. №4. С. 92–102.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 95–97.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микро-района). Новосибирск: Наука, 1997. 130 с.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
- История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. 455 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыгескенской пещеры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Ч. 1. 151 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 653 с.
- Ковалев А.А., Эрдэнбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 172–186.
- Комарова М.Н. Погребения Окунева улуса // СА. 1947. №9. С. 47–59.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 164 с.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актюбе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 296 с.
- Лазаретов И.П. К вопросу о ямно-катакомбных связях окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 14–16.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов И.П. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 103–107.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.

Лазаретов И.П. Радиоуглеродные даты эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и проблема метода // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 186–189.

Липский А.Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961. С. 269–278.

Максименков Г.А. Окуневская культура // Материалы по древней истории Сибири. Древняя Сибирь. Улан-Удэ, 1964. Макет 1 тома. С. 243–248.

Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. №130. С. 168–174.

Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 48–58.

Максименков Г.А. Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 1975.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. С. 207–232.

ван дер Плихт Й., Шишлина Н.И., Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А. Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур северо-западного Прикаспия // РА. 2007. №2. С. 39–47.

Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 209–213.

Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.

Поляков А.В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 440–442.

Руденко С.И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: Наука, 1968. Вып. 5. С. 39–45.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 112 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2002. 204 с.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 28–34.

Савинов Д.Г. Большие курганы склепы Минусинской котловины (по следам одной работы А.А. Спицына) // История и практика археологических исследований. СПб.: ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 153–159.

Святко С.В., Murphy E., Shulting R., Mallory J. Диета народов эпохи бронзы – начала железного века Минусинской котловины (Южная Сибирь) по данным анализа стабильных изотопов азота и углерода: предварительные результаты // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 213–216.

Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // СА. 1969. №1. С. 251–261.

Семенов Вл.А. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее (к проблеме периодизации эпохи неолита и бронзы Тувы) // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 20–25.

Семенов Вл.А. Древняя культура – афанасьевская культура и проблема протохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 17–20.

Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО, 1992. 78 с.

Семенов Вл.А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.

- Соколова Л.А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск, 2007. №2. С. 41–51.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы: В 2-х т. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Т. 1. 289 с.; Т. 2. 243 с.
- Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА. 1973. №1. С. 24–38.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000. 96 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. №1. С. 84–99.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. 2004. №2. С. 15–29.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 298 с.
- Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах до скифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. №1. С. 88–103.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.V., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. A chronology of the Scythian antiquities of Eurasia based on new archaeological and ^{14}C data // Radiocarbon. 2001. №43(2B). P. 1085–1107.
- Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.V., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures of Eurasia (9th–3rd centuries BC) // Geochronometria. 2002. №21. P. 143–150.
- Beer N. An investigation into the diet of two Scythian period populations from Southern Siberia, utilizing stable isotope and dental palaeopathological analyses [MSc thesis]. Belfast, 2004. Queen's University Belfast.
- Bokovenko N.A. The emergence of the Tagar culture // Antiquity. 2006. №80(310). P. 860–879.
- Bokovenko N.A., Legrand S. Das karasukzeitliche Gräberfeld Ancil Con in Chakassien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2000. Band 6. P. 210–248.
- Bronk Ramsey C., Higham T.F.G., Bowles A., Hedges R. Improvements to the pretreatment of bone at Oxford // Radiocarbon. 2004. Vol. 46(1). P. 155–163.
- Brown T.A., Nelson D.E., Vogel J.S., Southon J.R. Improved collagen extraction by modified Longin method // Radiocarbon. 1988. Vol. 30(2). P. 171–177.
- DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of *in vivo* bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. №317(6040). P. 806–809.
- Gorsdorf J. Datierungsergebnisse des Berlinen ^{14}C -Labors 2001 // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8. P. 553–560.
- Gorsdorf J. Datierungsergebnisse des Berlinen ^{14}C -Labors 2003 // Eurasia Antiqua. 2004. Band 10. P. 401–409.
- Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontyev N. Neue ^{14}C -Datierungen für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. Berlin, 1998. Band 4. P. 73–80.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N. New radiocarbon dates from the Siberian Steppe Zone and consequences for the regional Bronze Age chronology // Actes du colloque «C14 Archeologie». 1998. Revue d'Archeometrie (Supplement 1999). P. 305–309.
- Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A. New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. Arizona, 2001. Vol. 43(2B). P. 1115–1120.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ^{14}C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 83–89.

Hall M.E. The absolute chronology of the Tagar culture // Eurasian Studies Yearbook 1999. №71. P. 5–18.
 Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. 2004. Vol. 46(3). P. 1029–1058.

Semyontsov A.A., Dolukhanov P.M., Romanova Ye.N., Timofeyev V.I. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology III // Radiocarbon. 1972. Vol. 14(2). P. 336–367.

Sementsov A.A., Zaitseva G.I., Gorsdorf J., Nagler A., Parzinger H., Bokovenko N.A., Chugunov K.V., Lebedeva L.M. Chronology of the burial finds from Scythian monuments in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon. 1998. Vol. 40(2). P. 713–720.

Slota Jr P.J., Jull A.J.T., Linick T.W., Toolin L.J. Preparation of small samples for ¹⁴C accelerator targets by catalytic reduction of CO // Radiocarbon. 1987. Vol. 44(1). P. 167–180.

Stuiver M., Polach H.A. Discussion: reporting of ¹⁴C data // Radiocarbon. 1977. Vol. 19(3). P. 355–363.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // Radiocarbon. 2009. Vol. 51(1). P. 243–273.

Vogel J.S., Nelson D.E., Southon J.R. ¹⁴C background levels in an accelerator mass spectrometry system // Radiocarbon. 1987. Vol. 29(3). P. 323–333.

Zaitseva G.I., van Geel B. The occupation history of Southern Eurasia Steppe during the Holocene: chronology, the calibration curve and methodological problems of the Scythian chronology // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. 2004. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 63–82.

Приложение I

Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (афанасьевская – тагарская культуры, 371 дата)

Лабораторный индекс	Материал	Археологический памятник (происхождение образца)	¹⁴ C возраст, ВР	Интервалы калиброванного календарного возраста, 2σ
Афанасьевская культура (29 дат)				
UB-7489	кость человека	Афанасьева Гора, могила 25	4077±39	2861–2488 cal BC
UBA-7903	кость человека	Афанасьева Гора, могила 25	4037±31	2832–2473 cal BC
UBA-8772	кость человека	Афанасьева Гора, могила 27	4092±27	2859–2501 cal BC
Ле-1316 ²⁵	уголь	Восточное	3880±30	2468–2236 cal BC
Ле-8517 ²⁴	дерево	Итколь-II, курган №27, могила 1	4170±30	2882–2635
UBA-8773	кость человека	Карасук-III, ограда 1, могила 2, скелет 2	3996±26	2573–2469 cal BC
UBA-8774	кость человека	Карасук-III, ограда 1, могила 3, скелет 1	4148±26	2875–2630 cal BC
Ле-930 ¹	дерево	Красный Яр-I, курган №7	4080±40	2863–2489 cal BC
Ле-931 ¹	дерево	Красный Яр-I, курган №9	4170±50	2891–2601 cal BC
Ле-1067 ²⁵	дерево	Красный Яр-I, курган №12	4240±60	3011–2628 cal BC
Ле-1068 ²⁵	дерево	Красный Яр-I, курган №15	4160±40	2883–2622 cal BC
Ле-1611 ³	дерево/уголь	Летник-VI, ограда 13	4250±40	2926–2679 cal BC
Ле-1612 ²⁵	уголь	Летник-VI, кольцо 14	4410±50	3331–2909 cal BC
Ле-2115 ⁴	дерево/уголь	Летник-VI, ограда 14	4380±50	3322–2895 cal BC
Ле-2116 ⁴	дерево/уголь	Летник-VI, ограда 14	4410±50	3331–2909 cal BC
Ле-2094 ⁴	дерево/уголь	Малиновый Лог, ограда 1, могила 1	4770±60	3653–3376 cal BC
Ле-2091 ⁴	дерево/уголь	Малиновый Лог, ограда 4, могила 1	4780±50	3655–3377 cal BC
Ле-2092 ⁴	дерево/уголь	Малиновый Лог, ограда 4, могила 1	4790±50	3659–3379 cal BC
Ле-2093 ⁴	дерево/уголь	Малиновый Лог, ограда 4, могила 1	4820±50	3706–3384 cal BC
Ле-455 ⁹	уголь	Малые Копены-II, курган №2	4440±150	3628–2696 cal BC
Ле-694 ⁹	дерево	Саргов Улус, могила 3	4270±60	3084–2669 cal BC
Bln-4766 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 2, могила 2	4205±44	2904–2636 cal BC
Bln-4764 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 6, каменное кольцо	4409±70	3337–2904 cal BC

Bln-4765 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 6, каменное кольцо	4259±36	2927–2701 cal BC
Bln-4767 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 6, могила 1	4253±36	2923–2701 cal BC
Bln-4769 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 6, могила 1	4022±40	2834–2466 cal BC
Bln-4919 ¹⁵	дерево	Суханиха, объект 6, могила 15	3936±35	2566–2299 cal BC
Bln-5280 ^{15, 18}	дерево	Суханиха-II, погребальное сооружение 19а, могила 1	4271±30	2926–2778 cal BC
Ле-532 ⁹	дерево	Черновая-VI, курган №4, могила 3	3700±80	2389–1883 cal BC
Окуневская культура (31 дата)				
UBA-8771	кость человека	Батени	3853±35	2461–2206 cal BC
UBA-7910	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №1, могила 6	3654±29	2136–1943 cal BC
UBA-7908	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №1, могила 10, скелет 1	3719±31	2202–2030 cal BC
UBA-7914	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №1, могила 13, скелет 1	3894±28	2467–2297 cal BC
UBA-7913	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №2, могила 4, скелет 1	3934±39	2566–2297 cal BC
UBA-7919	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №2, могила 15, скелет 1 (погр.1)	3738±30	2274–2035 cal BC
UBA-7911	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №2, могила 21, скелет 1	3713±30	2201–2027 cal BC
Ле-519 ⁹	дерево	Карасук-III, ограда 7	3470±200	2452–1322 cal BC
UB-7494	кость человека	Окунев Улус, могила 5 (курган окуневской культуры)	3757±35	2287–2040 cal BC
UBA-7927	кость человека	Окунев Улус, могила 5 (курган окуневской культуры)	3725±38	2278–1983 cal BC
UBA-7929	кость человека	Окунев Улус, могила 7 (курган окуневской культуры)	3619±40	2131–1886 cal BC
UBA-8783	кость человека	Окунев Улус-I, могила 1 (1926, могила 1 по дневнику)	3894±24	2466–2299 cal BC
UBA-8781	кость человека	Окунев Улус-I, могила 8 (1927, могила 5 по дневнику)	3687±25	2190–1979 cal BC
UBA-7916	кость человека	Уйбат-III, курган №1, могила 1, череп 1	3644±44	2138–1900 cal BC
Bln-5195 ¹⁷	кость человека	Уйбат-V, курган №1, могила 1	3734±29	2268–2034 cal BC
ID n/a* ^{6, 7}		Уйбат-V, курган №1, могила 3	3830±25	2457–2153 cal BC
UBA-7912	кость человека	Уйбат-V, курган №1, могила 3	3723±30	2203–2032 cal BC
UBA-7917	кость человека	Уйбат-V, курган №1, могила 3а 5а, скелет V	3832±28	2458–2154 cal BC
Bln-5196 ¹⁷	кость человека	Уйбат-V, курган №1, могила 4	4016±30	2618–2470 cal BC
UBA-7963	кость человека	Уйбат-V, курган №32, могила 4, скелет А	3691±26	2194–1980 cal BC
Bln-4951 ¹⁹	кость	Уйбат-V, курган №4, могила 4	3631±41	2134–1891 cal BC
UBA-7964	кость человека	Уйбат-V, курган №4, могила 4, череп А	3721±25	2199–2035 cal BC
Bln-4762 ¹⁹	дерево	Уйбат-V, курган №4, могила 5	3782±62	2457–2034 cal BC
Bln-4950 ¹⁹	кость	Уйбат-V, курган №4, могила 15	3620±35	2126–1890 cal BC
UBA-7965	кость человека	Уйбат-V, курган №4, могила 18	3651±25	2133–1944 cal BC
Bln-4949 ¹⁹	кость	Уйбат-V, курган №4, могила 20	3657±43	2192–1918 cal BC
UBA-7915	кость человека	Уйбат-V, курган №4, могила 21, скелет 2	3698±28	2197–1981 cal BC
Ле-1178 ⁶		Усть-Киндирла-I, жилище 1*	3410±50	1881–1541 cal BC
Bln-4948 ¹⁹	уголь	све Чебаки, квадрат С-6	3664±37	2190–1939 cal BC
Bln-4947 ¹⁹	уголь	све Чебаки, квадрат С-13	3488±40	1916–1693 cal BC
Bln-5279 ^{15, 18}	кость человека	Черновая-XI, курган 1, могила 1	3487±25	1886–1744 cal BC
Андроновская культура (31 дата)				
Ле-1867 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №5, могила 45	3490±40	1919–1693 cal BC
Ле-1866 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №30, могила 3	3580±40	2035–1775 cal BC
Ле-2562 ²⁵	уголь	Ашпыл, квадрат Е 4, 2-й штык	4200±50	2904–2630 cal BC
Ле-3040 ²⁵	–	Ашпыл, жилище	3360±40	1743–1531 cal BC
Ле-3044 ²⁵	–	Биря (Лебяжье-I)	3340±60	1771–1461 cal BC
Ле-3045 ²⁵	–	Биря (Лебяжье-I), могила 15	3060±200	1753–818 cal BC

Ле-3046 ²⁵	–	Биря (Лебяжье-I), могила 16	3780±40	2343–2041 cal BC
Ле-604 ⁹	дерево	Каменка-II, ограда 24, могила 1	3910±75	2580–2146 cal BC
Ле-595 ⁹	дерево	Каменка-II, ограда 24, могила 2	2540±65	810–416 cal BC
Ле-630 ⁹	дерево	Ланин Лог, ограда 1, могила 1	3390±70	1881–1523 cal BC
Ле-617 ⁹	дерево	Ланин Лог, ограда 1, могила 3	3660±65	2274–1881 cal BC
Ле-619 ⁹	дерево	Ланин Лог, курган №2, могила 1	3970±70	2839–2210 cal BC
Ле-1315 ²⁵	дерево	Лебяжье-I, могила 10	4370±100	3359–2712 cal BC
UBA-7922	кость человека	Первомайское-I, могила 28	3205±41	1606–1407 cal BC
Ле-602 ⁹	дерево	Пристань-I, ограда 6, могила 2	3750±60	2401–1975 cal BC
Bln-5163 ¹⁷	кость человека	Потрошилово-II, ограда 5, могила 1	3397±30	1767–1617 cal BC
Bln-5198 ¹⁷	кость человека	Потрошилово-II, ограда 5, могила 2	3269±28	1620–1460 cal BC
UBA-9328	кость человека	Потрошилово-II, ограда 5, могила 3	3294±28	1636–1499 cal BC
Bln-5194 ¹⁷	кость человека	Потрошилово-II, ограда 7	3295±32	1665–1498 cal BC
Bln-5197 ¹⁷	кость человека	Потрошилово-II, ограда 11	3189±28	1508–1414 cal BC
UBA-9329	кость человека	Потрошилово-II, ограда 15	3316±24	1669–1522 cal BC
Bln-5193 ¹⁷	кость человека	Потрошилово-II, ограда 20	3164±28	1498–1400 cal BC
Ле-587 ⁴	дерево	Ужур, курган №14, перекрытие могилы	4600±250	3949–2677 cal BC
UBA-9331	кость человека	Усть-Бюрь-I, могила 16	3382±27	1745–1616 cal BC
UBA-9332	кость человека	Усть-Бюрь-I, могила 19	3278±23	1615–1500 cal BC
UBA-9333	кость человека	Усть-Бюрь-I, могила 26	3309±22	1662–1519 cal BC
UB-7491	кость человека	Ярки-II, могила 1 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3317±34	1687–1517 cal BC
UB-7490	кость человека	Ярки-II, могила 2 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3333±35	1731–1522 cal BC
UBA-7921	кость человека	Ярки-II, номера могилы нет (Теплоухов, 1926)	3348±32	1736–1530 cal BC
Ле-518 ⁹	дерево	Ярки-II, могила 9 (Грязнов, 1962)	2370±95	772–209 cal BC
Ле-529 ⁹	дерево	Ярки-II, могила 10 (Грязнов, 1962)	2970±70	1396–1006 cal BC
Карасукская культура (78 дат)				
<i>«Классический» этап (39 дат)</i>				
Ле-5283 ¹⁴	кость животного	Анчил-Чон, курган №1, могила 1	2660±100	1111–421 cal BC
Ле-5284 ^{3, 10}	кость	Анчил-Чон, курган №1, могила 1	2880±70	1296–896 cal BC
Ле-5285 ¹⁴	кость	Анчил-Чон, курган №1, могила 3	3470±100	2035–1525 cal BC
Ле-5293 ¹⁴	кость	Анчил-Чон, курган №1, могила 4	2960±45	1370–1021 cal BC
Ле-5287 ¹⁴	кость	Анчил-Чон, курган №1, могила 4	2950±25	1263–1056 cal BC
Ле-5289 ¹⁴	кость животного	Анчил-Чон, курган №1, могила 7	2970±25	1303–1117 cal BC
Ле-5290 ¹⁴	кость	Анчил-Чон, курган №1, могила 8	2920±50	1293–949 cal BC
Ле-5286 ¹⁴	кость животного	Анчил-Чон, курган №1, могила 9	2890±50	1259–927 cal BC
Ле-6299 ⁴	кость	Анчил-Чон, курган №2, могила 1	2880±90	1367–840 cal BC
Ле-4141 ^{3, 10}	уголь	Георгиевский (Тесь), курган №1213, могила 1	2880±40	1209–930 cal BC
Ле-8193 ²⁴	кость животного	Итколь-I, курган №40	2870±100	1370–828 cal BC
UBA-7932	кость человека	Карасук-I, могила 21 (Теплоухов, 1923)	2957±45	1367–1019 cal BC
UBA-7933	кость человека	Карасук-I, могила 21 (Теплоухов, 1923)	2978±39	1373–1056 cal BC
UBA-9327	кость человека	Минусинск-Карьер	3008±22	1376–1132 cal BC
UBA-8779	кость человека	Окунев Улус-II, могила 2 (1928, могила 13 по дневнику)	2962±24	1293–1089 cal BC
UBA-9338	кость человека	Окунев Улус-II могила 2 (1928, могила 13 по дневнику)	2890±27	1194–981 cal BC
UBA-7928	кость человека	Окунев Улус-II могила 5 (1928, могила 5 по дневнику)	2987±55	1390–1052 cal BC
UBA-7925	кость человека	Первомайское-I, могила 21	3122±42	1495–1299 cal BC
UBA-9339	кость человека	Подгорное Озеро-I, могила 3 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3021±27	1389–1133 cal BC
UBA-8777	кость человека	Подгорное Озеро-I, могила 4 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3063±24	1407–1268 cal BC

UBA-7923	кость человека	Подгорное Озеро-I, могила 6 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3017±41	1394–1129 cal BC
UBA-7924	кость человека	Подгорное Озеро-I, могила 8 по дневнику (Теплоухов, 1926)	2850±41	1188–905 cal BC
Bln-5165 ¹⁷	кость человека	Потрошилово, могила 1	2905±26	1209–1009 cal BC
Bln-5164 ¹⁷	кость человека	Потрошилово, могила 7	2994±26	1370–1128 cal BC
Bln-5311 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха-I, объект I, могила 1	3134±27	1494–1318 cal BC
Bln-5318 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха-I, объект VI/3, могила 1	3101±26	1432–1311 cal BC
Bln-5312 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха-I, объект VIII, могила 1	3006±30	1380–1129 cal BC
Bln-5314 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха-I, объект VIII, могила 1	2987±27	1369–1125 cal BC
Bln-5319 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха-I, объект VIII, могила 3	2985±26	1313–1125 cal BC
Bln-5592 ¹⁶	кость животного	Суханиха	2876±29	1191–936 cal BC
Bln-5593 ¹⁶	кость животного	Суханиха	2871±28	1187–934 cal BC
Ле-5396 ³	кость	Терт-Аба, ограда 21-б	2890±100	1376–841 cal BC
Ле-4704 ^{3, 10}	дерево	Торгажак, жилище 1, западная часть	2600±40	838–562 cal BC
Ле-4705 ^{3, 10}	дерево	Торгажак, жилище 1, восточная часть	2470±50	766–413 cal BC
Ле-4706 ^{3, 10}	дерево	Торгажак, жилище 1, западная часть	2580±80	898–417 cal BC
Ле-4707 ^{3, 10}	дерево	Торгажак, жилище 1, западная часть	2900±60	1289–920 cal BC
Ле-4708 ^{3, 10}	дерево	Торгажак, жилище 5, глубина 1 м	2870±50	1213–912 cal BC
UB-7493	кость человека	Ярки-I, могила 1 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2945±33	1288–1041 cal BC
UBA-7930	кость человека	Ярки-I, могила 3 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2904±40	1259–977 cal BC
Каменоложский этап (39 дат)				
Ле-6300 ³	кость	Анчил-Чон, курган 3б, могила 1	2760±30	994–831 cal BC
Ле-5707 ³	уголь	Анчил-Чон, курган 3в	3070±100	1528–1020 cal BC
Ле-5545 ³	кость	Анчил-Чон, курган 3в	2720±50	976–800 cal BC
Ле-5507 ³	кость	Анчил-Чон, курган 3г	3280±100	1876–1321 cal BC
Ле-5705 ³	кость	Анчил-Чон, курган 3г	2800±35	1045–845 cal BC
Ле-6297 ³	кость	Анчил-Чон, курган 6, могила 1	2940±55	1371–998 cal BC
Ле-6298 ³	кость	Анчил-Чон, курган 7а, могила 1	2740±40	976–810 cal BC
Ле-5704 ³	кость	Анчил-Чон, курган 7б	2710±50	976–797 cal BC
Ле-5706 ³	кость	Анчил-Чон, курган 7в	3000±60	1402–1055 cal BC
Ле-2046 ^{3, 10}	дерево	Долгий Курган, курган 3	2850±40	1187–906 cal BC
Ua-24153 ²	кость	Каменный Остров	2780±40	1019–829 cal BC
UBA-7966	кость человека	Каменный Остров, раскоп 1	2833±24	1055–911 cal BC
Ле-577 ⁹	дерево	Карасук-IV, курган 19, могила 2	2710±75	1054–766 cal BC
Ле-695 ⁹	уголь	Карасук-IV, курган 10, могила 2	2930±60	1370–939 cal BC
Ле-1862 ^{3, 10}	дерево	Колок, курган 10, могила 1	2830±50	1187–843 cal BC
Ле-4327 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 2, могила 1	2860±100	1313–819 cal BC
Ле-4326 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 2, могила 2	2790±40	1041–836 cal BC
Ле-4323 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 6, могила 2	2750±40	997–816 cal BC
Ле-4328 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 8, могила 2	2750±40	997–816 cal BC
Ле-4329 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 9, могила 1	2910±40	1261–996 cal BC
Ле-4324 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 10, могила 1	2790±40	1041–836 cal BC
Ле-4330 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 11, могила 1	2890±50	1259–927 cal BC
Ле-4331 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 12, могила 1	2770±40	1009–828 cal BC
Ле-4325 ⁸	дерево	Кутень-Булук, курган 14, могила 1	2700±50	973–795 cal BC
Ле-4322 ^{3, 10}	дерево	Кызлас, курган 2, могила 1	2990±190	1664–804 cal BC
UBA-7931	кость человека	Солонечный Лог, могила 1	2793±38	1192–805 cal BC
Bln-4768 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 4, могила 15	3031±38	1408–1132 cal BC
Bln-4836 ¹⁹	береста	Суханиха, объект 4, могила 15	2923±37	1260–1010 cal BC
Bln-4835 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 4, могила 15	2906±38	1259–981 cal BC
Bln-4962 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 4, могила 20	2962±36	1308–1052 cal BC
Bln-4921 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект 4, могила 20	2943±29	1263–1051 cal BC

Bln-4763 ¹⁹	дерево	Суханиха, объект б, линия камней	2762±49	1016–811 cal BC
Bln-5315 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха (Подсуханиха)-II, курган №10, могила 1	2667±24	895–797 cal BC
Bln-5281 ^{15, 18}	дерево	Суханиха (Подсуханиха)-II, курган №11, могила 1	3044±29	1406–1216 cal BC
Bln-5317 ^{15, 18}	кость человека	Суханиха (Подсуханиха)-II, курган №11, могила 1	2810±25	1026–900 cal BC
Bln-5316 ^{15, 18}	дерево	Суханиха (Подсуханиха) II, курган №11А, могила 1	2833±27	1108–909 cal BC
Ле-2001 ^{3, 10}	дерево	Уй, курган №1, могила 1	2690±40	914–798 cal BC
Ле-2002 ^{3, 10}	дерево	Уй, курган №1, могила 1	2630±40	896–675 cal BC
Ле-2003 ^{3, 10}	дерево	Уй, курган №1, могила 1	2610±40	894–592 cal BC
Тагарская культура (202 даты)				
<i>Баиновский этап (7 дат)</i>				
Bln-5166 ¹⁸	кость человека	Кривая, могила 1	2552±32	802–549 cal BC
УВА-8778	кость человека	Окунев Улус-I, могила 23 (1928, могила 12 по дневнику)	2685±27	897–803 cal BC
Ле-5255 ^{3, 10}	дерево (уголь)	Хыстаглар, курган №1, стена А	2710±70	1026–776 cal BC
Ле-5256 ^{3, 10}	дерево	Хыстаглар, курган №1, могила 1, стена А	2950±70	1386–978 cal BC
Ле-*. ¹³	дерево	Хыстаглар, курган №1, могила 1, стена А	2620±40	896–669 cal BC
Ле-5254 ^{3, 10}	дерево	Хыстаглар, курган №1, могила 1, стена В	2950±30	1268–1050 cal BC
Ле-5257 ^{3, 10}	дерево	Хыстаглар, курган №1, могила 1, стена В	2840±30	1114–916 cal BC
<i>Подгорновский этап (48 дат)</i>				
Ле-1896 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №5, могила 3	2360±40	732–372 cal BC
Ле-2128 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №16, могила 2	2390±40	747–390 cal BC
Ле-2126 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №22	2360±40	732–372 cal BC
Ле-2127 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №23, могила 2	2330±40	522–231 cal BC
Ле-2124 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №24, могила 1	2380±40	743–386 cal BC
Ле-1613 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №26, могила 1	2660±40	901–790 cal BC
Ле-2099 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №26, могила 1	2630±40	896–675 cal BC
Ле-1614 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №26, могила 2	2300±40	414–206 cal BC
Ле-2100 ⁴	дерево/уголь	Ашпыл, курган №26, могила 2	2310±40	503–208 cal BC
Ле-5133 ^{3, 23}	дерево	Большая Ерба-I, курган №4, могила 2	2840±35	1116–913 cal BC
Ле-5135a ^{3, 23}	дерево	Большая Ерба-I, курган №4, могила 2 (20 внешних колец)	2780±40	1019–829 cal BC
Ле-5135b ^{3, 23}	дерево	Большая Ерба-I, курган №4, могила 2 (30 внутренних колец)	2730±25	921–818 cal BC
УВА-7960	кость человека	Гришкин Лог-I, курган №1, могила 17 (28 по дневнику)	2539±24	796–551 cal BC
УВА-7935	кость человека	Гришкин Лог-I, курган №2, могила 18 (29 по дневнику)	2653±49	917–767 cal BC
Ле-5398 ¹⁰	кость	Июсский, «курган на склоне»	2510±50	796–417 cal BC
Ле-5390 ^{3, 23}	кость	Казановка-2, курган №1, могила 1	2720±80	1113–771 cal BC
Ле-5388 ^{3, 10}	кость	Казановка-2, курган №1, могила 1	2670±80	1023–547 cal BC
Ле-5137 ^{3, 23}	дерево	Казановка-2, курган №3, могила А	2665±30	896–795 cal BC
Ле-5391 ^{3, 10}	кость	Казановка-3, курган №2, могила 2	2620±40	896–669 cal BC
Ле-5393 ^{3, 10}	кость	Казановка-3, курган №2, могила 2	2820±100	1267–802 cal BC
Ле-5646 ³	кость	Казановка-3, курган №2а, могила 2	2640±120	1056–408 cal BC
Ле-720 ²¹	дерево	Кичик-Кюсюр-I, курган №1	2410±50	753–395 cal BC
Ле-2114 ^{3, 4}	дерево	Летник-6, курган №12	2610±40	894–592 cal BC
Ле-2113 ^{3, 4}	дерево	Летник-6, курган №12	2630±40	896–675 cal BC
Ле-2118 ^{3, 4}	дерево	Летник-6, курган №38	2580±40	821–549 cal BC
Ле-2119 ^{4, 11}	дерево	Летник-6, курган №38	2590±40	831–552 cal BC
УВА-7936	кость человека	Нурилков Улус, могила 2 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2332±39	523–232 cal BC

UBA-8784	кость человека	Нурилков Улус, могила 2 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2414±21	726–403 cal BC
UBA-8785	кость человека	Нурилков Улус, могила 2 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2485±21	765–520 cal BC
Ле-5651 ²¹	кость	Печище, курган №3, могила 3	2480±50	772–414 cal BC
UBA-8786	кость человека	Подгорное Озеро, могила 1 (10), погребение 10а по дневнику (Теплоухов, 1929)	2166±43	371–93 cal BC
UBA-8787	кость человека	Подгорное Озеро, могила 3 по дневнику (Теплоухов, 1929)	2348±22	506–382 cal BC
UBA-9335	кость человека	Подгорное Озеро, могила 7 по дневнику (Теплоухов, 1930)	2630±24	831–786 cal BC
UB-7496	кость человека	Подгорное Озеро, курган №1, могила 17 по дневнику (Теплоухов, 1926)	2561±34	806–549 cal BC
UBA-7939	кость человека	Подгорное Озеро, курган №3, из насыпи по дневнику (Теплоухов, 1926)	2356±39	728–371 cal BC
UBA-8788	кость человека	Подгорное Озеро, курган №3, могила 22 по дневнику (Теплоухов, 1926)	3011±22	1378–1133 cal BC
UBA-8789	кость человека	Подгорное Озеро, курган №3, могила 22 (северо-восток) по дневнику (Теплоухов, 1926)	2563±21	803–596 cal BC
Ле-5296 ^{3, 10}	кость	Пригорск-1, курган №1, могила 1	2365±45	747–366 cal BC
Ле-5295 ^{3, 10}	дерево	Пригорск-1, курган №1, могила 2	2500±30	783–518 cal BC
UBA-7941	кость человека	Сарагашенское Озеро, могила 13 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2562±39	810–544 cal BC
UBA-7940	кость человека	Сарагашенское Озеро, могила 14 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2510±53	796–417 cal BC
Vln-5313 ¹⁵	кость человека	Суханиха-II, курган №14, могила 1	2651±26	892–791 cal BC
Ле-1880 ⁴	дерево/уголь	Тигей, могила 1	2330±40	522–231 cal BC
Ле-5786 ³	дерево	Тигир-Тайджен-4, курган №1	2750±20	970–832 cal BC
Ле-5838 ¹¹	дерево	Тигир-Тайджен-4, курган №1	2780±30	1005–842 cal BC
Ле-5192 ^{4, 23}	дерево	Шаман Гора, курган №1, могила 2, дно	2700±30	905–806 cal BC
UB-7498	кость человека	Ярки-II, могила 25 по дневнику (Теплоухов, 1926)	2696±34	908–802 cal BC
UBA-7950	кость человека	Ярки-II, могила 25 по дневнику (Теплоухов, 1926)	2511±28	788–539 cal BC
Сарагашенский этап (89 дат)				
UB-4957 ³	дерево	Ай-Дай	2440±16	742–409 cal BC
Ле-7511 ²⁴	дерево	Апчинаев-1, курган №3, могила 1, центральная часть бревна	2560±25	804–566 cal BC
Ле-2111 ⁴	дерево/уголь	Знаменка, курган №12, могила 2	2280±40	404–207 cal BC
Ле-2112 ⁴	дерево/уголь	Знаменка, курган №12, могила 2	2250±40	396–204 cal BC
Ле-2103 ⁴	дерево/уголь	Знаменка, курган №13	1980±40	88 cal BC – 124 cal AD
Ле-2104 ^{4, 21}	дерево	Знаменка, курган №13	2220±40	388–197 cal BC
Ле-2105 ^{4, 21}	дерево	Знаменка, курган №13	2250±40	396–204 cal BC
Ле-2108 ⁴	дерево/уголь	Знаменка, курган №16, могила 1	2030±40	165 cal BC – 58 cal AD
Ле-2109 ^{4, 21}	дерево	Знаменка, курган №16, могила 1	2220±40	388–197 cal BC
Ле-2110 ^{9, 21}	дерево	Знаменка, курган №16, могила 1	2250±40	396–204 cal BC
Ле-2106 ^{4, 21}	дерево	Знаменка, курган №17, могила 1	2270±40	401–206 cal BC
Ле-2107 ^{4, 21}	дерево	Знаменка, курган №17, могила 2	2250±40	396–204 cal BC
Ле-2203 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №1, могила 2	2210±40	386–183 cal BC
Ле-2204 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №1, могила 2	2280±40	404–207 cal BC
Ле-2205 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №2	2220±40	388–197 cal BC
Ле-2305 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №3, могила 4	2180±40	379–114 cal BC
Ле-2208 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №4, могила 1	2340±40	716–235 cal BC
Ле-2209 ²⁵		Кирбинский Лог	3840±40	2462–2154 cal BC
Ле-2210 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №5, могила 1	2380±40	743–386 cal BC
Ле-2211 ^{3, 10}	дерево	Кирбинский Лог, курган №5, могила 2	2410±40	751–396 cal BC
Ле-721 ²¹	дерево	Кичик-Кюзюр, курган №7, могила 5	2180±50	384–103 cal BC

Ле-5134b ^{3, 23}	дерево	Кобяк, курган №5, могила 1, 18 центральных колец	2840±30	1114–916 cal BC
Ле-5134a ^{3, 23}	дерево	Кобяк, курган №5, могила 1, 20 средних колец	2790±35	1019–838 cal BC
Ле-5191 ^{3, 23}	дерево	Кобяк, курган №5, могила 1, внешние кольца	2640±25	837–788 cal BC
Ле-5190 ^{3, 23}	дерево	Кобяк, курган №5, могила 2	2470±30	763–416 cal BC
Ле-1864 ^{3, 4}	дерево	Колок, курган №3, могила 1	2690±50	971–791 cal BC
Ле-2097 ⁴	дерево/уголь	Колок, курган №3, могила 1	2640±40	896–773 cal BC
Ле-2098 ⁴	дерево/уголь	Колок, курган №3, могила 1	2130±40	355–46 cal BC
Ле-1865 ⁴	дерево/уголь	Колок, курган №3, могила 2	2110±40	351–4 cal BC
Ле-1863 ^{3, 4}	дерево	Колок, курган №9, могила 1	2400±50	753–392 cal BC
Ле-2095 ⁴	дерево/уголь	Колок, курган №9, могила 1	2380±40	743–386 cal BC
Ле-2096 ⁴	дерево/уголь	Колок, курган №10, могила 1	2430±20	736–407 cal BC
UBA-7947	кость человека	Лепешкина, могила 16	2342±29	511–376 cal BC
Ле-2036 ²³	дерево	Медведка-1, курган №1, могила 2	1980±40	88 BC cal BC – 124 cal AD
Ле-2040 ²³	дерево	Медведка-1, курган №1, могила 2	2060±40	191 BC cal BC – 25 cal AD
Ле-2045 ²³	дерево	Медведка-1, курган №4	2030±40	165 cal BC – 58 cal AD
Ле-2044 ²³	дерево	Медведка-1, курган №3, могила 2	2010±40	156 cal BC – 75 cal AD
Ле-2007 ^{3, 23}	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, 12 центральных колец	2560±40	809–544 cal BC
Ле-2007a ^{3, 23}	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, кольца 12–24	2520±40	797–517 cal BC
Ле-2009 ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, пол	2720±40	971–804 cal BC
Ле-2189 ³	дерево	Медведка-2, курган №2, могила 1	2690±40	914–798 cal BC
Ле-2190 ^{3, 23}	дерево	Медведка-2, курган №2, могила 1, верх	2490±40	781–416 cal BC
Ле-2191 ^{3, 23}	уголь	Медведка-2, курган №2, могила 2, северо-западный угол	2470±40	765–414 cal BC
Ле-2193 ³	дерево	Медведка-2, курган №2, могила 2	2470±40	765–414 cal BC
Ле-2194 ³	дерево	Медведка-2, курган №2, могила 2	2230±40	389–202 cal BC
Ле-2195 ³	дерево	Медведка-2, курган №2, могила 2	2270±40	401–206 cal BC
Ле-2196 ³	дерево	Медведка-2, курган №3, могила 1	2490±40	781–417 cal BC
Ле-5138 ^{3, 23}	мех	Медведка-2, курган №1, могила 1	2650±90	1023–516 cal BC
Ле-5139 ^{3, 23}	текстиль	Медведка-2, курган №1, могила 1	2580±50	835–539 cal BC
Ле-5140 ^{3, 23}	уголь	Медведка-2, курган №1, могила 1	2540±60	810–417 cal BC
Ле-4321 ^{3, 10}	дерево	Новомихайловка, курган №1, могила 3	2350±50	747–232 cal BC
Ле-722 ¹⁹	дерево	Новоселово, курган №1, могила 1	2160±50	366–56 cal BC
UBA-7946	кость человека	Окунев Улус, курган №11 по дневнику (Теплоухов, 1928)	2552±29	801–551 cal BC
UBA-8793	кость человека	Окунев Улус, курган №11 по дневнику (Теплоухов, 1928)	2476±19	764–429 cal BC
UBA-9336	кость человека	Окунев Улус, курган №11 по дневнику (Теплоухов, 1928)	2516±31	791–539 cal BC
UBA-9337	кость человека	Окунев Улус, курган №11 по дневнику (Теплоухов, 1928)	2316±30	413–233 cal BC
Ле-5145 ^{3, 10}	дерево	Салбык, 30 внешних колец	2460±40	760–411 cal BC
Ле-1192 ^{3, 10}	дерево	Салбык, пол	2410±60	756–394 cal BC
Ле-4771 ^{3, 10}	дерево	Салбык, пол	2490±40	781–417 cal BC
UBA-7943	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 9 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2421±45	753–399 cal BC
UBA-8790	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 9 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2502±21	775–539 cal BC
UBA-8791	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 9 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2478±21	766–425 cal BC
UBA-8792	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 9 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2454±19	752–413 cal BC

UBA-9334	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 9 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2454±23	753–412 cal BC
UBA-7945	кость человека	Сарагашенское Озеро, курган №1, могила 10 по дневнику (Теплоухов, 1923)	2456±39	756–411 cal BC
UB-7497	кость человека	Сарагашенское Озеро, могила 8, из насыпи по дневнику (Теплоухов, 1923)	2486±38	775–416 cal BC
Ле-5299 ^{3, 10}	кость	Сарала, курган №2, могила 1	2420±25	736–403 cal BC
Ле-5652 ²²	кость	Сарала, курган №2, могила 1	2490±80	790–411 cal BC
Ле-5297 ^{3, 10}	кость	Сарала, курган №2, могила 2	2445±20	750–409 cal BC
Ле-5300 ^{3, 10}	кость	Сарала, курган №2, могила 3	2305±30	408–233 cal BC
Ле-5298 ^{3, 10}	кость	Сарала, курган №2, могила 4	2430±30	750–403 cal BC
Bln-5340 ¹⁵	кость человека	Суханиха-II, курган №82, могила 3	2389±26	716–395 cal BC
Bln-5341 ¹⁵	уголь	Суханиха-II, курган №82, могила 3	2543±26	797–551 cal BC
Bln-5276 ¹⁵	кость человека	Суханиха-II, курган №88, могила 3	2448±27	752–409 cal BC
Bln-5277 ¹⁵	кость человека	Суханиха-II, курган №88, могила 4	2519±27	792–541 cal BC
Bln-5342 ¹⁵	уголь	Суханиха-II, курган №88, могила 4	2563±24	805–571 cal BC
Bln-5343 ¹⁵	уголь	Суханиха-II, курган №93, могила 3	2541±23	796–551 cal BC
Bln-5278 ¹⁵	кость человека	Суханиха-II, курган №393, могила 4	2425±30	749–402 cal BC
Ле-696 ⁹	дерево	Улуг-Кюзюр-I, курган №3, могила 1	2450±50	761–407 cal BC
Ле-5672 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, внешние кольца	2660±60	976–600 cal BC
Ле-5675 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, центральные кольца	2700±50	972–794 cal BC
Ле-5676 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, 1-й слой от центра	2710±60	997–795 cal BC
Ле-5677 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, 2-й слой от центра	2540±40	802–539 cal BC
Ле-5678 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, 3-й слой от центра	2400±20	702–399 cal BC
Ле-5679 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, 4-й слой от центра	2370±20	511–392 cal BC
Ле-5680 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 1, внешние кольца	2435±25	749–406 cal BC
Ле-5668 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 2	2530±25	794–547 cal BC
Ле-5670 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №1, могила 3	2470±30	763–416 cal BC
Ле-5671 ^{3, 11}	дерево	Черемшино, курган №31, могила 3	2610±50	898–552 cal BC
Тесинский этап (50 дат)				
Ле-1819 ⁴	дерево/уголь	Кадат, курган №3, могила 2	1720±40	236–414 cal AD
Ле-1820 ⁴	дерево/уголь	Кадат, курган №3, могила 1	1950±40	41–129 cal AD
Ле-1825 ⁴	дерево/уголь	Кадат, курган №4, могила 2	2210±40	386–183 cal BC
Ле-724 ^{21, 22}	дерево	Каменка-III, могила 64	1790±60	85–386 cal AD
Ле-2008 ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, чурка в СЗ углу	2090±40	337– 1 cal AD
Ле-2008a ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, чурка в СЗ углу	2070±40	337– 1 cal AD
Ле-2008b ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, чурка в СЗ углу	2080±40	200– 3 cal AD
Ле-2008c ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1, чурка в СЗ углу	2090±40	337– 1 cal AD
Ле-2010 ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1	1980±40	88 cal BC – 124 cal AD
Ле-2010a ³	дерево	Медведка-2, курган №1, могила 1	1930±40	40 cal BC – 210 cal AD
Ле-2010b ³	уголь	Медведка-2, курган 31, могила 1	1890±40	28–230 cal AD
Ле-2071 ^{4, 21}	дерево	Тепсей-VII, могила 1	1920±40	20 cal BC – 215 cal AD
Ле-2072 ^{4, 21}	дерево	Тепсей-VII, могила 1	1850±40	70 – 250 cal AD
Ле-2073 ^{4, 21}	дерево	Тепсей-VII, могила 1	1930±40	40 cal BC – 210 cal AD
Ле-2074 ^{4, 21}	дерево	Тепсей-VII, могила 2	1980±40	88 cal BC – 124 cal AD
Ле-2075 ^{4, 21}	дерево	Тепсей-VII, могила 2	2010±40	156 cal BC – 75 cal AD

Ле-2076 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 2	2020±40	159 cal BC – 67 cal AD
Ле-2081 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 92	1790±20	137–323 cal AD
Ле-2082 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 92	1830±40	79–319 cal AD
Ле-2077 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 94	1800±40	92–339 cal AD
Ле-2078 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 94	1820±40	85–322 cal AD
Ле-2079 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 96	1780±40	130–378 cal AD
Ле-2080 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 96	1810±40	87–332 cal AD
Ле-2086 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII, могила 100	1840±40	75–312 cal AD
Ле-2087 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 100	1890±40	28–230 cal AD
Ле-2088 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 100	1910±40	5–216 cal AD
Ле-2089 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 105	1910±40	5–216 cal AD
Ле-2090 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 105	1920±40	20 cal BC – 215 cal AD
Ле-2083 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII, могила 112	1780±40	130–379 cal AD
Ле-2084 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 112	1880±40	53–235 cal AD
Ле-2085 ^{4,21}	дерево	Тепсей-VII, могила 112	1900±40	22–224 cal AD
Ле-2069 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1830±40	80–318 cal AD
Ле-2068 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1840±40	75–313 cal AD
Ле-2065 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1860±40	66–242 cal AD
Ле-2067 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1870±40	59–239 cal AD
Ле-2066 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1900±40	22–224 cal AD
Ле-2070 ⁴	дерево/уголь	Тепсей-VII	1850±40	70–250 cal AD
Ле-2011 ⁵	дерево	Трояк, могила 9-б	1910±40	5–216 cal AD
Ле-2012 ⁵	дерево	Трояк, могила 10	1970±50	105 cal BC – 133 cal AD
Ле-2013 ⁵	дерево	Трояк, могила 21	1970±40	49 cal BC – 125 cal AD
Ле-2015 ⁵	дерево	Трояк, могила 23-б	2230±40	389–202 cal BC
Ле-2016 ⁵	дерево	Трояк, могила 27	1970±50	105 cal BC – 133 cal AD
Ле-2017 ⁵	дерево	Трояк, могила 28	1960±50	95 cal BC – 207 cal AD
Ле-2018 ⁵	дерево	Трояк, могила 28	2030±40	165 cal BC – 58 cal AD
Bln-4920 ^{19,20}	дерево	Суханиха, объект 4, могила 18	2008±35	103 cal BC – 72 cal AD
Bln-4961 ^{19,20}	дерево	Суханиха, объект 4, могила 18	1984±35	85 cal BC – 115 cal AD
Bln-4922 ^{19,20}	дерево	Суханиха, объект 4, могила 22	2026±33	157 cal BC – 55 cal AD
UB-7495	кость человека	Чёрное Озеро-I, курган №3, могила 7, скелет 5	2080±33	196–1 cal BC
UBA-7948	кость человека	Чёрное Озеро-I, курган №3, могила 35	2000±39	109 cal BC – 82 cal AD
UBA-7949	кость человека	Чёрное Озеро-I, сруб, правый	1960±28	40 cal BC – 120 cal AD
<i>Этап не определен (8 дат)</i>				
UBA-7902	кость человека	Афанасьева Гора, могила 23	1297±27	663–772 cal AD
UBA-7907	кость человека	Верхний Аскиз-I, курган №1, могила 18	2609±29	825–676 cal BC
UBA-7904	кость человека	Карасук-III, ограда 7, могила 1, скелет 1	2362±29	518–386 cal BC
UBA-7951	кость человека	Мельничный Лог – Барсучишный Лог, могила 35 по дневнику	2366±28	519–388 cal BC
UBA-7952	кость человека	Мельничный Лог – Барсучишный Лог, могила 37 по дневнику	2483±32	771–417 cal BC
UB-7492	кость человека	Подгорное Озеро-I, могила 5 по дневнику (Теплоухов, 1926)	2548±33	801–546 cal BC
UBA-7920	кость человека	Уйбат-V, курган №3, скелет 1	2740±26	968–821 cal BC
UBA-8782	кость человека	Ярки-I, могила 4 по дневнику (Теплоухов, 1925)	2200±31	376–191 cal BC

Все представленные даты были откалиброваны с помощью программы OxCal 5.0.2 (Bronk Ramsey C., 2007) и калибровочной кривой IntCal04 (Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E., 2004).

* В источнике указано, что дата была получена в Гейдельбергской лаборатории, ФРГ (Лазаретов, 1995, с. 16).

** Точный лабораторный номер образца не известен.

- ¹ Вадецкая Э.Б., 1981.
- ² Грачев И.А., 2006.
- ³ Евразия в скифскую эпоху, 2005.
- ⁴ Ермолова Н.М., Марков Ю.Н., 1983.
- ⁵ Курочкин Г. Н., неопубликованные данные.
- ⁶ Лазаретов И.П., 1995.
- ⁷ Лазаретов И.П., 1997.
- ⁸ Лазаретов И.П., 2006.
- ⁹ Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М., 1969.
- ¹⁰ **Alekseev A. Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Posnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G., 2001.**
- ¹¹ **Alekseev A. Yu., Bokovenko N.A., Bortrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergachev V.A., Kovalchuk N., Posnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G., 2002.**
- ¹² Beer N., 2004.
- ¹³ Bokovenko N., 2006.
- ¹⁴ Bokovenko N.A., Legrand S., 2000.
- ¹⁵ Görtsdorf J., 2002.
- ¹⁶ Görtsdorf J., 2004.
- ¹⁷ Görtsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2001.
- ¹⁸ Görtsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004.
- ¹⁹ Görtsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leontyev N., 1998a.
- ²⁰ Görtsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N., 1998b.
- ²¹ Hall M.E., 1999.
- ²² Sementsov A.A., Dolukhanov P.M., Romanova Ye.N., Timofeev V.I., 1972.
- ²³ **Sementsov A.A., Zaitseva G.I., Görtsdorf J., Nagler A., Parzinger H., Bokovenko N.A., Chugunov K.V., Lebdeva L.M., 1998.**
- ²⁴ Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J., 2009.
- ²⁵ Zaitseva G.I., van Geel B., 2004.

А.А. Тишкин, С.С. Матренин, В.П. Семибратов

Алтайский государственный университет, Барнаул

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ДАТИРОВКА КУРГАНОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (по результатам работ Катунской экспедиции АлтГУ в 2007 г.)

Хронология памятников Алтая пазырыкской культуры является предметом оживленных дискуссий уже нескольких поколений отечественных исследователей. Для рассматриваемого региона в настоящий момент накоплен значительный опыт решения данных проблем на основе традиционных археологических методов, а также с использованием естественно-научных методов. Не вдаваясь в критический обзор отдельных разработок, можно отметить несоразмерность использования разных подходов датирования для комплексов разных исторических эпох, что отчасти обусловлено спецификой располагаемой на сегодняшний день источниковой базой. В этой связи следует указать, например, что для хорошо изученной пазырыкской культуры имеется большая серия радиоуглеродных и дендрохронологических выкладок, но редкостью являются работы, посвященные комплексному археологическому датированию памятников с полноценной реализацией классификационно-типологического метода. И это несмотря на обилие опубликованных данных, большую представительность и разнообразие вещевых наборов из элитных и рядовых курганов скифо-сакского времени Алтая и

сопредельных регионов. Для сравнения укажем, что для периода раннего средневековья, напротив, неплохо разработаны схемы развития отдельных категорий предметного комплекса, установлен относительный возраст памятников с учетом общей историко-политической ситуации в Центральной Азии и Южной Сибири, но зато достаточно мало примеров датирования естественно-научными методами. Относительно комплексов раннескифского и «гунно-сарматского» времени, являвшихся в течение нескольких десятилетий слабо изученными на фоне остальных периодов, сейчас получены перспективные результаты датирования разными методами по нескольким некрополям, раскопанным в последние десятилетия. Вместе с тем можно отметить почти полное отсутствие радиоуглеродных датировок для погребений II – начала IV вв. н.э. (бело-бомский этап булан-кобинской культуры).

Определенный опыт осмысления соотношения выводов по археологическому и естественно-научному датированию памятников кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья в последние годы отражен в работах исследователей АлтГУ на основе уже известных и недавно опубликованных источников по периоду поздней древности, раннего и развитого средневековья (Тишкин А.А., 2007). Отдельные изыскания в этой области сделаны на материалах, полученных Катунской экспедицией в 2006–2007-х гг. в зоне планированного строительства створа Алтайской ГЭС (см. фото 1 на цветной вклейке), к югу от с. Еланда в Чемальском районе Республики Алтай (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С., 2006; Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., 2007; Кунгуров А.Л., Матренин С.С., 2007; Тишкин А.А., Матренин С.С., 2007; Семибратов В.П., Матренин С.С., 2008; Тишкин А.А., Семибратов В.П., Матренин С.С., 2009). Данные комплексы в своей основной массе еще не введены в научный оборот. Учитывая важность создания на сегодняшний день широкой базы по радиоизотопному анализу, актуальным представляется публикация всех полученных показателей абсолютных и калиброванных дат по отдельным культурно-историческим эпохам.

В предлагаемой работе отражены имеющиеся результаты радиоуглеродного изучения материалов из памятников пазырыкской культуры Северного Алтая, полученные в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (зав. лабораторией – к.х.н. Г.И. Зайцева). В данной статье они соотнесены с археологическими сведениями.

Берсюкта-II. Могильник находился на второй надпойменной террасе правого берега Катунь в 2,7 км к югу от с. Еланда, в 1,28 км выше устья р. Тыткескень. Состоял из двух курганов, образующих цепочку по линии ЗС3–ВЮВ и располагавшихся в 0,17 км к западу от автодороги между селами Еланда и Кунос. К пазырыкской культуре относится курган №1. Он имел полусферическую каменную наброску округлой формы размерами 10х9 м, высотой 0,5 м. В овальной могильной яме, длиной 3,2 м, шириной 1,93 м и глубиной 2,7 м, располагалась деревянная рама с продольным перекрытием из жердей. Вдоль ее северо-восточной стенки размещалось захоронение лошади, уложенной на живот с подогнутыми ногами и ориентированной головой на юго-восток. В челюстях животного были железные удила. В деревянной камере находилось одиночное погребение взрослого человека. Умерший (по-видимому, мужчина) лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой в юго-восточный сектор. Сохранность большинства костей плохая. В могиле найдены следующие предметы: керамический сосуд, гривна (рис. 1), колчанной крюк, бронзовая пластина, желез-

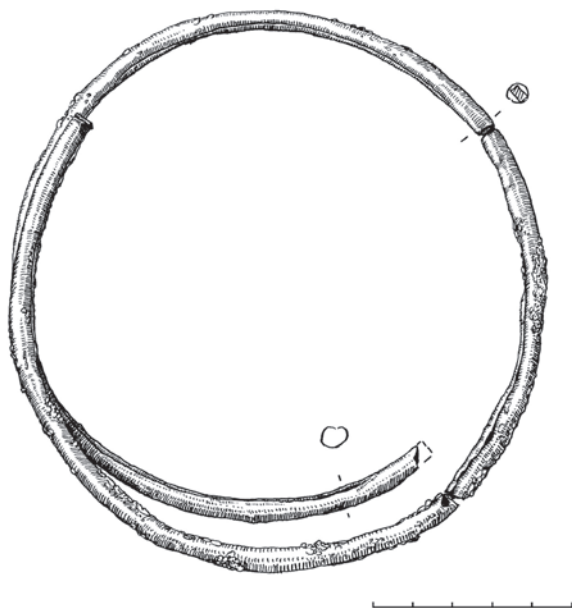

Рис. 1. Берсюкта-II. Курган №1.
Сопроводительный инвентарь. Бронзовая гривна

зырыкской культуры (Тишкин А.А., 2007, с. 150–151). При радиоуглеродном изучении образцов костей от скелета лошади получены следующие показатели:

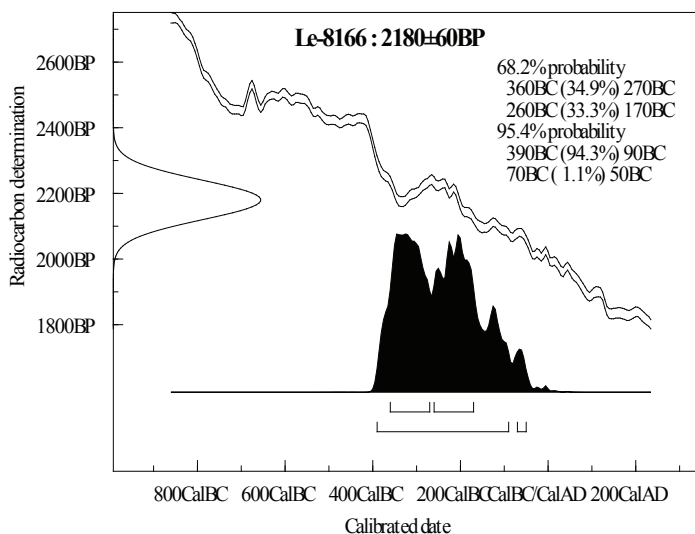
Le-8166

Берсюкта-II, курган №1. Кости лошади.

2180±60 BP

Интервалы калиброванного календарного возраста:

ный полноразмерный кинжал с прямым перекрестием и бруско-видным навершием. В проекции грудной клетки расчищены позвонки овцы, связанные с ритуальной мясной пищи. Обнаруженный сопроводительный инвентарь не позволяет уверенно определить хронологические рамки исследованного объекта. Однако достаточно уверенно можно говорить об отсутствии в инвентаре данного захоронения ранних предметов 2-й половины VI – начала V вв. до н.э. Пока трудно сказать, может ли иметь датирующее значение железный кинжал с прямым перекрестием и бруско-видным навершием. Предварительно курган можно отнести к IV–III вв. до н.э., без конкретизации принадлежности к выделенным этапам па-

Чобурак-II. Памятник расположен на второй правобережной террасе Катуня в 3,825 км к юго-востоку от с. Еланда и в 2,473 км к юго-востоку от устья р. Тыгкескеня по обе стороны автодороги Еланда–Кунос. Он включает шесть курганов, выстроенных цепочкой с юго-запада на северо-восток. Раскопано три погребальных сооружения скифо-сакского времени.

Курган №1. Находился в центре цепочки. Имел полусферическую округлую наброску размерами 10x9,25 м, высотой 0,7 м, с западиной в центре и кольцевой крепидой в основании. В овальной могиле, имевшей длину 3,75 м, ширину 3,26 м, глубиной 2,7 м и ориентированной длинной осью по линии ЮВ–СЗ исследовано сильно разрушенное захоронение нескольких человек в сопровождении лошади. Сохранились остатки деревянной конструкции типа рамы с перекрытием. Из сопроводительного инвентаря обнаружены два керамических сосуда, бронзовый кинжал (рис. 2-1), обломки небольшого железного предмета неясного назначения. Аналогии вещевого комплекса укладываются почти во весь период существования пазырыкской культуры, преимущественно в V–III вв. до н.э. Для радиоуглеродного анализа взят образец кости лошади. Получены следующие данные.

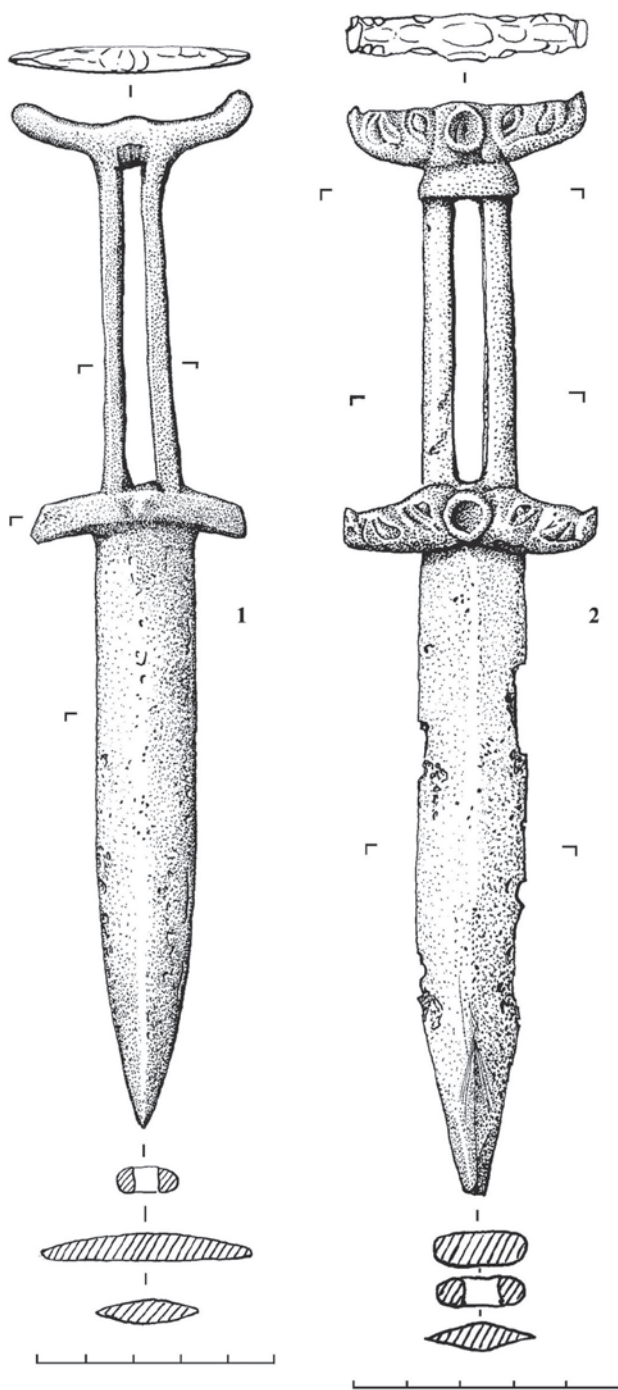

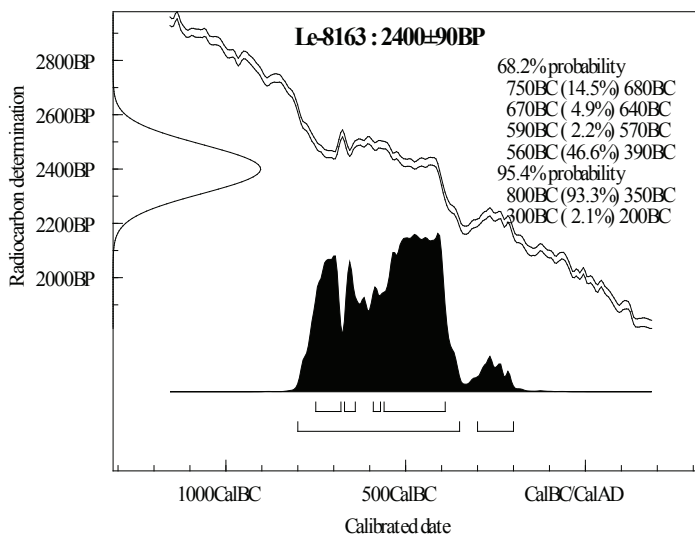
Рис. 2. Чобурак-II. Сопроводительный инвентарь. Бронзовые кинжалы из курганов №1 (1), №2 (2)

Ле-8163

Чобурак-II, курган №1. Кость лошади.

2400±90 BP

Интервалы калиброванного календарного возраста:

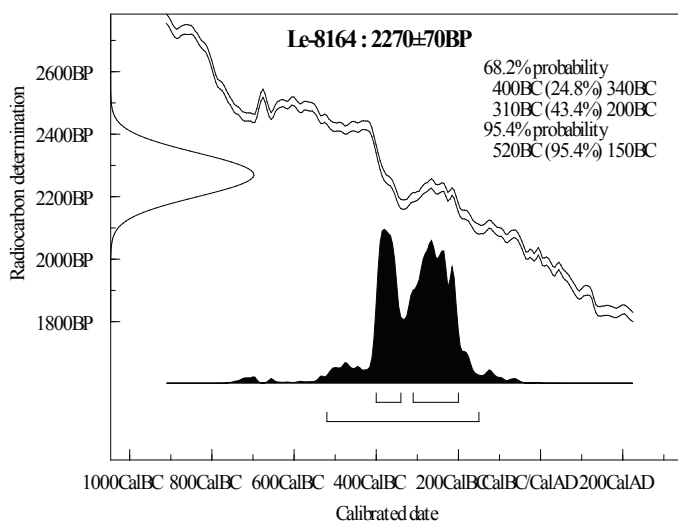
Курган №2 располагался к югу от предыдущего сооружения. Каменная полу-сферическая наброска размерами 10x8,5 м, высотой до 0,55 м имела небольшую западину в центре и кольцевую крепиду в основании. Почти по центру находилась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Длина ее была 2,74 м, а ширина – 2,32 м. В верхнем слое заполнения могилы расчищена каменная обкладка с впускным захоронением человека, относящимся к более позднему времени. На глубине 0,96–1,4 м находилось основное, не потревоженное погребение трех взрослых человек, уложенных на правый бок, головой на юго-восток в сопровождении двух лошадей, которые располагались вдоль северной стенки, в том числе, над покойными. Прослежен тлен от деревянной камеры (рамы?) с продольным перекрытием и полом. Обнаружены остатки ритуальной мясной пищи. Сопроводительный инвентарь представлен большим количеством предметов (см. фото 2–4 на цветной вклейке): бронзовый кинжал с изображениям морд кабанов на перекрестии и на вершии, бронзовые вотивные чеканы, колчаные крюки, ножи, бляхи-подвески, золотая фольга, костяные наконечники стрел, распределители ремней (в виде головы барса, хищной птицы, кольца), псалии, блоки, застежки, клык-подвеска, каменный курант зернотерки, керамическая посуда (рис. 2.-2; 3; 4.-1, 2, 3). Состав вещевого комплекса позволяет установить археологический возраст данного кургана в пределах V–IV вв. до н.э. Этому не противоречат результаты радиоуглеродного анализа образца костного материала от скелета лошади.

Ле-8164

Чобурак-II, курган №2. Кости лошади.

2270±70 BP

Интервалы калиброванного календарного возраста:

Курган №3 оказался самым южным в цепочке. Он имел насыпь с полусферической каменной наброской размерами 7,4х7 м и высотой 0,5 м. В могиле длиной 2,44 м, шириной 1,72 м, глубиной 1,36 м, ориентированной длинной осью по линии ЮВ–СВ, в деревянной раме захоронены три взрослых человека в сопровождении одной лошади, размещенной вдоль северной стенки. Умершие лежали на правом боку и были ориентированы головой на юго-восток. Обнаружены крестец и позвонки овцы,

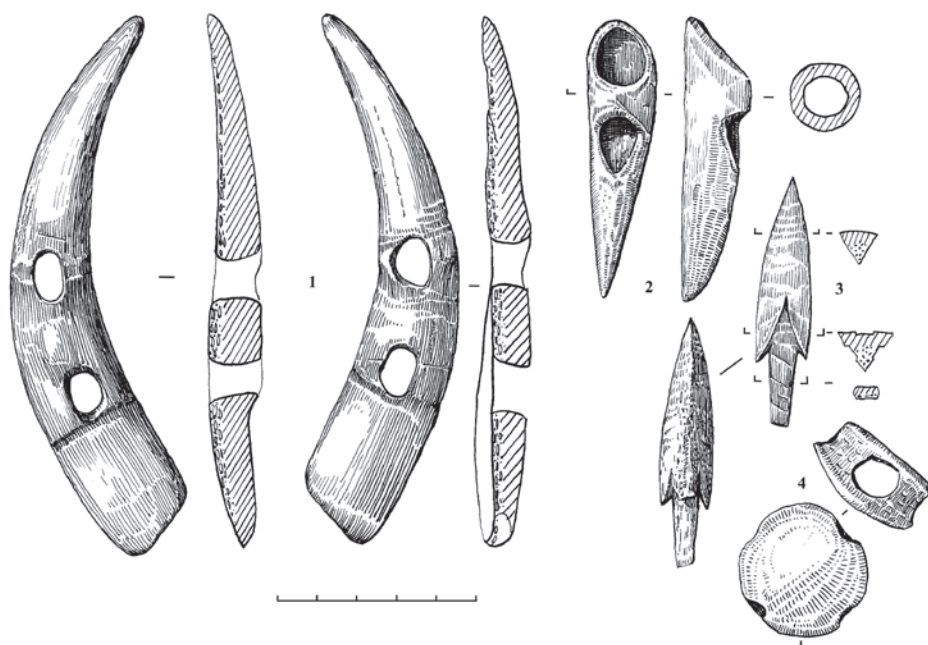

Рис. 3. Чобурак-II. Курган №2. Сопроводительный инвентарь из кости и рога:
1 – псалии; 2 – застежка; 3 – наконечник стрелы; 4 – распределитель ремней

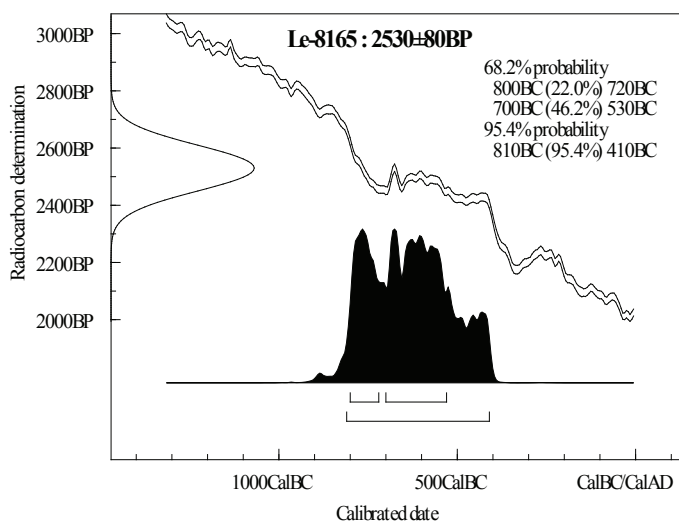
связанные с ритуальной мясной пищей. У челюстей лошади лежали роговые псалии, а среди ребер найдена бронзовая бляха-подвеска. Остальной вещевой набор (рис. 4.-4-7; см. фото 5 на цветной вклейке) включал чеканы, колчаные крюки, поясные обоймы, ножи, бляхи, золотую фольгу и керамические сосуды. Археологическая датировка данного комплекса определяется в границах V – начала IV вв. до н.э. Для радиоуглеродного исследования взяты образцы от скелета лошади, которые оказались немного древнее.

Le-8165

Чобурак-II, курган 3. Кости лошади.

2530±80 BP

Интервалы калиброванного календарного возраста:

В завершение данного обзора следует указать на определенное своеобразие археологических материалов из могильника Чобурак-II.

Во-первых, совершенно нестандартной для норм обрядности «пазырыкцев» выступает такая черта, как коллективное труположение. В пазырыкской культуре подобный вариант ингумации фиксируется преимущественно на северо-западной, юго-восточной и северной окраинах распространения названной общности и, по мнению ряда исследователей, отражает полиэтничный состав населения этой горной страны во 2-й половине I тыс. до н.э., в том числе процессы взаимодействия с племенами сопредельных территорий (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 180–191; 2003, с. 26–63; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 90–108; Кубарев В.Д., 1987, с. 26, 27; 1991, с. 37, 38; 1992, с. 25, 27; Суразаков А.С., 1989, с. 114, 149, 150, табл. 1; 1997, с. 85–86, рис. II-1; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; Худяков Ю.С., 1998, с. 99; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 44, 45, 67, рис. 19, 22.-I; и др.). Наличие данных погребальных комплексов в Юго-Восточном Алтае (Кош-Агачский район Республики Алтай) традиционно связывают с проникновением в среду пазырыкского населения «саглынцеv» Тувы. Вопрос о причинах появления коллективных захоронений в других частях Горного Алтая в литературе пока не получил своего решения. Важно, что особенности обряда захоронения в курганном могильнике Чобурак-II показывают иной (предгорно-равнинный) контекст. Этому не противоречит облик сопроводительного инвентаря,

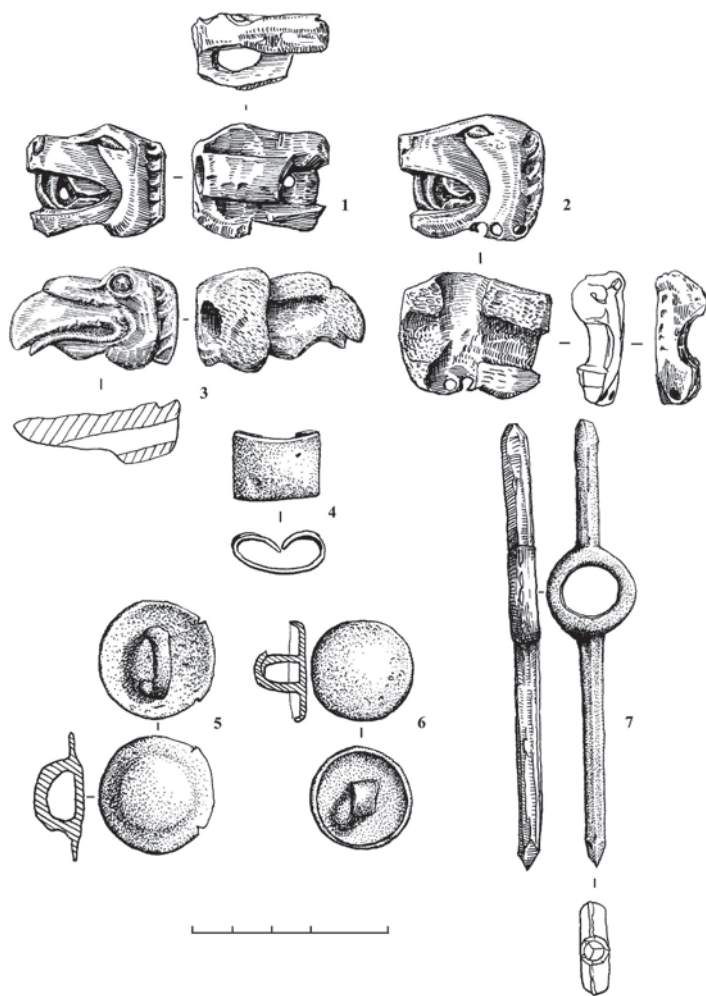

Рис. 4. Чобурак-II. Сопроводительный инвентарь из курганов №2 (1-3), №3 (4-7): 1, 2, 3 – распределители ремней из кости; 4 – бронзовая обойма; 5, 6 – бронзовые бляхи-подвески; 7 – бронзовый чекан

ки, кольцевые распределители, псалии) (Бородовский А.П., 2003, рис. 1, 2). Редким для Горного Алтая является кинжал с изображением морд кабанов на перекрестии и навершии. Похожий, но не идентичный биметаллический кинжал встречен в могильнике Кызыл-Джар-I (Суразаков А.С., 1988, рис. 16.-1). Подобный сюжет известен на кинжалах из равнинной части Алтая. Отметим еще одну аналогию из коллекции П.К. Фролова (№1122), которая ныне хранится в Государственном Эрмитаже. Не менее примечательной находкой выступает керамический горшок с ручками-рогами (см. фото 2 на цветной вклейке), характерный для бытовой утвари кочевых племен, проживавших во 2-й половине I тыс. до н.э. в степной зоне Алтая, Казахстана и некоторых других регионах.

в котором встречаются элементы, характерные для культур сакского мира в равнинной части Алтая.

Во-вторых, в полученной коллекции предметов имеются изделия, представляющие большой интерес для специалистов. Прежде всего нужно указать на роговые распределители ремней с изображениями кошачьего и орлиного хищников, связанные со снаряжением верхового коня. Такие предметы нечастая находка в рядовых захоронениях пазырыкской культуры. Территориально наиболее близкая аналогия распределителям в виде голов барсов с оскалившейся пастью происходит из могильника Майма-XIX (Северный Алтай). Кроме того, на Нижней Катуні обнаружена уже серия стилистически очень близких предметов из кости (застежки,

Следует также указать на небольшую глубину захоронения в курганах №2 и 3. Хорошо известно, что основная часть могил пазырыкской культуры имеет глубину 1,7 м, при этом даже в тех случаях, когда погребения «бедный» инвентарь или таковой вообще отсутствует. И, наконец, важно обратить внимание на присутствие захоронения в заполнении могильной ямы кургана №2. Однозначно определить его культурную принадлежность пока сложно, но, судя по особенностям обряда, оно оставлено инокультурным населением более позднего, вероятно, так называемого гунно-сарматского времени.

В заключение отметим, что, учитывая дискуссионность критериев определения археологического возраста многих памятников скифо-сакского времени Саяно-Алтая, полноценную хронологическую атрибуцию всех курганов пазырыкской культуры, раскопанных Катунской экспедицией АлтГУ в 2006–2007 гг., целесообразнее будет сделать в рамках отдельной монографии.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Резные роговые изделия скифского времени Нижней Катуни // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 5–7.
- Кiryошин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Кiryошин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тьткескень-VI // **Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири** и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 353–357.
- Кiryошин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кiryошин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII, ч. I. С. 273–277.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлогема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Кочеев А.В. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982-х гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–109.
- Кунгуров А.Л., Матренин С.С. Коллективное погребение пазырыкской культуры из могильника Тьткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 117–122.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. №2. С. 180–191.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 26–63.
- Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 54–66.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // **Археология Горного Алтая**. Барнаул, 1994. С. 11–24.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.
- Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 85–93.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Матренин С.С. Курганы бийкенской культуры на памятнике Тьткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 109–116.

Тишкин А.А., Семибратов В.П., Матренин С.С. Новые материалы по радиоуглеродному датированию древних и средневековых памятников Алтая (по результатам исследований в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 161–166.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 97–112.

А.В. Харинский, Д. Андерсон, И.В. Стерхова

*Иркутский государственный технический университет, Иркутск;
Абердинский университет, Абердин, Великобритания;
Центр сохранения историко-культурного наследия, Иркутск*

ФОСФАТНЫЙ МЕТОД В ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

Фосфаты – идеальный маркер для геоархеологического анализа, так как они относительно устойчивы в почве и могут сохраниться в течение сотен лет после того, как связанная с их появлением деятельность закончена. С начала 20-го столетия наличие фосфатов в почве связывалось учеными с человеческой деятельностью. Их археологическое исследование было начато в Скандинавии перед Второй мировой войной (Arghenius O., 1934) и вскоре получило развитие в Великобритании (Mattingly G.E.G. & Williams R.J.B., 1962), **Америке (Solecki R.S., 1951) и России (Веллесте Л., 1952; Штобе Г.Г., 1959; Микляев А.М., Герасимова Н.Г., 1968; Holiday V.T. et al., 2007).** Как известно, наличие фосфатов в почве связано с попаданием в нее органических отходов, разложением тел погребенных и использованием огня в очагах и во время пожаров. Фосфаты также могут попасть в почву в результате удобрения сельскохозяйственных угодий или концентрироваться в местах, где находятся отхожие места людей или животных.

Устойчивость фосфатов в почвах создает прекрасные возможности для фиксации следов человеческой деятельности. Исследование фосфатов в различных слоях земли может использоваться для изучения различных типов человеческой адаптации в той или иной местности: от охоты к скотоводству и к сельскому хозяйству (Linderholm J., 2007). Традиционно фосфатный анализ использовался для подтверждения определенной сельскохозяйственной или скотоводческой деятельности на местонахождениях, которые были уже выявлены и нанесены на карту с использованием традиционных методов раскопных работ (Детюк А.Н., Тараненко Н.П., 1997). В ряде недавних исследований (Linderholm J., 2007; Karlsson N., 2004; Carpelan C. & Lavento M., 1996; Parnell J.J. et al., 2001) анализы почвы использовались для того, чтобы идентифицировать те участки археологических объектов, на которых наблюдалась повышенная концентрация фосфатов. Их интерпретация помогала яснее представить планиграфию древних местонахождений и использовать полученные данные для планирования раскопных работ.

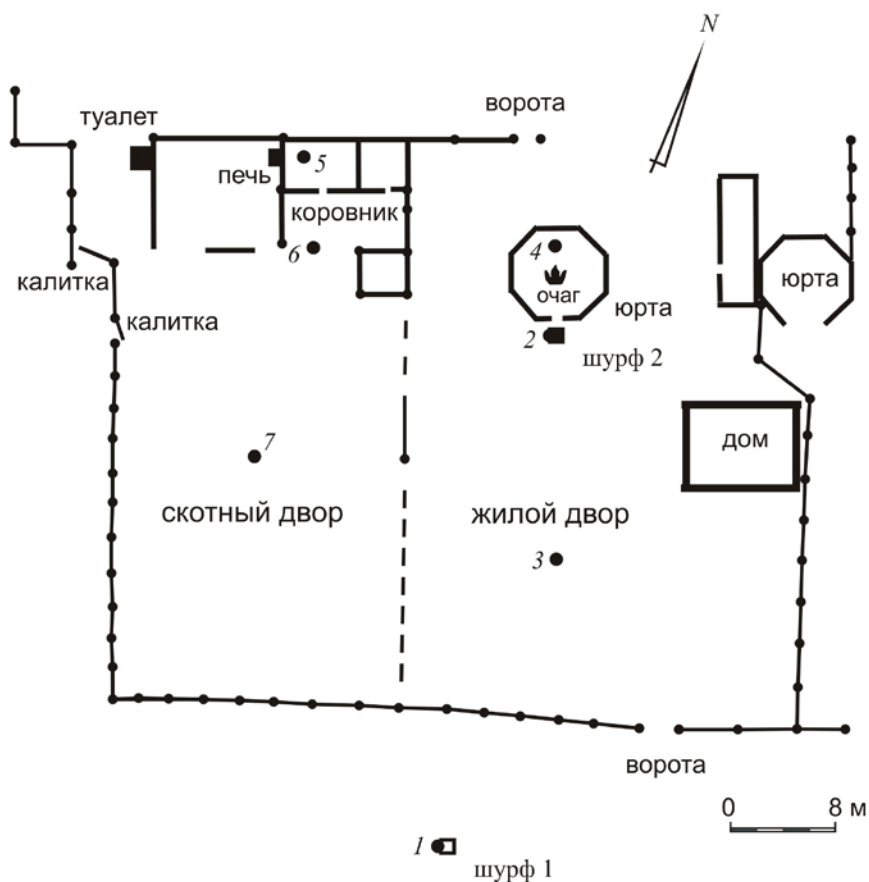
Для определения возможностей фосфатного анализа в этноархеологических исследованиях на территории лесостепного Предбайкалья осенью 2008 г. был произведен отбор образцов земли на территории летника Заречный на левом берегу реки Голоустная,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Научного совета Норвегии (проект «Homes Hearths and Households in the Circumpolar North»).

в 6,6 км к северо-востоку от с. Большое Голоустное. Для проведения тестирующих анализов летник Заречный выбран не случайно. На его территории сохранились полуразрушенные остатки нескольких бурятских усадеб. На поверхности земли видны основания построек, хозяйственное назначение большинства из которых можно установить.

Исследования проводились на усадьбе Михайловых, в юго-западной части Заречного. На ней до 1954 г. постоянно жила бурятская семья. Впоследствии хозяева переехали в Большое Голоустное. Для взятия образцов и изучения стратиграфии толщи рыхлых отложений в районе усадьбы заложено два шурфа (рис. 1). Шурф №1 разбит в 17 м к юго-западу от южных ворот усадьбы. Из него взято девять образцов для фосфатного анализа. Шурф №2 заложен в 1 м к югу от входа в юрту. Из него отобрано четыре образца для анализов. При изучении строения рыхлых отложений, вскрытых шурфами, выяснилось, что они имеют небольшую мощность (0,50–0,70 см) и представлены голоценовой толщей темных гумусированных в верхней части и буроватых в нижней части средних суглинков (почвы Ад, А, В1, В2, С) и позднплейстоценовыми (сарганскими?) отложениями – серовато-буроватая среднесуглинистая толща с песчаным прослоем.

6 ● место отбора пробы на фосфатный анализ и ее номер

Рис. 1. Схема взятия проб для фосфатного анализа на летнике Заречный

В шурфе №1 (проба №1) глубиной до 70 см выделяется пять слоев (сверху вниз):

№ слоя	Характеристика отложений	Мощность, м
1.	Темно-серый гумусированный среднесуглинистый слой – дерново-почвенный горизонт Ад и А. Сухой, не уплотнен, включения в виде корней растений, новообразования отсутствуют. Переход в нижележащий слой явный, резкий, граница волнистая, местами в виде клиновидных затеков (криогенные клинья) в нижележащий слой до глубины 0,40 м.	0,10–0,15
2.	Серовато-бурый среднесуглинистый слой – подгумусовый почвенный горизонт В. Сухой, немного уплотнен, крупнокомковатой структуры, включения в виде единичных корней растений, новообразования отсутствуют. Морфологический подразделяется на два подслоя В1 и В2: подслоя В1 – темнее, В2 – более светлый, однородный. Кровля слоя нарушена криогенными клиньями, заложенными из вышележащего слоя 1. Переход в нижележащий слой явный, резкий, граница волнистая.	0,30–0,40
3.	Светло-серый опесчаненный слой. Песок белый, крупнозернистый. Слой рыхлый, бесструктурный, новообразования и включения отсутствуют. Переход в нижележащий слой явный, резкий, граница волнистая.	0,06–0,16
4.	Серовато-бурый среднесуглинистый слой. Немного уплотнен, сухой, комковато-глыбистой структуры, новообразования отсутствуют, включения в виде единичных галек. Переход в нижележащий слой явный, резкий, граница волнистая.	0,05–0,15
5.	Галечник средний и мелкий, хорошо окатанный, сухой, вскрытая мощность.	0,02

В шурфе №2 (проба №2) глубиной 40 см также выделяется пять слоев, но их мощность меньше, чем в шурфе №1. Такая же стратиграфия фиксируется и в других частях усадьбы. Образцы для анализа отбирались из каждого слоя. Образец 1 соответствовал первому культурному слою, образец 2 – второму культурному слою и т.д. В шурфе №1 образцы отбирались по одному из верхней и нижней части слоя: образец 1 – Ад; образец 2 – А; образец 3 – В1; образец 4 – В2; образец 5 – кровля 3 слой; ...образец 9 – слой 5.

Определение фосфатов проводилось в межвузовской региональной лаборатории экологических исследований Иркутского государственного университета (протокол КХА №4Э-09). По полученным результатам можно сказать, что максимальное содержание фосфатов зафиксировано в образцах №2, отобранных, соответственно, из слоя 2 или нижней части слоя 1 (шурф №1). Далее вниз по профилю содержание фосфатов закономерно уменьшается, особенно резко – в песчаном слое. Меньшее содержание фосфатов в образце №1 (дерново-почвенный слой 1), чем в образце №2, объясняется тем, что поверхность, на которой ранее жил человек (слой 2), заросла и покрылась слоем дерна (слой 1), на который воздействие человека уже было намного меньше. Исходя из этого, можно сделать вывод, что определять фосфаты имеет смысл только в двух-трех верхних слоях толщи рыхлых отложений. Пробы №3–7 с территории усадьбы отбирались с помощью ручного бура без шурфовочных работ. Три образца взяты из пробы в юрте, к северу от очага; два образца из пробы в жилом дворе; три пробы из образца в скотном дворе; три образца из пробы в коровнике; два образца в пробе перед коровником.

В образцах, отобранных в шурфах, в жилом дворе и коровнике выделяется общая закономерность – большее количество фосфатов присутствует в слое 2. Однако в образцах, отобранных в скотном дворе, перед коровником и в юрте, максимальное содержание фосфатов зафиксировано в образцах №1 (слой 1). Вероятно, это связано с постоянным наличием навоза на скотном дворе. В тех местах, где его больше всего, фиксируется самая высокая концентрация фосфатов (коровник). Значительное содержание фосфата в образце №1 из юрты может быть объяснено воздействием пирогенных процессов и на-

личием бытовых отходов. Проведенные исследования подтверждают большое значение фосфатного анализа в этноархеологических исследованиях. Но его использование как основного показателя для определения границ поселения, для выделения специальных областей деятельности человека внутри поселения или для установления степени населенности, интенсивности и продолжительности проживания людей на какой-либо территории требует дальнейшего изучения. Зачастую повышенное содержание фосфатов в земле связано не с деятельностью людей, а с концентрацией животных.

Номер пробы и место отбора образца	Массовая концентрация мг/100 г	Номер пробы и место отбора образца	Массовая концентрация мг/100 г
1 Шурф 1 – 1	19,3	3 Жилой двор 1	11,6
1 Шурф 1 – 2	75,0	3 Жилой двор 2	19,9
1 Шурф 1 – 3	68,3	4 Юрта 1	18,7
1 Шурф 1 – 4	14,5	4 Юрта 2	63,4
1 Шурф 1 – 5	20,5	4 Юрта 3	4,72
1 Шурф 1 – 6	7,7	5 Коровник 1	188
1 Шурф 1 – 7	2,0	5 Коровник 2	141,4
1 Шурф 1 – 8	5,8	5 Коровник 3	47,1
1 Шурф 1 – 9	0,83	6 Перед коровником 1	12
2 Шурф 2 – 1	14,3	6 Перед коровником 2	61,9
2 Шурф 2 – 2	21,7	7 Скотный двор 1	58,2
2 Шурф 2 – 3	14,2	7 Скотный двор 2	1,77
2 Шурф 2 – 4	8	7 Скотный двор 3	1,44

Библиографический список

- Веллесте Л. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. №42. С. 135–140.
- Детюк А.Н., Тараненко Н.П. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений. Способы извлечения фосфора из почв и методы его анализа // Естественно-научные методы в полевой археологии. М., 1997. Вып. 1. С. 43–53.
- Микляев А.М., Герасимова Н.Г. Опыт применения фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области // СА. 1968. №3. С. 251–255.
- Штобе Г.Г. Применение методов почвенных исследований в археологии // СА. 1959. №4. С. 135–139.
- Arrhenius O. Fosfathalten i Skanska Jorda // Sveriges Geologiska Undersokning. 1934. №28. P. 1–30.
- Carpelan C. and Lavento M. Soil phosphorus survey at subrecent Saami winter village sites near Inari, Finnish Lapland // A preliminary account Proceeding from the 6th Nordic conference on the application of scientific method in archaeology. Esbjerg: Esbjerg museum, 1996. P. 97–107.
- Holliday V.T., Hoffecker J.F., Goldberg P., Macphail R.L., Forman S.L., Anikovich M., and Sinityn A. Geoarchaeology of the Kostenki-Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // Geoarchaeology-an International Journal 22. 2007. №2. P. 181–228.
- Karlsson N. Soil Studies and Historical Archaeology: A Discussion on Forest Saami Settlements // Current Swedish Archaeology. 2004. №12. P. 105–120.
- Linderholm J. Soil Chemical Surveying: a Path to a Deeper Understanding of Prehistoric Sites and Societies in Sweden // Geoarchaeology-an International Journal 22. 2007. №4. P. 417–438.
- Mattingly G.E.G., Williams R.J.B. A note on the chemical analysis of a soil buried since Roman times // Journal of Soil Science 1962. №13. P. 253–258.
- Parnell J.J., Terry R.E. and Golden C. Using in-Field Phosphate Testing to Rapidly Identify Middens at Piedras Negras, Guatemala // Geoarchaeology-an International Journal 16. 2001. №8. P. 855–873.
- Solecki R.S. Notes on soil analysis and archaeology // American Antiquity. 1951. №16. P. 254–256.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Цимиданов

Областной краеведческий музей, Донецк, Украина

ПОГРЕБЕНИЯ С РАКОВИНАМИ МОЛЛЮСКОВ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ

Одна из категорий погребального инвентаря срубной культуры до сих пор почти не привлекала внимания исследователей. Это – раковины моллюсков. Нам удалось учесть 18 срубных погребений с данными артефактами (см. приложение) (в сводку не включались комплексы с пряжками из раковин; они заслуживают отдельного анализа). Рассматриваемые захоронения выявлены на обширной территории от Приуралья до Поднепровья. Они составляют лишь 0,2% в массиве учтенных нами погребений срубной общности. Наиболее высок удельный вес интересующих нас комплексов в Приуралье (0,8%). Раковины из срубных погребений делятся на две группы:

I. Спиральнозавитые. Выявлены в Акназарово (брюхоногий прудовик);

II. Половинки двустворчатых раковин, в том числе:

а) круглые раковины морских ископаемых моллюсков (Pectunculus). Они были в Старых Ябалаклах, 48/9, Селивановском-II, Калаче, п. 3, Новопокровке и, судя по рисунку в публикации, Системе-IV;

б) овально-эллиптические раковины речных моллюсков (Unio). Обнаружены в Юматово, Старых Ябалаклах, 89/1, Калаче, п. 7, Первомаевском-I, Недоступове, Троицком, Азове, Верхней Маевке-II.

По остальным захоронениям данных о виде моллюсков у нас нет.

Использование ископаемых раковин, похоже, было характерно лишь для восточной территории срубной общности (Поволжье и Приуралье). Интересно, что некоторые раковины происходят из районов Устюрта и Мангышлака (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с. 81), т.е. они были перемещены с места их первоначального нахождения на расстояние не менее чем 1200 км (по прямой). Отмеченный факт свидетельствует о высоком семиотическом статусе данных предметов.

Число раковин в срубных погребениях могло быть различным: одна (Селивановский-II, Старые Ябалаклы, 89/1, Первомаевский-I, Синявка-III, Троицкое, Малоокатериновка-I), две (Система-IV, Старые Ябалаклы, 48/3), четыре (Калач, п. 47), девять (Азов), двенадцать (Верхняя Маевка-II), около ста (Акназарово). Отметим, что на восточной территории в захоронениях чаще встречается несколько раковин: по одной обнаружено в трех комплексах, а более – в семи. В погребениях западной территории (Подонье, Предкавказье, Украина), напротив, чаще встречается одна раковина – четыре комплекса из шести, где число данных артефактов известно (еще два погребения разрушены).

Другое различие между погребениями с раковинами двух территорий заключается в следующем. На востоке данные артефакты часто были просверлены. Например, отверстия имелись в раковинах из Системы-IV, Тавлыкаево-I, Старых Ябалаклов, 48/3,

Калача и, вероятно, Селивановского-II, т.е. просверленные раковины выявлены в более чем половине погребений. А вот на западной территории нам не известно ни одного срубного захоронения с подобными изделиями. Таким образом, если на востоке срубного ареала раковины из погребений чаще являлись подвесками, то на западе назначение данных предметов было иным.

Раковины попадали в могилы и женщин (Старые Ябалаклы, 48/3, Первомаевский-I), и мужчин (Малоекатериновка-I). Возраст лиц, в захоронениях которых выявлены рассматриваемые артефакты, колеблется в большом интервале – от 3–4 (Синявка-III) до 45–50 лет (Малоекатериновка-I). И снова можно отметить локальные различия. Из десяти погребений восточной территории по семи есть данные о возрасте умерших. В одном случае он был взрослым, в шести – ребенком или подростком. На западной территории из восьми умерших взрослыми были пять. Отметим, что аналогичную ситуацию – «монополизацию» взрослыми на западной территории каких-то функций и представлений, на востоке в большей степени связанных с детьми и подростками, демонстрируют и срубные погребения с астрагалами (Цимиданов В.В., Чаур Н.А., 1997, табл. 4), а также с плетью (Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П., 2003, с. 224–225, рис. 9.-4; Цимиданов, 2007, табл.; Рафикова Я.П., 2008, с. 73–74, рис. 5.-2).

Раковины известны в неолитических погребениях Восточной Европы (Телегин Д.Я., 1991, с. 18), захоронениях новоданиловского типа (Братченко С.Н., Константинову Л.Ф., 1987, с. 27). Некоторый всплеск использования данных предметов в качестве погребального инвентаря приходится на эпоху ранней бронзы. В ямной культуре встречаются как раковины без отверстий (Самар В.А., 1992, с. 44, 46), так и просверленные раковины, в том числе в составе ожерелий, где они сочетаются с молотковидными булавками (Латынин Б.А., 1967, с. 20, 24, 30). Обратим внимание на то, что именно в ямной культуре впервые появляются два «текста», которые мы встретим и в более поздних культурах: а) раковина + клык хищника (Латынин Б.А., 1967, с. 20; Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986, рис. 50.-13, 14); б) раковина + астрагал (Кубышев А.И., Нечитайло А.Л., 1988, с. 111–112).

При всем этом удельный вес захоронений с раковинами в ямной культуре не очень высок. Например, в южнобугском варианте он составляет около 1,3% (Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986, табл. на с. 72–97). Для сравнения, в массиве катакомбных погребений Нижнего Подонья комплексы с раковинами составляют 1,2% (Братченко С.Н., 1976, прил. 1; 2). Однако ситуация в разных катакомбных культурах была различной. Так, в раннекатакомбных захоронениях и донецкой культуре встречаются ожерелья из раковин (Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И., 1987, с. 17; Санжаров С.Н., 2001, с. 63). Просверленные раковины известны в памятниках бахмутского типа (Санжаров С.Н., 2001, с. 120). А вот в среднедонской и ингульской культурах и в памятниках маньчского типа раковины попадали в погребения по большей части как производственный инвентарь (Кубышев А.И., Нечитайло А.Л., 1991, с. 6; Смирнов А.М., 1996, с. 63, 83).

В культуре многоячеичковой керамики (КМК) использование раковин в качестве погребального инвентаря было аномальным. В частности, на 390 захоронений Днестровско-Прутского междуречья приходится лишь одно с раковиной (0,3%) (Савва Е.Н., 1992, с. 65). Соответствующий показатель для КМК Днепро-Донского региона составляет 0,2% (в массиве из 1140 погребений содержится одно захоронение с просвер-

ленной раковиной и одно – с раковиной без отверстия, вероятно, входившей с состав производственного набора).

В доно-волжской абашевской культуре и памятниках покровского типа Подонья и Волго-Донского междуречья захоронений с раковинами, похоже, нет (это мы допускаем, проанализировав 215 комплексов данных культурных образований). Насколько нам известно, раковины отсутствуют в погребениях средневожжской и уральской абашевских культур, памятниках потаповского типа Среднего Поволжья. Не выявлены они и в захоронениях криволукской группы Нижнего Поволжья (любезная информация Р.А. Мимохода).

Таким образом, традиция помещения раковин в захоронения, получившая в степях Восточной Европы некоторое распространение в период ранней бронзы, в дальнейшем угасала и в предсрубное время практически сошла на нет.

Иная ситуация имела место в Урало-Казахстанских степях. Погребения с раковинами мы найдем в синташтинской культуре (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 194, 222; Епимахов А.В., 2005, с. 31, 42, 47, 96). Здесь, по нашим подсчетам, они составляют около 3,0%. Важно то, что в данной культуре вновь всплывают «тексты» «раковина + клык хищника» (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 194; Епимахов А.В., 2005, с. 31, 47, 96) и «раковина + астрагал» (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 222). В степи и лесостепи Азии практика помещения раковин в погребения имела место и позже. В частности, захоронения с рассматриваемыми артефактами известны в петровской (Ткачев В.В., 2005, с. 42, 48, 51), андроновской (Виноградов Н.Б., 2000, с. 28; Демин М.А., Ситников С.М., 2005, с. 68) и кротовской (Кильдюшева А.А., 2007, с. 35) культурах.

Отметим следующее. Два упомянутых выше «текста» встречены и в срубной культуре. Сочетание раковин и клыков демонстрируют захоронения из Селивановского-II, Старых Ябалаклов, Тавлыкаево-I, а сочетание раковин и астрагалов – комплексы из Калача, п. 47, Новопокровки, Верхней Маевки-II. Хронологический приоритет синташтинских погребений с рассматриваемыми «текстами» перед срубными позволяет допускать, что именно в синташтинской культуре имел место новый всплеск практики ритуального использования раковин, а затем идеи, связанные с последними, распространились на запад. «Медиаторами», через которых срубники восприняли эти идеи, явились, очевидно, «покровцы». Раковины присутствуют в их погребениях (Юдин А.И., 1992, с. 54; Памятники..., 1993, табл. 1, №78; Ляхов С.В., 1994, с. 85; Дремов И.И., Семенова И.В., 1999, с. 57), причем данные комплексы составляют, по нашим подсчетам, 1,6% в покровском массиве Нижнего Поволжья, что относительно много в сравнении как со срубной культурой, так и с культурами Восточной Европы эпохи ранней и средней бронзы.

У носителей срубной культуры на их восточной прародине раковины использовались, среди прочего, как подвески (амулеты?). Очевидно, правы те исследователи, которые связывают раковины из погребений с почитанием водной стихии (Ковалева И.Ф., 1989, с. 48). В данной связи можно отметить, что у индоариев раковина являлась атрибутом Вишну как властителя вод, а у древних греков она выступала как символ женского водного начала, порождающего все живое. В частности, Афродита порой изображалась стоящей на раковине (Серебряный С.Д., 1991, с. 126; Куклев В., Гайдук Д., 2000, с. 415).

Ко всему этому стоит добавить еще то, что у «срубников» раковины, вероятно, ассоциировались и с потусторонним миром. Последнее можно допускать, учитывая повто-

ряемость «текста» «раковина + клык». В верованиях индоиранских народов (и не только их) хищники семейства собачьих связывались с миром мертвых (Цимиданов В.В., 2004б, с. 264). «Текст» «раковина + астрагал» не менее показателен. Таранные кости мелкого рогатого скота у многих народов, в том числе осетин, использовались в обрядах, направленных на обеспечение плодородия и благополучия (Цимиданов В.В., 2001, с. 223).

Таким образом, в восточной части ареала срубной культуры раковины, скорее всего, были полисемантически – олицетворяли водную стихию, связывались с миром мертвых, плодородием, благополучием. Однако по мере миграции «срубников» на запад происходила трансформация связанных с раковинами идей. Это видно из того, что на западе общности не только не зафиксирован «текст» «раковина + клык», но раковины вообще не использовались в качестве подвесок. А вот «текст» «раковина + астрагал» сохранился. Кроме того, как отмечено выше, с раковинами в большей степени стали манипулировать взрослые.

Ранее мы уже высказывали гипотезу о том, что в погребениях срубной культуры раковины (те, которые не выполняли функцию подвесок) являлись знаком статуса служителей культа (Цимиданов В.В., 2004а, с. 56–57). Расширение первоначальной сводки не прибавило к этой гипотезе новых аргументов. Вместе с тем, учитывая определенную генетическую связь между сарматами и носителями срубной культуры, косвенным доводом в ее пользу является присутствие раковин и изделий из них в захоронениях сарматских «жриц» (Яценко С.А., 2007, с. 62, 64).

Приложение

Список учтенных срубных погребений с раковинами

1. Система-IV, 2/5, Челябинская обл. (Костюков В.П., Алаева И.П., 2004, с. 34–36).
2. Акназарово, 2/8, Башкортостан (Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б., 1985, с. 44).
3. Селивановский-II, 1/14, Башкортостан (Рафикова Я.В., 2008, с. 77–78) (погребение относится к так называемым срубно-алакульским).
4. Старые Ябалаклы, 48/3, Башкортостан (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с. 28–29).
5. Старые Ябалаклы, 89/1, Башкортостан (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, с. 47).
6. Тавлыкаево-I, 7/9, Башкортостан (Рутто Н.Г., 2003, с. 69, рис. 49.-13–14) (погребение относится к так называемым срубно-алакульским).
7. Юматово, 1/5, Башкортостан (Матвеева Г.И., Васильев И.Б., 1972, с. 256).
8. Калач, п. 3, Саратовская обл. (Тихонов В.В., 1996, табл. 1).
9. Калач, п. 47, Саратовская обл. (Тихонов В.В., 2003, с. 6).
10. Новопокровка, Саратовская обл. (Юдин А.И., 2007, с. 145).
11. Недоступов, 4/3, Волгоградская обл. (Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С., 2006, с. 90–91).
12. Первомаевский-I, 4/2, Волгоградская обл. (Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., Мамонтов В.И., 2006, с. 189–190).
13. Синявка-III, 13/6, Ростовская обл. (Потапов В.В., 1998, с. 129).
14. Шахаевская-II, 2/2, Ростовская обл. (Федорова-Давыдова Э.А., 1983, с. 39).
15. Верхняя Маевка-II, 5/1, Днепропетровская обл. (Ковальова И.Ф., Волкобой С.С., 1976, с. 6–7).
16. Азов, 2/4, Запорожская обл. (Самар В.А., 1998, с. 77).
17. Малоокатериновка-I, 3/4, Запорожская обл. (Плешивенко А.Г., 1996, с. 8–9).
18. Троицкое, 4/11, Запорожская обл. (Клейн Л.С., 1960, с. 161).

Библиографический список

- Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 131 с.: ил.
- Братченко С.Н., Константиеску Л.Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 17–31.
- Виноградов Н.Б. Могильник эпохи бронзы Кулевчи-VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2000. Вып. VIII. С. 24–53.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.: ил.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1991. 161 с.: ил.

Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., Мамонтов В.И. Курганный могильник Первомаевский-I // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 187–218.

Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры из Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2004 г. Барнаул, 2005. С. 66–78.

Дремов И.И., Семенова И.В. Раскопки курганов на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3. С. 55–63.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5. Челябинск, 2005. Кн. 1. 192 с.: ил.

Кильдюшева А.А. К вопросу об использовании украшений как археологических источников // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 34–35.

Клейн Л.С. Кургани біля с. Троїцького // Археологічні пам'ятки. 1960. Т. VIII. С. 141–163.

Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск, 1989. 89 с.: ил.

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследования курганов группы «Долгой Могила» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987. С. 5–27.

Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. 1976. №20. С. 3–22.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. Челябинск, 2004. №2. С. 5–56.

Кубышев А.И., Нечитайло А.Л. Кремневый скипетр Васильевского кургана // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 1988. С. 107–118.

Кубышев А.И., Нечитайло А.Л. Центры металлообрабатывающего производства Азово-Черноморской зоны (к постановке проблемы) // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991. С. 6–21.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский-I // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 217–260.

Куклев В., Гайдук Д., Раковина // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид; Миф, 2000. С. 415–416.

Латынин Б.А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. Л.: Сов. художник, 1967. 96 с.: ил. (Археологический сборник. Вып. 9).

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 84–92.

Матвеева Г.И., Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры в Башкирии // Советская археология. 1972. №3. С. 244–258.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С. Исследование курганов в бассейне реки Медведица // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3. С. 81–104.

Обыденнова Г.Т., Рутто Н.Г., Исмагилов Р.Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 40–53.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. 200 с.: ил. (Свод археологических источников. Вып. В1-10).

Плешивенко А.Г. Курганы села Малоекатериновка. Запорожье, 1996. 166 с.: ил.

Потапов В.В. Курганный могильник «Синявка»-III // Каталог. Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области): Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 127–130.

Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского-II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. №4. С. 72–83.

- Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.: ил.
- Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днепровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992. 227 с.: ил.
- Самар В.А. Курган эпохи энеолита – бронзы вблизи Михайловского поселения // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1992. Т. III. С. 44–49.
- Самар В.А. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998. С. 75–83.
- Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001. 172 с.: ил.
- Серебряный С.Д. Вишну // Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 125–126.
- Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996. 182 с.: ил.
- Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.: ил.
- Тихонов В.В. Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 37–52.
- Тихонов В.В. Раскопки грунтового могильника Калач-1 в 2001 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов: Науч. книга, 2003. Вып. 5. С. 3–9.
- Ткачев В.В. Могильник Восточно-Курайли-1 на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актобе: Актюбинский ун-т, 2005. Вып. 2. С. 36–69.
- Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская-II на р. Маныче // Древности Дона. М.: Наука, 1983. С. 35–87.
- Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. Донецк, 2001. №10. С. 215–248.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004а. 204 с.: ил.
- Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половецко-растной аспект // Археологический альманах. Донецк, 2004б. №14. С. 260–291.
- Цимиданов В.В. Поховання із нагайками в зрубній культурі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2007. №7. С. 217–224.
- Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск: Осирис, 1997. С. 50–61.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант). Киев: Наукова думка, 1986. 160 с.: ил. (Свод археологических источников. Вып. В1-3).
- Юдин А.И. Срубные кенотафы у с. Кочетного // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Перемена, 1992. Вып. 2. С. 53–59.
- Юдин А.И. Изменение погребального обряда как отражение социальных процессов в первобытном обществе срубной культуры на примере новых памятников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. 8. С. 142–149.
- Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 58–66.

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ДРЕВНИЕ БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ

За последние годы накопилось достаточно много информации о древних бронзовых предметах, случайно обнаруженных в различных районах Тувы. Некоторые из них хранятся в Национальном музее им. Алдан Маадыр Республики Тыва (далее – НМРТ), отдельные – у частных лиц, предоставивших автору возможность их публикации.

Кинжал с пластинчатым плоским клинком и массивной рукоятью (рис. 1.-1) хранится в НМРТ. Происхождение его выяснить не удалось – вероятно, случайная находка на территории Тувы. Общая длина кинжала – 22 см, максимальная ширина клинка – 4,8 см.

Поясковый двушковый кельт (рис. 1.-2) найден в окрестностях пос. Хову-Аксы и сейчас хранится в НМРТ. Общая длина орудия – 13 см. Втулка деформирована и разорвана, однако можно утверждать, что первоначально она была овальной в сечении. От концов ушек по втулке идут два параллельных валика. Лезвие кельта расширяется к скругленной рабочей части. Максимальная ширина лезвия – 6 см.

Второй кельт (рис. 1.-3) был приобретен у жителя пос. Аржаан в 2002 г. Как выяснилось позднее, именно этот предмет некогда находился в школьном музее этого поселка и был опубликован Л.Р. Кызласовым (1979, рис. 14.-2, с. 29, сноска 83).

Нож со сломанным клинком хранится в частной коллекции в г. Туран и, по словам владельца, был найден около пос. Чкаловка (рис. 2.-1). Общая его длина – 16 см. Лезвие отделено от рукояти выступом-упором. Плоская рукоять украшена с двух сторон параллельными рядами из вдавленных треугольников, образующих фон для зигзагообразной полосы. Расплющенное навершие некогда было выполнено в виде бубенчика.

Массивный нож (рис. 2.-2) поступил в НМРТ из пос. Элегест. Общая длина изделия – 20,7 см, длина лезвия – 11,6 см. Треугольный в сечении клинок отделен от рукояти гардой. Овальная в сечении рукоять украшена с обеих сторон и оканчивается двукольчатым навершием. Орнамент такого же типа, как и на ноже из Чкаловки, различается с двух сторон рукояти – на левой стороне ряды треугольников расположены вплотную, на правой разнесены к краям. Лезвие отковано и заточено, ближе к обушку имеется отверстие – литейный брак.

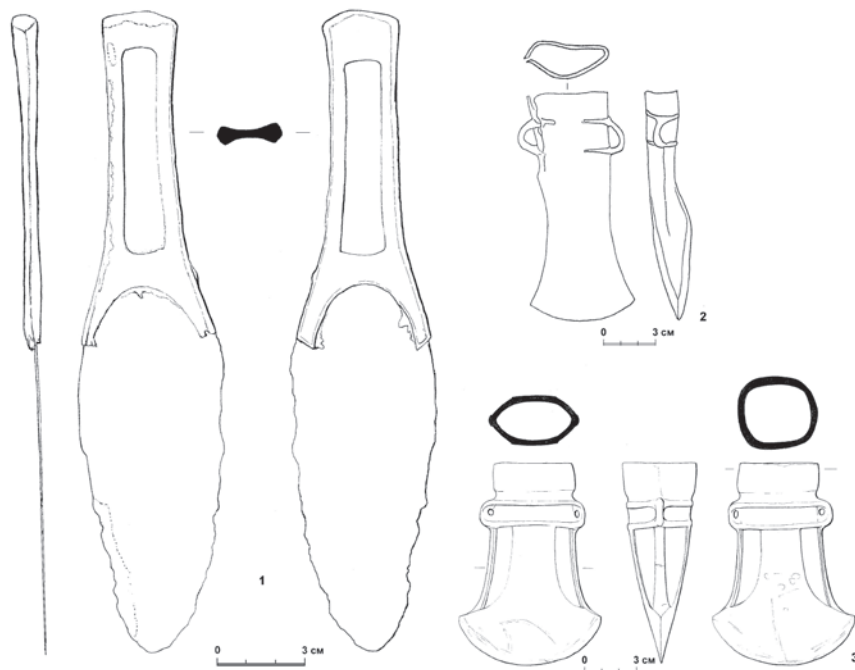

Рис. 1

Серия мелких предметов, включающая обоюдоострое четырехгранное шило (длина – 3,4 см), бляшку из трех ярусно расположенных полушарий (длина – 2,3 см, ширина – 0,7 см) и трехжелобчатую застежку (размеры – 2x0,7x0,4 см) (рис. 2.-3–5), найдена техником-геологом Тувинской геологоразведочной экспедиции Ю.В. Чуркиным при мытье золота на р. Бай-Сют в урочище Красная горка. Предметы вместе с фрагментами неясных изделий, литейным браком и отходами бронзового литья были переданы автору начальником центрально-поискового участка В.М. Михайловым.

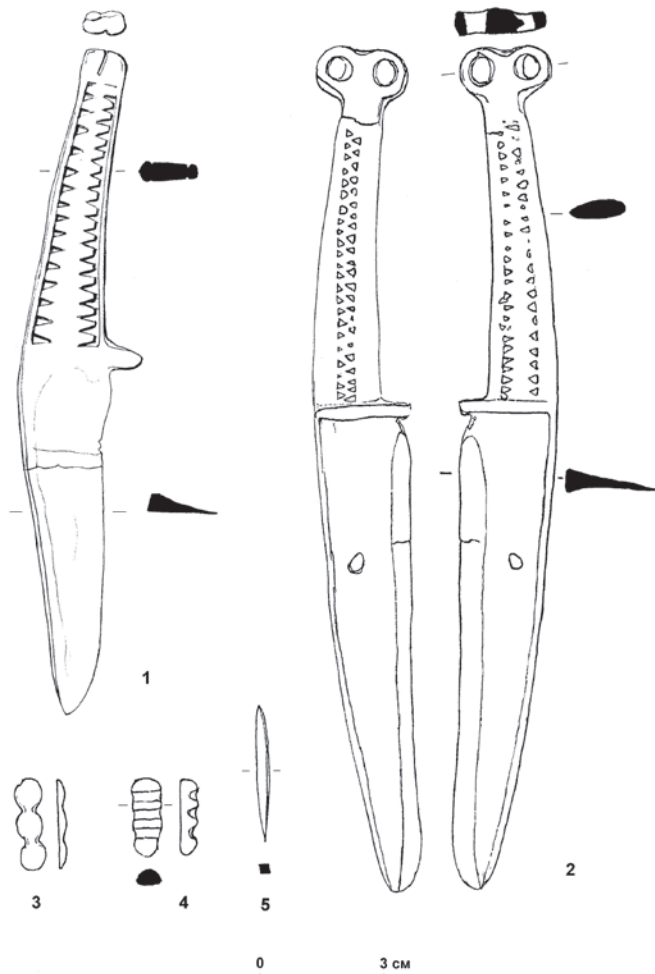

Рис. 2

Дугообразнообушковый нож с кольчатым навершием рукояти и сильно загнутым концом клинка (рис. 3.-1) найден в 1996 г. к югу от г. Кызыла на 9-м километре трассы в Эрзин. Общая длина ножа – 19,8 см, длина лезвия – 10,5 см. Хранится в частном собрании.

Прямой нож с навершием в виде рельефного кольца и утраченной частью клинка (рис. 3.-2) найден на р. Могой в Пий-Хемском районе. Сохранившаяся длина – 14,3 см, длина рукояти с навершием – 8,8 см. Рельефный валик кольца орнаментирован попереч-

ными насечками, выполненными при отливке изделия в двусоставной форме. В верхней части навершия кольцо недоотлито – литейный брак. Хранится в НМРТ.

Сильно деформированный нож с кольчатым навершием и утраченной частью клинка (рис. 3.-3) найден А.И. Евсеевым на левом берегу р. Туран в 5 км выше одноименного города. Сохранившаяся длина – 12,5 см, длина рукояти с кольцом – 7,5 см. На месте находки был собран разновременный подъемный материал, включающий отщепы, изделия из камня и фрагменты керамики. Культурный слой находится в пойме и переотложен. Тем не менее можно предположить, что находка ножа связана с расположенной там древней стоянкой.

Массивный втульчатый чекан с утраченным фигурным обухом (рис. 4.-1) найден гидрогеологом П.Л. Макаровым на острове Барсучий на Енисее напротив горы Боом и передан им геологу В.И. Кудрявцеву. Длина сохранившейся части изделия – 14,5 см, высота втулки – 3,5 см. Боек чекана, округлый в сечении, охватывает втулку с двух сторон рельефными валиками и имеет на конце четырехгранную заточку. Под бойком на втулке – изображение головы хищной птицы. Основание обломанного обуха имеет трехлопастное сечение. гравировка в виде параллельных полос в различных комбинациях присутствует с трех сторон (рис. 5.-2-4).

Зеркало состоит из овального диска с боковой орнаментированной фигурной рукоятью, имеющей горизонтальную петлю на обороте. Его размеры – 8,8 см (вместе с рукоятью), поперечный диаметр диска – 5,3 см. Толщина рукояти несколько превышает толщину диска, который имеет слегка выпуклую лицевую сторону. Орнамент на рукояти в виде двойных S-образных спиральных завитков заканчивается идущими вверх изогнутыми линиями. Рисунок отлит вместе со всем предметом и выполнен в технике контррельефа.

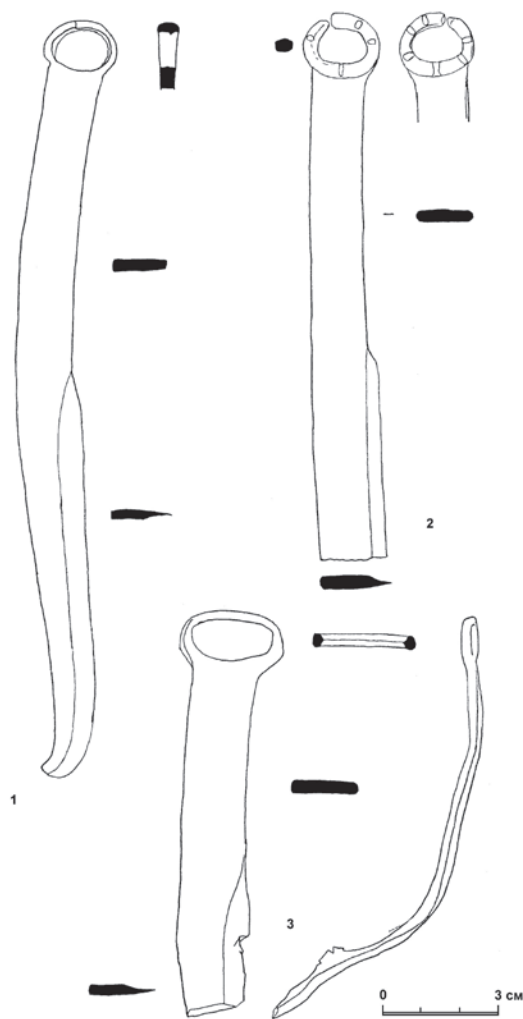

Рис. 3

Все приведенные выше находки можно разделить на несколько хронологических групп. Возможно, наиболее ранним является кинжал, представленный на рисунке 1. По сути, это изделие можно назвать двулезвийным ножом, так как клинок его совершенно плоский. Ему нет точных аналогий на территории Тувы. Не удалось найти их и среди материалов других регионов. Рукоять орудия не имеет выраженного навершия и

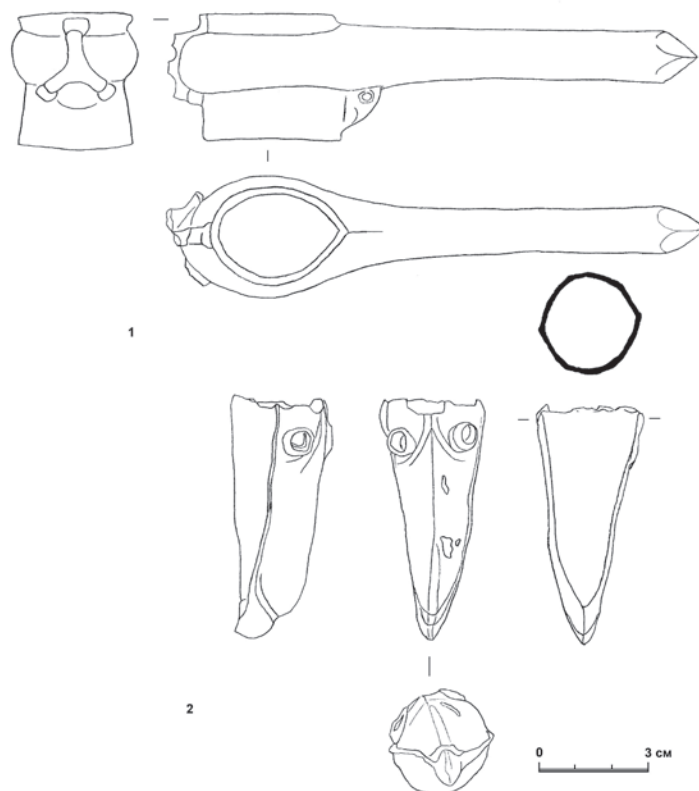

Рис. 4

Бронзовый объемный полый предмет, выполненный в виде головы хищной птицы (рис. 4.-2), найден В.С. Кривдиком около глиняного карьера на 13-м километре трассы Кызыл–Эрзин. Длина изделия – 6,5 см, высота и ширина у основания – 2,8 см. Функциональная атрибуция предмета затруднительна из-за отсутствия известных нам аналогов. Можно предположить, что он использовался в качестве наверхия или втока. Изделие литое, основание втулки имеет рваный край. От середины его идет литейный шов, отделяя верхнюю половину клюва с восковицей от нижней, конец клюва оканчивается округлым загибом вниз. Глаза птицы расположены в верхней части и выполнены в виде сквозных отверстий, обведенных рельефным валиком. Между ними по центральной оси восковицы проходит ребро, оканчивающееся на конце клюва. От начала ребра к глазам идут два желобка, выполненные техникой шлифовки по готовому изделию. На верхней левой половине клюва имеются несколько отверстий неправильной формы – литейный брак.

Комплекс из одиннадцати предметов, включающий 10 наконечников стрел и зеркало с фигурной боковой рукоятью (рис. 5), был найден при земляных работах на территории аэродрома в пос. Хову-Аксы. Вероятно, все изделия происходят из одного разрушенного погребения.

Наконечники относятся к одному типу – трехлопастные с клиновидным черешком. На трех сохранились остатки древков и обмотка из сухожилий (рис. 5.-2, 10–11). Три наконечника имеют на лопастях процарапанные линии, причем на одном из них

производит впечатление прилитой к ранее откованному клинку овальной формы. Она гораздо толще и охватывает его дугой. Подобный абрис сопряжения клинка и рукояти встречается у андроновских ножей середины – 2-й половины II тыс. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 428, рис. 30.-37–38, 55–57). Однако двутавровое сечение рукояти с приостренными торцевыми сторонами напоминает карасукские ножи, что может указывать на более позднюю датировку тувинского экземпляра.

Оба представленных кельта по формальным признакам можно отнести к типу, выделенному еще М.П. Грязновым (1941, с. 253, табл. III). Такие изделия названы им поясковыми кельтами карасукского типа. Основной ареал распространения таких кельтов – Минусинская котловина, где они, по-видимому, относятся к лугавской культуре (Хаврин С.В., 1999).

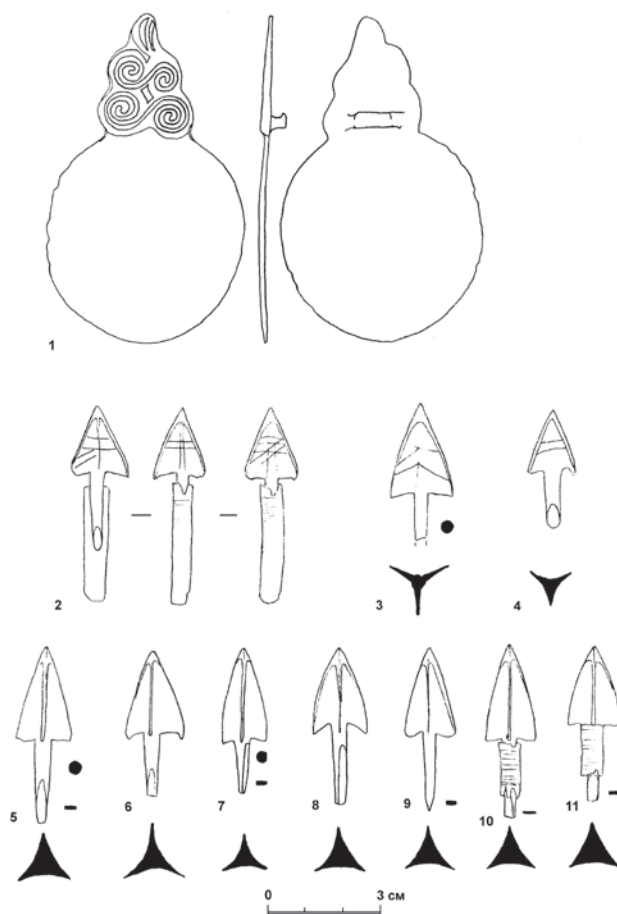

Рис. 5

Периодом поздней бронзы можно датировать ножи, представленные на рисунке 2. Нож с гардой и двукольчатым навершием дополняет серию находок подобных изделий на территории Тувы. Как уже отмечалось, ножи из Тувы отличаются от происходящих из лугавских комплексов четко выраженным перекрестием, чем сближаются с северо-

китайскими экземплярами (Чугунов К.В., 1992, с. 32). Двукольчатое навершие, почти не встречающееся на южносибирских ножах, характерно для культуры Чаодаогоу Северного Китая (Kovalev A., 1992, abb. 30), что еще раз подтверждает это направление связей. К этому же времени, вероятно, относится и трехъярусная бляшка, имеющая многочисленные аналогии в карасукских погребениях Хакасии и впервые встреченная в Туве. Что касается шила, то оно может датироваться как предскифским, так и скифским временем.

Три ножа с навершием рукояти в виде кольца по типологии Н.Л. Членовой (1972, с. 45) относятся к переходному карасук-тагарскому типу, однако не исключена и раннескифская дата этих находок. Дугообразнообушковый нож с кольцом найден в алды-бельском кургане на р. Хут в северо-восточной Туве (Маннай-оол М.Х., 1970, рис. 7). Нож с рельефно выделенным кольцевым навершием и уступом при переходе к лезвию найден в уюкско-саглынкском комплексе V в. до н.э. на могильнике Догээ-Баары (Чугунов К.В., 1996, рис. 5.-1).

Трехжелобчатая застежка с р. Бай-Сют имеет ближайшие аналогии среди памятников Тувы раннескифского времени. Такие же по форме, но сделанные из камня и дерева предметы найдены в кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980, рис. 12) и в алды-бельском кургане на р. Копто (Čugunov K.V., 1998, s. 277, abb. 3.-2-4; Чугунов К.В., 2005, рис. 4.-2-4). Кроме того, известно трехжелобчатое навершие у ножа из кургана №96 у пос. Зубовка (Маннай-оол М.Х., 1970, рис. 3).

Чекан с острова Барсучий имел, вероятно, уникальное оформление обуха, о чем говорит сохранившееся трехлопастное основание. Это шестой чекан в Туве, имеющий изображение головы птицы под бойком. Четыре происходят из алды-бельских комплексов – Усть-Хадынныг-I, курган №4, могила-3 (Виноградов А.В., 1980, с. 62, рис. 1); Сарыг-Булун, курган №1, могила-2 (Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., 1990, рис. 2); курган Аржан-2, могила-5 и 20 (Чугунов К.В., 2004, с. 29; Čugunov K., Parzinger H., Nagler A., 2006, s. 121, kat. №13; taf. 26). Один чекан с таким декором найден в кенотафе кургана №15 уюкско-саглынского могильника Догээ-Баары-2 (Чугунов К.В., 1996, с. 71, рис. 3.-1; 2007, с. 132, рис. 10.-1). Комплекс последнего кургана радиоуглеродным методом датирован рубежом V–IV вв. до н.э. (Чугунов К.В., 2007, с. 140).

Бронзовый предмет в виде головы птицы, как уже отмечалось, не имеет аналогов. Стилистические особенности – подчеркнутое изображение восковицы, трактовка глаз в виде полых колец – указывают на ранний этап развития звериного стиля и предположительно датируют это изделие началом раннескифского времени.

Наконечники стрел и зеркало из разрушенного погребения в пос. Хову-Аксы относятся к категории типичных предметов для уюкско-саглынкских памятников Тувы. Орнамент рукояти зеркала в виде двойной волюты известен в алды-бельских комплексах, в частности, на обоймах наборных поясов из Аржана-2 (Čugunov K., Parzinger H., Nagler A., 2006, s. 125, kat. №18; taf. 35) и могильника Демир-Суг-II (Семенов Вл.А., 2001, рис. 2.-13). Возможно, эти аналогии могут указывать на раннюю дату комплекса из Хову-Аксы в пределах уюкско-саглынкской культуры – начало V в. до н.э. Этому хронологическому определению не противоречит и набор трехлопастных наконечников стрел с черешком, равным по длине головке. Обращают внимание процарапанные метки на трех наконечниках, служившие, может быть, знаками принадлежности. Значки разного рода встречаются на наконечниках стрел в различных культурах ранних кочевников Евразии (см., например: – Иванов Г.Е., 1993, рис. 1.-27–28) и представляется перспективным их каталогизирование и изучение.

Библиографический список

- Виноградов А.В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 60–64.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в Степном Алтае // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 95–106.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. 464 с.: ил.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.: ил.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. М.: Наука, 1990. Вып. 17. С. 36–47.
- Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб.: Фил. фак-т, 2001. С. 167–172.
- Хаврин С.В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 1999. Вып. LVIII. С. 32–35.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.: ил.
- Чугунов К.В. Некоторые данные по материальной культуре племен эпохи поздней бронзы Тувы // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 2. С. 31–33.
- Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы (К вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 69–80.
- Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–37.
- Чугунов К.В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб., 2005. Вып. 37. С. 66–90.
- Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары-2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А.В.: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Fin Furstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. München: Schirmer/Mosel, 2006. 144 s., 78 Farbtafeln.
- Čugunov K.V. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva // Eurasia Antiqua. Band 4. Mainz am Rhein, 1998. S. 273–308.
- Kovalev A.A. «Karasuk-dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Arcaologie. Band 50. 1992.

М.А. Корусенко, С.Н. Иващенко, М.Ю. Здор

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск*

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА КУРГАНЕ КУАТОВКА-1А

Интерес исследователей к алтайским древностям не иссякает уже на протяжении более 200 лет. Но специфика его состояла в том, что он был связан в основном с горно-алтайской и приобской проблематикой и практически не касался территории Степного Алтая, в частности Кулундинской степи. Иначе говоря, работы, проводившиеся на территории Алтайского края в XIX и 1-й половине – 2-й трети XX вв., затра-

гивали в основном горную и приобскую его части, а исследования степи носили лишь спорадический характер и откладывались на будущее (Тишкина Т.В., 2009, с. 11).

Активизация археологических исследований произошла только в конце XX в. (Шамшин А.Б., 1999, с. 31–35), когда исследованиями были затронуты южные и северные районы Кулундинской степи (Хабарский, Табунский, Кулундинский и другие районы Алтайского края) (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, с. 62–85; Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмелъ Ю.И., 2006, с. 280–282).

Тем не менее некоторые районы еще остаются не изученными или слабоизученными в археологическом отношении и в настоящее время. Славгородский район Алтайского края – один из них: из 16 выявленных археологических памятников раскопан только один. Последнее археологическое обследование здесь было проведено в 1991 г. Археологические памятники района были упомянуты в литературе только один раз (Гельмелъ Ю.И., 1992, с. 88–89). На археологической карте, размещенной на сайте Алтайского государственного университета*, в Славгородском районе вообще не отмечено ни одного памятника. Поэтому исследование, предпринятое в июне 2008 г. совместной экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и ООО «ГЭПИЦЕНТР-II», позволило не только провести охранно-спасательные работы на одиночном кургане у д. Куатовка, но и отчасти восполнить имеющуюся лауну.

Памятник был обнаружен в ходе историко-этнографического обследования Славгородского района отрядом ООО «ГЭПИЦЕНТР-II» под руководством Б.В. Мельникова в 2006 г. Предварительная датировка, данная Б.В. Мельниковым, – VIII–XII вв. н.э. К сожалению, перед проведением этих работ не была надлежащим образом изучена история археологических исследований Славгородского района, и в результате появилось два памятника Куатовка-I: первый – курганная группа из двух курганов в 6 км к юго-востоку от д. Куатовка, – открыт Ю.И. Гельмелем (1992, с. 88) в 1991 г.; второй – одиночный курган в 1,3 км к юго-западу от д. Куатовка – открыт Б.В. Мельниковым в 2006 г. Чтобы не создавать путаницу в дальнейшей нумерации, было принято решение присвоить одиночному кургану наименование Куатовка-1а.

Одиночный курган Куатовка-1а расположен в 1,3 км к юго-западу от д. Куатовка Славгородского района Алтайского края, на склоне озерной террасы, в 0,25 км от оз. Большое Яровое. Он представлял собой невысокую (до 0,5 м) хорошо задернованную насыпь диаметром 19 м. При визуальном осмотре была зафиксирована L-образная современная грабительская траншея, расположенная в центральной и юго-восточной части насыпи, в юго-западной части рва – небольшой грабительский шурф (см. фото 6 на цветной вклейке). В центральной части насыпи была зафиксирована западина (частично разрушенная современной грабительской траншеей) диаметром около 3 м и глубиной до 0,1 м.

Прослеженный на современной дневной поверхности ров (ширина 1,75–2 м, глубина 0,1–0,15 м) имел два разрыва – в восточной и юго-западной частях.

На памятнике был разбит раскоп квадратной формы, в ходе работ были сделаны две «прирезки». Общая площадь вскрытия составила 500 м².

Насыпь состояла в основном из желто-коричневого суглинка. В полах кургана было зафиксировано большое количество находок – в основном кости животных (лошадь, корова, овца). После снятия насыпи обнажилась ограниченная рвом круглая площадка

---

* http://archaeology.asu.ru/portal/Категория:Археологическая_карта/Алтайский_край.

(диаметром около 14 м). На поверхности материка прослежено четыре объекта, два из которых – следы грабительских прокопов (объекты №3 и 4). Кроме этого, в насыпи кургана обнаружены два разновременных впускных детских погребения (могила-1 и 2) (рис. 1).

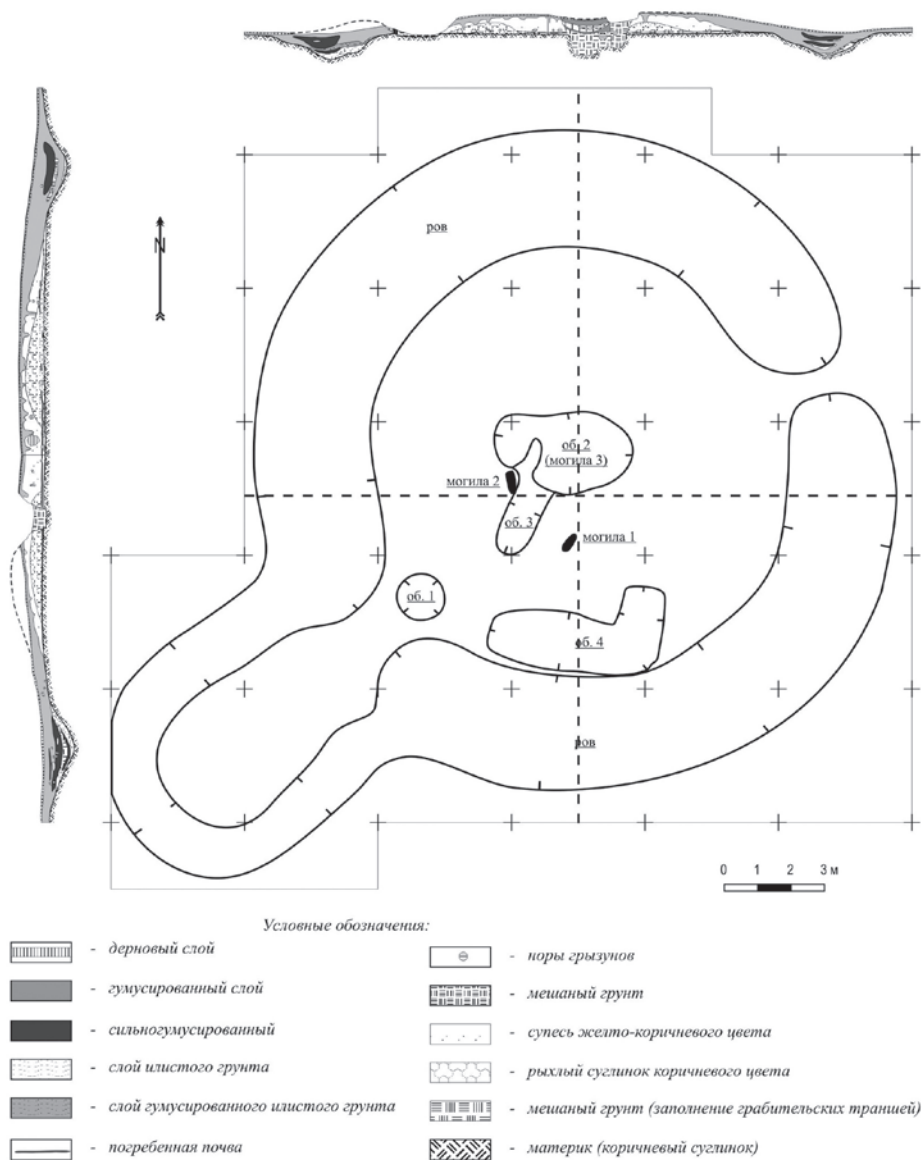

Рис. 1. Курган Куатовка-Ia

Могила-1 (рис. 1; 2.-1). Прослежена со второго горизонта по пятну перемеса темно-серого цвета, в юго-западном секторе. Ориентация пятна северо-запад – юго-восток. Современная грабительская траншея прошла в нескольких сантиметрах от могильной ямы, поэтому могила осталась не потревоженной. Глубина могилы от современной дневной поверхности – до 0,5 м.

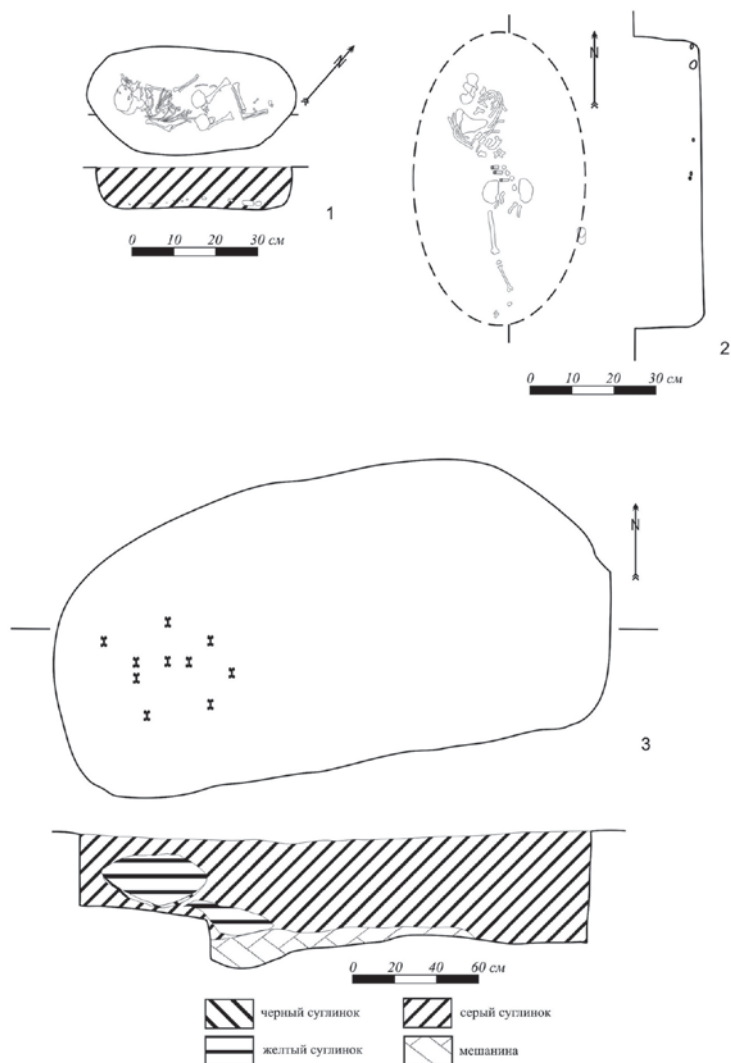

Рис. 2. Планы могил: 1 – могила-1; 2 – могила-2; 3 – могила-3

Могильная яма имела такие же размеры и ориентацию, что и у пятна. В могиле был расчищен детский костяк (возраст, ориентировочно, – до 3 лет). Погребение было совершено по способу ингумации, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Череп повернут лицевой частью на запад, левая нога согнута в колене, руки уложены под таз. Сохранность костяка хорошая. Кости лежат в анатомическом порядке. Сопроводительного инвентаря зафиксировано не было.

При зачистке в районе бровки запад-восток было обнаружено несколько костей ребенка, которые явно не могли относиться к могиле-1. При расчистке этого места было выявлено еще одно детское погребение, которому было присвоено обозначение «могила-2».

Могила-2 (рис. 1; 2.-2). Пятно могилы при выборке горизонтов не прослеживалось, восточная часть могилы была разрушена современной грабительской траншеей.

Вследствие этого предполагаемые границы пятна и могильной ямы на рисунках указаны пунктиром. Предположительные размеры 0,75х0,5 м, глубина – до 0,5 м (от уровня современной дневной поверхности), ориентирована по линии Ю–С.

Сохранность костяка удовлетворительная, кости лежат в основном в анатомическом порядке. Отсутствуют бедренная и берцовые кости левой ноги и кости левой руки (эта часть могилы попала в современную грабительскую траншею). Костяк, помещенный в могилу по способу ингумации, ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ, головой на северо–северо-запад. Судя по расположению костей (ребра залегают компактной группой, надвинуты друг на друга, кости черепа располагаются над ребрами), умерший был помещен в могилу в сидящем или полулежащем положении. Руки погребенного были, вероятно, уложены под таз (судя по расположению сохранившихся фаланг пальцев). Сопроводительного инвентаря в могиле зафиксировано не было.

Могила-3 (рис. 1; 2.-3). Центральное погребение было полностью разрушено грабительским прокопом, который фиксировался в виде небольшого понижения еще на современной дневной поверхности. На материке могила прослеживалась в виде овального пятна серого цвета размерами 3х1,5 м, ориентация по линии ЗЮЗ–ВСВ. При выборке ямы были обнаружены 10 фрагментов костей человека, по которым возраст и пол погребенного установить невозможно. Все кости находились в верхних горизонтах заполнения восточной части могилы (вероятно, кости были выброшены грабителями на поверхность, а когда яма начала затягиваться они сместились несколько ниже). Стенки могильной ямы ровные с легким сужением ко дну. Дно нарушено грабителями и имеет ступенчатый характер со значительным углублением в центре. Глубина могилы 1,1–1,2 м от материка.

Датировка возможна только по косвенным признакам (в связи с объектом №1, если предположить их одновременность) – ранним железным веком (VI–IV вв. до н.э.). Так как заполнение могилы и кости не несли следов огня, можно предполагать, что умерший был похоронен по обряду ингумации. По имеющимся материалам полностью восстановить погребальный обряд не представляется возможным.

Объект №1. В юго-западном секторе при снятии насыпи было выявлено скопление костей, в котором зафиксированы зубы животных, фрагменты расколотых трубчатых костей, большое количество мелких обломков костей, три костяных наконечника стрел. При снятии костей и подчистки окружающей поверхности оказалось, что под этим слоем в материке прослеживается объект округлой формы (диаметром 1,2 м, глубиной от материка – 0,6 м) (рис. 1).

В ходе выборки заполнения объекта обнаружено большое количество жженных костей животных, зубов лошади, здесь же были обнаружены три костяных наконечника стрел, изделие из кости, серия фрагментов керамики, несколько камней. У дна расчищено скопление необожженных костей, среди которых основной массив составляют трубчатые кости мелкого рогатого скота. По всей видимости, данный объект выполнял роль жертвенника.

Рвы (рис. 1; см. фото 6 и 7 на цветной вклейке). Была прослежена система рвов, читавшаяся на современной дневной поверхности лишь частично. Основной концентрический ров имел весьма внушительные размеры – ширину до 4 м и глубину до 1 м от современной дневной поверхности. В нем имелись две перемычки в восточно-северо-восточной части (ширина 0,8 м) и в юго-западной (ширина 1,7 м). Юго-западная перемычка была замкнута дополнительным рвом меньших размеров (ширина до 1,8 м, глубина до 0,4 м).

Заполнение рва представляло собой интенсивно гумусированный суглинок с прослойками аллювиальных отложений (мелкодисперсный песок). В заполнении встречались многочисленные находки в виде костей животных и неорнаментированной керамики (в том числе и в скоплении). Артефакты фиксировались по всей глубине – от дернового слоя до дна. Заполнение рва в юго-западной прирезке в целом аналогично заполнению «большого» рва, основное отличие – меньшее количество находок.

После выборки и фиксации объектов была проведена нивелировка материковой поверхности раскопа сплошной сеткой с шагом 0,5 м (см. фото 7 на цветной вклейке).

Описание находок. В ходе снятия насыпи и выборки заполнения объектов и рвов было обнаружено существенное количество находок (279 экз.). Больше всего (237 экз.) зафиксировано костей и зубов животных (лошади, крупного и мелкого рогатого скота).

Керамический комплекс (30 экз.) представлен в основном мелкими фрагментами неорнаментированной керамики. Черепок плотный, поверхность его хорошо заглажена, толщина – 0,7–1 см. Установить форму и размеры сосудов не представляется возможным. Есть лишь один фрагмент придонной части плоскодонного сосуда. Стоит отметить наличие на одном из фрагментов отверстия, выполненного биконическим сверлением (см. фото 8.-15–16 на цветной вклейке).

На памятнике было обнаружено шесть костяных наконечников стрел (фото 8.-2–7, 8–13), удовлетворительной сохранности, пять из них со скрытой втулкой и один – черешковый. Наконечники со скрытой втулкой в сечении – ромбовидные, имеют длину от 2,5 до 4,7 см, ширину в основании от 1,1 до 1,5 см. Диаметр втулки 6 см, глубина – от 1,2 до 1,8 см. На одном хорошо выделяется шип (фото 8.-5, 10).

Черешковый наконечник – четырехгранный, имеет ромбическую в сечении форму, общую длину до 5,5 см, ширину 1,5 см, длина черешка – 2 см. Оформлено два шипа (фото 8.-7, 11).

Наиболее интересной находкой является изделие из кости. Оно представляет собой каплевидный предмет, круглый в сечении, длиной 5 см, диаметром 2,6 см, с отверстием, напоминающим втулку для насада древка стрелы (глубина 1,5 см, диаметр 0,6 см) (фото 8.-1, 14). По мнению авторов работы, данное изделие является стрелой для охоты на пушного зверя (томар). Какой-либо системы в залегании наконечников стрел прослежено не было.

Кроме находок, относящихся непосредственно к кургану или вторичным захоронениям, в раскопе были зафиксированы несколько артефактов, относящихся к более ранним и более поздним эпохам – это отщеп и ножевидная пластина, а также изделия из железа (трубки, полоса с отверстиями).

Таким образом, проведенные исследования показали, что данный могильный комплекс хронологически неоднороден. Судя по сохранности костей в детских захоронениях, их возникновение можно связать с эпохой средневековья. Косвенно об этом может свидетельствовать и распределение находок во рвах (по всей мощности заполнения). Само центральное захоронение, жертвенник и концентрический ров с перемычками относятся, по всей видимости, к одному комплексу. Так как центральная могила была полностью разграблена, датировать данный комплекс можно только материалами жертвенника. Набор наконечников стрел и их тип позволяет определить данный комплекс скифским временем (VI–III вв. до н.э.) (Шульга П.И., Гельмелъ Ю.И., Шульга Н.Ф., 1999, с. 105–109; Шмидт А.В., Служак И.В., 1999, с. 110–113; Шульга П.И., 2002, с. 43–61; Вальчак С.Б., 2006, с. 262–270).

Наибольшие вопросы вызывает ровик, замыкающий юго-западную перемычку основного рва. Различия в размерах и насыщенности находками могут свидетельствовать о разном времени сооружения этих конструкций. Однако различий в характере их заполнения и наборе находок практически нет. Авторам статьи не известны аналогии подобному типу сооружений. Следует отметить нехарактерное для курганных могильников расположение памятника – в низине, практически на берегу озера, и крупные размеры рва, что может свидетельствовать об особом социальном статусе погребенного.

Библиографический список

- Вальчак С.Б. Комплекс впускного погребения «А», колчаный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 262–270.
- Гельмель Ю.И. К археологической карте Кулундинской степи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 88–89.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.
- Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III – новый памятник эпохи неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. X. С. 280–282.
- Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.
- Шамшин А.Б. Двадцатилетие школьной археологии в Алтайском госуниверситете: некоторые итоги и перспективы развития // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 31–35.
- Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 110–113.
- Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 43–61.
- Шульга П.И., Гельмель Ю.И., Шульга Н.Ф. Курганы скифского времени у с. Куйбышево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 105–109.

А.С. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КЕР-КЕЧУ И НИЖНЕГО СОРУ ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ*

Курганный некрополь **Кер-Кечу** расположен на левой верхней террасе Катуня, близ устья ее левого притока р. Большой Ильгумень (рис. 1), в 6 км к югу–юго-востоку от с. Купчегень (Онгудайский р-н, Республика Алтай). На площади могильника исследованы две рядом сооруженные оградки, расположенные в юго-восточной части памятника. Углами они ориентированы по сторонам света, заполнение оградок однослойное в виде забутовки.

---

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

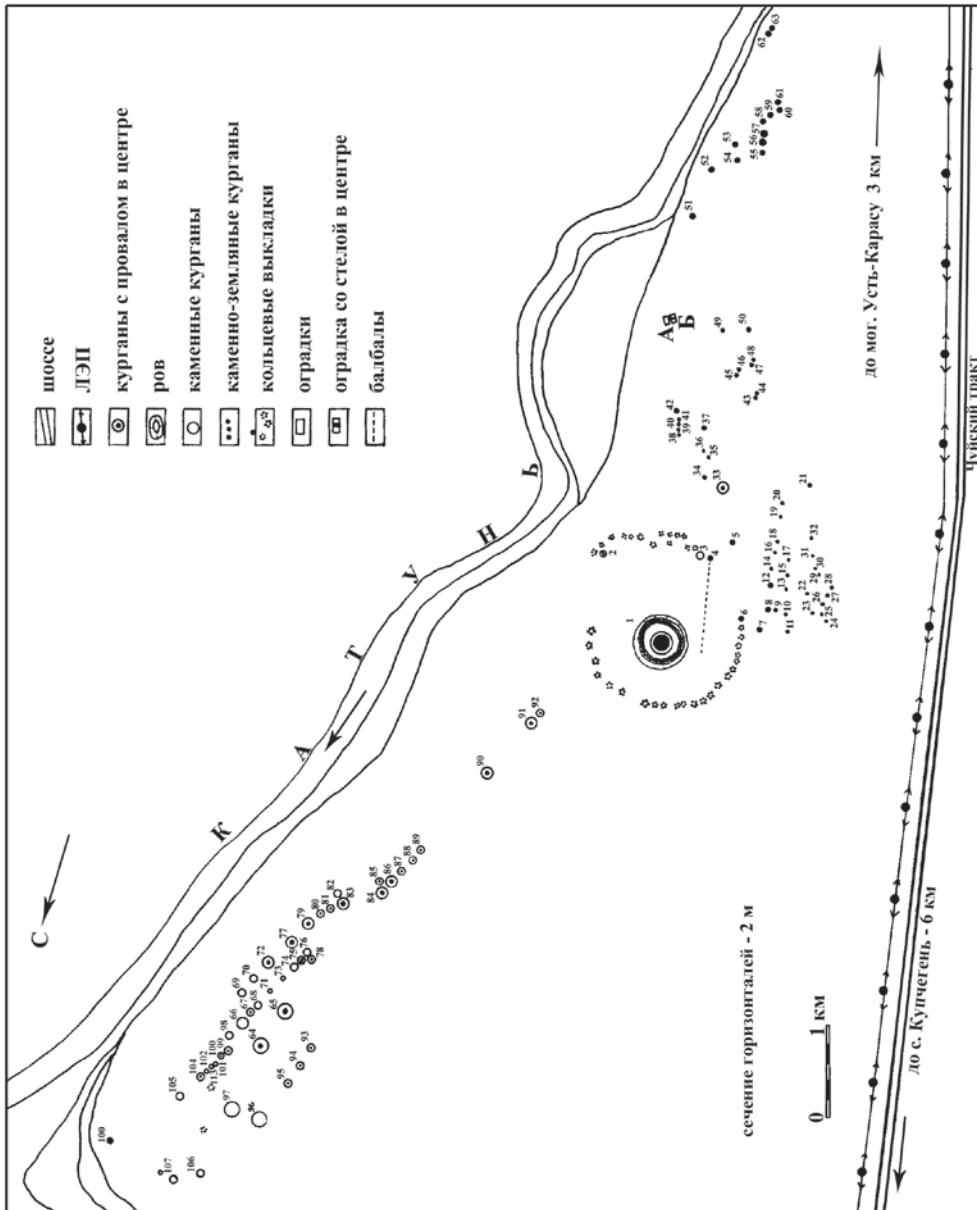

Рис. 1. План-схема курганного могильника Кер-Кечу

Оградка А-1 (рис. 2) – 0,7х0,8 м, на уровне материка в центре оградки расчищена яма – 0,3х0,26 м, глубиной 0,23 м. В заполнении ямы на разных уровнях зафиксированы железные наконечники стрел в положении остриями вниз и детали поясного набора: бляхи-оправы и полулунное кресало (рис. 2.-а). Оградка А-2 со стелой в центре. Судя по остаткам плит стенок, ее размеры не превышали 1 м. В западном углу расчищены два железных стремена, установленных в яму на подножия. В заполнении ямы (размерами 0,24х0,16х0,28 м) зафиксированы железные наконечники стрел, одноколычатые удила со скобами, бесщитковая пряжка, бляхи-оправы и трапецевидное кресало (рис. 2.-б).

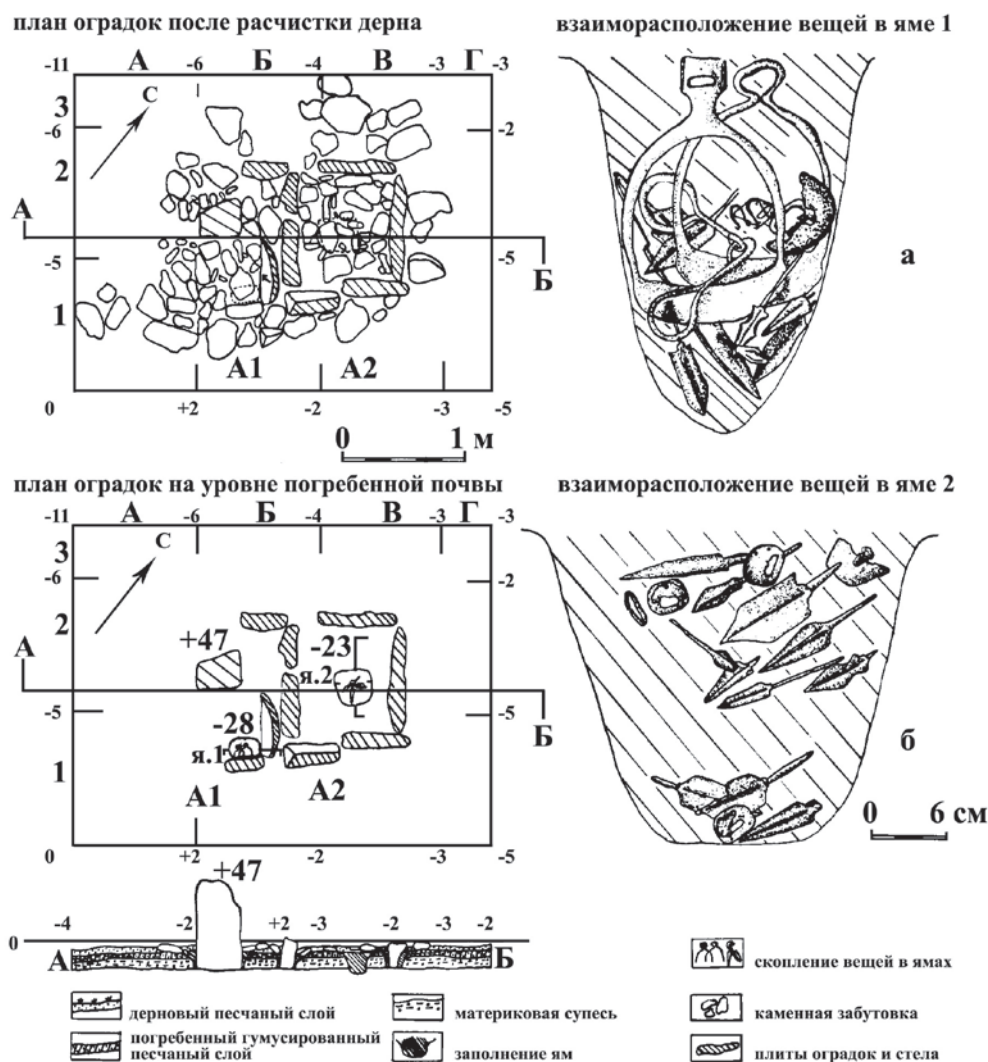

Рис. 2. Кер-Кечу. Планы и разрезы оградок А-1–2

Курганный некрополь **Нижняя Сору** расположен в 3 км к юго-востоку от с. Кулада (Онгудайский р-н, Республика Алтай), на правом берегу р. Каракол в урочище Нижняя Сору (рис. 3). На площади этого памятника зафиксировано 19 оградок: без дополнительных сооружений – две (тип 3), юстыдского типа – 10 (тип 4), яконурского типа – две (тип 5), купчегеньского типа – пять (тип 7) (Васютин А.С., 1983, с. 171).

Всего на площади могильника исследовано 17 оградок. Комплекс оградок В-1–4 (рис. 4) расположен в юго-юго-западной части урочища, он состоит из четырех рядом сооруженных оградок, ориентированных стенками по сторонам света. Оградка В-1 имела размеры 2,16х1,8 м. Заполнение оградки однослойное. На уровне материка зафиксирован развал плит от разрушенной южной стенки оградки. Оградка В-2 имела размеры 2,3х2,2 м и двухслойное заполнение в виде забутовки. На уровне мате-

рика в юго-западном углу зафиксирован железный наконечник стрелы острием вниз. С восточной стороны оградки установлена стела (1,15x0,26x0,12 м), широкими гранями ориентированная на восток. Оградка В-3 (1,3x1,6 м) с однослойным заполнением в виде вымостки. В 0,54 м от восточной стенки оградки выявлено основание разрушенной стелы (0,09x0,42x0,4 м), а севернее (кв. Г-5-6) в 0,22-0,24 м на уровне погребенной почвы расчищены две плиты из серого сланца, из того же материала, что и основание стелы, с гравированными и выбитыми рисунками. Эти плиты совместились по линии разлома как между собой, так и с основанием стелы. Размер совмещенных плит – 0,32x0,34 м, рисунки нанесены по всей плоскости, но края плит разрушены. Оградка В-4 имела размеры 1,4x0,8 м и заполнение двухслойное. В центре установлена стела (0,58x0,34x0,8 м), находок нет. Оградки Г-1-2 расположены к северо-северо-востоку от комплекса В-1-4, сооружены рядом по оси Ю-С и ориентированы стенками по сторонам света (рис. 5). Оградка Г-1 (4,4x3,2 м) – с двухслойным заполнением, с восточной стороны оградки установлены балбалы, ориентированные узкой гранью на восток. В юго-западном углу оградки на глубине 0,35 м расчищен вертикально расположенный острием вниз железный наконечник стрелы. Оградка Г-2 (1,8x2,4 м) сооружена рядом с северной стенкой оградки Г-1 с двухслойным заполнением в виде вымостки. В центре ограды расчищена вертикально поставленная плита, основание которой забутовано булыжником и крупной речной галькой. На уровне материка к западу от поперечной вертикальной плиты расчищена яма глубиной 0,32 м с частично вымощенным небольшими плитками дном. С восточной стороны оградки установлена стела конической формы размерами 0,36x0,33x1,2 м (рис. 5).

Периодизация культовых оградок. Состав и типовой инвентарь из алтайских оградок позволяет наметить две условные хронологические группы: VII-VIII и IX-X вв. н.э. Ранняя группа выделяется по удилам со стержневыми двудырчатыми псалями из железа и кости и ранним типам стремян (рис. 6-8, 13, 16, 22). Поздняя группа – по некоторым типам железных наконечников стрел, кресалам и 8-образному стремени с приплюснутым ушком (рис. 6.-26, 28, 49, 63, 68). Для лучшей обозримости вещевые комплексы и единичные находки сведены в формализованную таблицу взаимосочетания. Введенные в эту таблицу признаки не все равноценны для выделения периодов. Так, из пяти признаков раннего периода только два не встречаются после VIII в., а удила со стержневыми псалями, хотя и характерны для более раннего времени, встречаются и позднее. Не показательны в хронологическом отношении бесщитковые пряжки, однокольчатые удила с «утерянными» псалями, черешковые однолезвийные ножи и сбруйные кольца, хотя наиболее часто встречаемые в раннем периоде. Они введены в таблицу для того, чтобы противопоставить их комплексам позднего периода. Для него выбраны следующие признаки: гладкие бляхи-оправы, трехлопастные наконечники стрел и другие типы вещей, появившиеся в предшествующее время. Взаимосочетаясь с поздними типами изделий, они придают комплексам позднего периода определенное своеобразие, указывающее на преемственность с материалами VII-VIII вв.

Выделение двух хронологических групп по материалам из алтайских оградок и корреляция с типами этих памятников подтверждает предположение А.А. Гавриловой (1965, с. 102) о времени сооружения культовых оградок. Этот тезис также согласуется с выводом В.Д. Кубарева (1979, с. 165) о необходимости омоложения верхней даты

второго периода до X в. Такая же дата (в пределах IX–X вв.) была предложена Д.Г. Савиновым (1982, с. 117–120) для некоторых погребений курайской культуры.

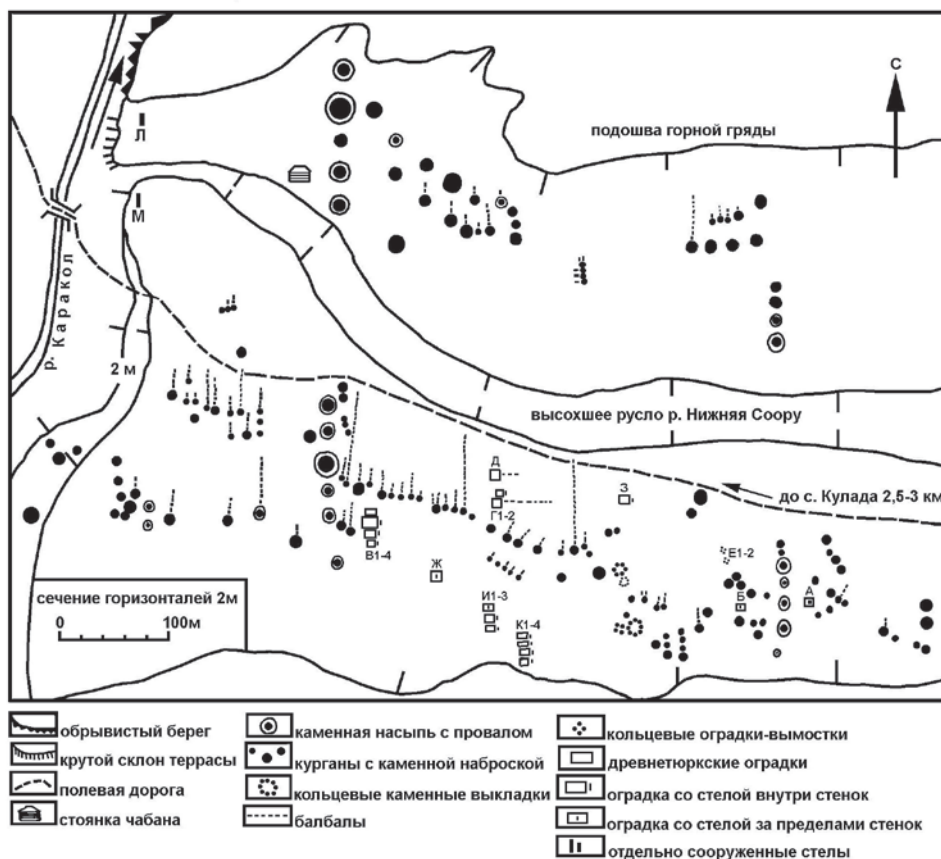

Рис. 3. План-схема курганного могильника Нижняя Сору

Динамика бытования типов алтайских оградок представляется следующей (рис. 7). В ранний период сооружаются первые четыре из восьми выделенных типов: кудыргинский, кок-пашский, юстыдский и оградки без сопроводительных сооружений. В последующем периоде продолжают сооружаться оградки без сопроводительных столбовых конструкций (тип 3), судя по находкам поздних типов железных наконечников стрел в оградке А-2 из Большого Курманака-1 (рис. 6.-27–28), а также оградки юстыдского типа (тип 4), четко датирующиеся этим временем по находкам в них серебряного сосуда (рис. 6.-23). Начали сооружаться в этот период и остальные типы алтайских оградок без изваяний: яконурский, уландрыкский, купчегеньский и кокоринский (рис. 7.-5–8).

Типологическая классификация алтайских оградок позволяет датировать даже те сооружения, в которых отсутствуют находки. В противном случае датировка всех оградок без изваяний, и тем более без вещей, весьма сомнительна. В подтверждение этому положению как пример такого подхода, выделенного В.Д. Кубаревым (1978, с. 92–93; 1979, с. 165–174) на основании их типологического сходства с кудыргинскими оградками, приведем дату уландрыкского типа оградок – V–VI вв. Типологическая привязка

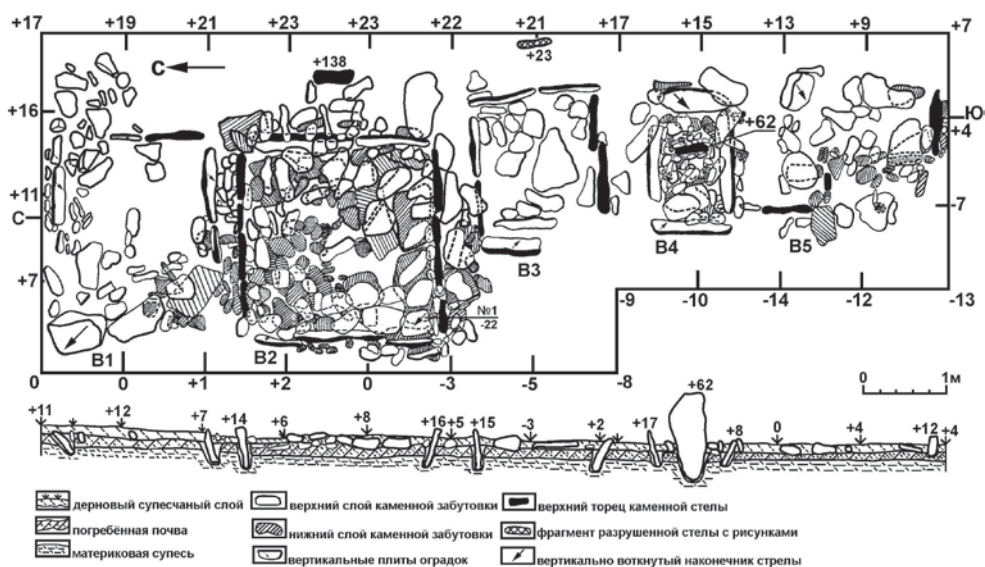

Рис. 4. Нижняя Сору. Планы и разрезы оградок В-1—4

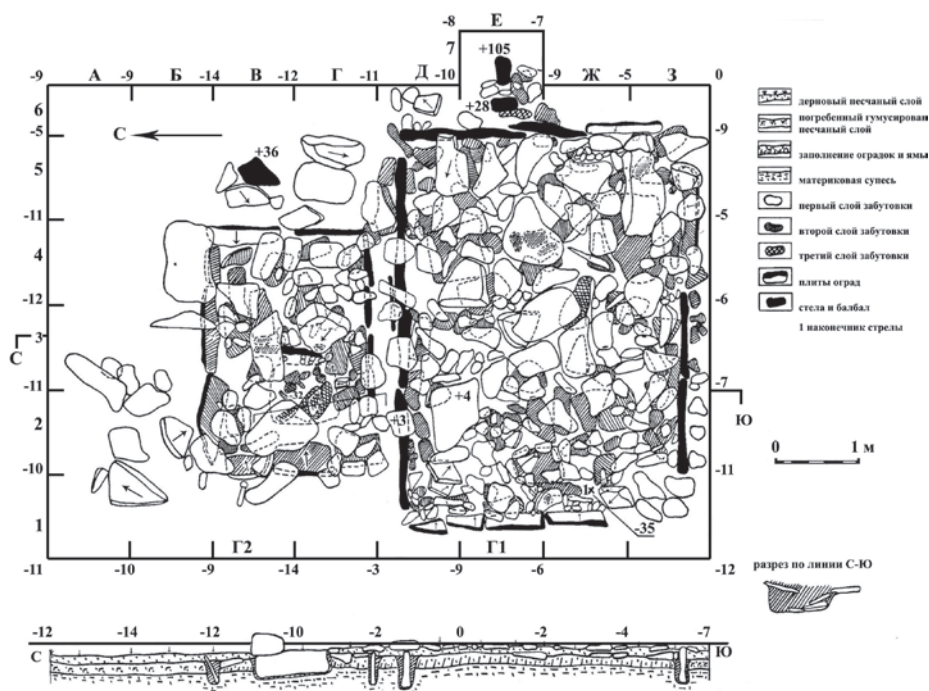

Рис. 5. Нижняя Сору. Планы и разрезы оградок Г-1—2

указанных объектов позволяет датировать оградки без находок, так как в основе типологических различий лежат причины территориального и хронологического порядка,

что верно и для надмогильных сооружений Саяно-Алтая (Длужневская Г.В., 1973, с. 84). На возможность бытования оградок уландрыкского типа во втором периоде указывает находка железного томара из Кер-Кечу, где одна из оградок, как в Уландрыке, со стелой в центре (Васютин А.С., 1983, с. 192). Пока единственной находкой, железным наконечником стрелы, датируемым IX–X вв. (рис. 6.-26), является яконурский тип – одиночные и рядом сооруженные оградки с балбалами, как в Яконуре (Грязнов М.П., 1939, с. 18–20). Наличие в оградках кокоринского типа остатков (рис. 7.-8) столбовых деревянных конструкций может рассматриваться как поздний признак (Кубарев В.Д., 1978, с. 93–94). Для них получена соответствующая радиоуглеродная дата (оградка-IV из Дьер-Тебе).

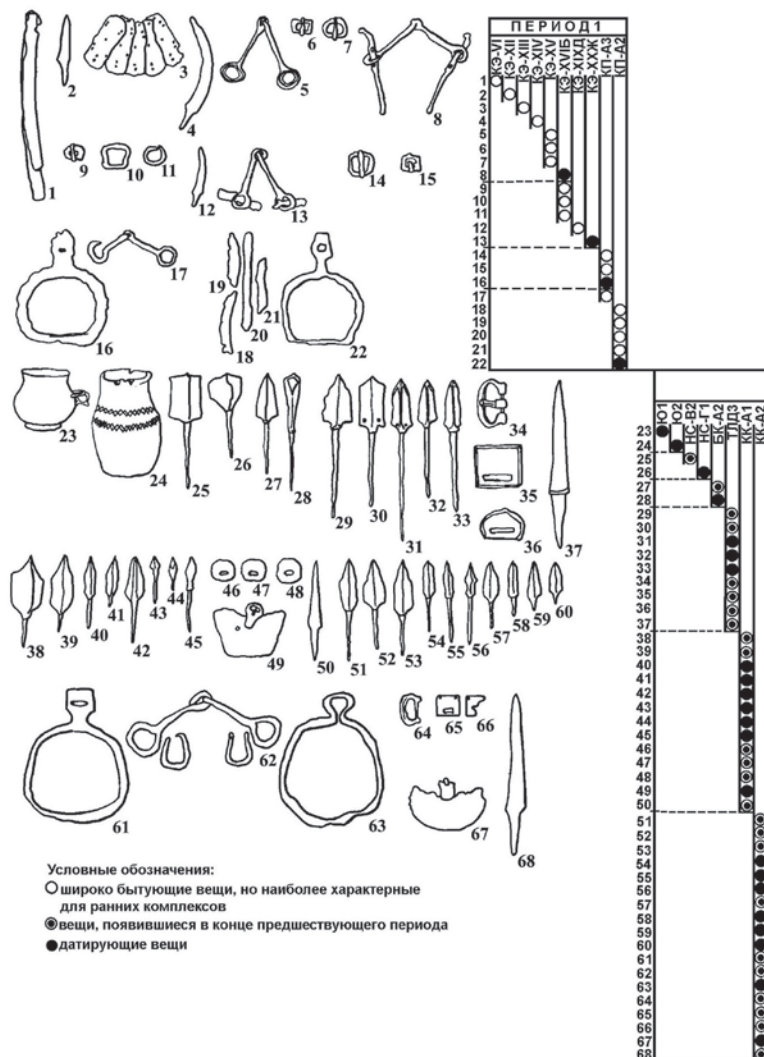

Рис. 6. Взаимосочетание находок из алтайских оградок и их периодизация

В результате картографирования типов оградок были выделены районы их непрерывного бытования, к которым относится и Центральный Алтай. В этой физико-геогра-

фической провинции находятся два района концентрации и непрерывного бытования оградок – участок между бассейном р. Урсул (пос. Туэкта – Онгудай) и долиной Катунь с левыми притоками (р. Большой Ильгумень и Усть-Карасу).

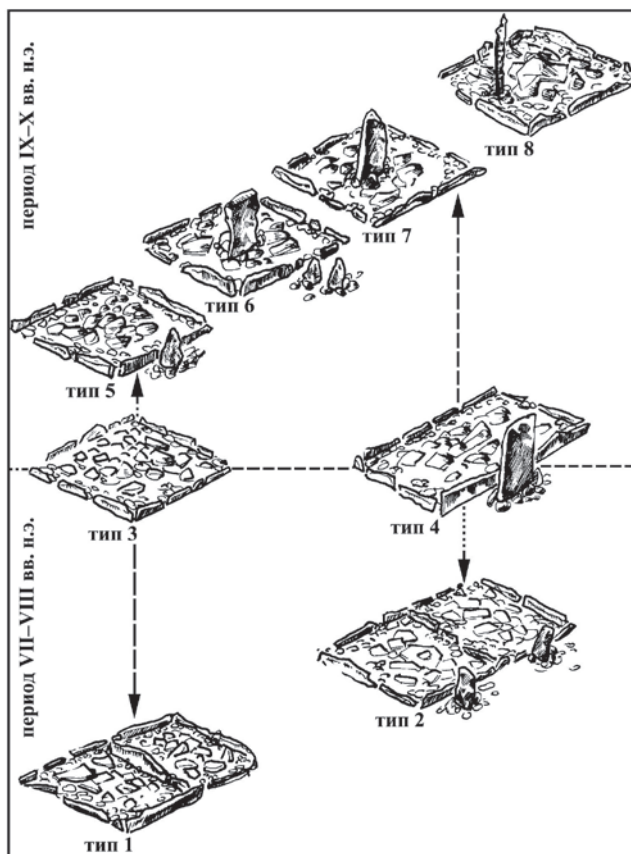

Рис. 7. Время непрерывного бытования тюркских оградок Горного Алтая

Наиболее распространенными типами оградок, известными на всей территории Горного Алтая, являются оградки без дополнительных столбовых конструкций (тип 3), яконурский и уландрыкский (типы 5–6). Со временем общее количество сооружаемых оградок уменьшается, что, по всей вероятности, связано с изменениями военной политической ситуации в конце I тыс. н.э. на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Для позднего периода сооружения алтайских оградок характерно их соседство с Тувой и Монголией в наиболее труднодоступных районах Горного Алтая.

Районы непрерывного бытования оградок с их хронологическими и территориальными особенностями – это исходный материал для изучения этнокультурной истории древнетюркского населения Горного Алтая и специфики исторического процесса на этой территории в течение нескольких столетий 2-й половины I тыс. н.э.

Библиографический список

- Васютин А.С. Исследование древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 192.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 104 с.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае. Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, 1939 г. // СГЭ. 1940. С. 17–22.
- Длужневская Г.В. Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (могильник Хаддыных-II // СА. 1973. №3. С. 76–84.
- Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 86–98.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

А.С. Васютин, С.С. Онищенко

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ПРИРОДНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Введение

Средневековое угро-самодийское население Обь-Иртышья, относящееся к релкинско-этнокультурной общности, занимало достаточно обширную часть юга Западносибирской низменности. Эта территория отличается уникальными природными условиями (Болога..., 1976; Исаченко А.Г., 1985; Растительный покров..., 1988). Для региона характерна выраженная природная зональность. В направлении с юга на север последовательно сменяют друг друга несколько природных зон: степь, лесостепь, неширокая (100–200 км) полоса южной тайги и бореальная тайга. Однако широкие долины Оби, Иртыша и их притоков, представляющих аazonальные комплексы, и чрезвычайная заболоченность между-речных пространств, вносят существенные коррективы в облик и природно-климатические условия отдельных территорий и, в конечном итоге, определяют специфичные черты осваиваемых древним населением групп ландшафтов. Последние можно рассматривать одновременно как места проживания и осуществления определенной культурно-хозяйственной деятельности, а также как места со специфическим сочетанием природно-климатических факторов, оказывавших определенное влияние на жизнедеятельность населения конкретных территорий. Следовательно, анализ размещения археологических средневековых памятников позволяет выделить наиболее значимый для древнего населения спектр конкретных типов ландшафтов, а исходя из их специфики, выявить основные факторы и оценить их роль в формировании системы его расселения в Обь-Иртышье.

Методические подходы

Для уточнения характера размещения памятников релкинско-этнокультурной общности в Западносибирской низменности было проведено картографирование археологических памятников усть-ишимской, потчевашской, верхнеобской и релкинско-этнокультурных культур без разбиения их на категории (поселения, могильники и т.д.). Информационной основой послужили опубликованные сведения из обобщающих и монографических сводок (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983; Могильников В.А., 1987; Чиндина Л.А., 1991; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998; и др.). Полученный картографический материал сопоставлялся с природно-территориальным делением Западносибирской низменности, ее растительным и почвенным покровом (Исаченко А.Г., 1985; Растительный покров..., 1985). В рамках актуалистического подхода использование современного материала оправдано тем, что по климатическим условиям период средневековья был близок к современности (Орлова Л.А., 1990; Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А., 2000), а характер протекания длительных ландшафтообразующих процессов к тому времени определил в целом облик Западносибирской низменности (Рельеф..., 1988). Некоторые кратковременные климатические подвижки этого периода и последующего «Малого ледникового периода» не вызвали существенных смещений границ природных зон (подобно предшествующим периодам голоцена), а

---

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

приводили к сукцессионным перестройкам в растительном покрове и к перераспределению отдельных видов промысловой фауны на отдельных территориях.

***Особенности локализации средневековых разнокультурных
угро-самодийских памятников в Обь-Иртышье***

Большинство собственно релкинских памятников приурочено к левобережью Средней Оби, т.е. в зонах южной и средней тайги. На севере они распространяются до р. Вах, на западе – занимают бассейн левых притоков Оби, Васюганье, достигая водораздела Оби и Иртыша, а на востоке – низовья и среднее течение Чулыма, Кети и Тыма. Особого внимания заслуживают территории наибольшей концентрации вдали от Оби и ее крупных притоков. Такие кусты памятников возникали на берегах проточных озер, стариц и мелких речек на расстоянии 5–20 км друг от друга. В этом случае поселения были приурочены к определенным участкам малых рек как, например, в Тымском, Парабельском, Каржинском и Шудельском микрорайонах. В последнем, в бассейне Шудельки (левом притоке Оби), на протяжении 60 км выявлено 16 одновременных поселений, в том числе и на берегах близлежащих проточных озер и стариц (Могильников В.А., 1987, с. 216–217, карта 42; Чиндина Л.А., 1991, с. 14–15, 79, 98–99, рис. 1–3). Эти данные подтверждаются материалами городищ и поселений X–XIII вв., расположенных на коренных берегах Оби и Кети, мысах и возвышенных участках надпойменных террас, с кустовой системой их размещения в устьях левых и правых притоков Средней Оби (Могильников В.А., 1987, с. 232–234, карта 43). Такой характер размещения релкинских памятников, вероятно, обусловлен развитым рыбным промыслом у населения (Чиндина Л.А., 1991), что следует из этнографических аналогий, но недостаточно подтверждено археологическими материалами.

Потчевашские памятники локализуются в лесостепи и южной тайге Среднего и Нижнего Прииртышья и Приишимья. На юго-востоке они находятся в бассейне Оми. В Иртыш-Приишимском междуречье отдельные поселения располагались на берегах озер Ик и Ачикуль. В таежной зоне памятники распространены вплоть до Тобольска. Поселения и городища преимущественно были приурочены к мысовидным выступам речных террас и останцов, иногда к ровным участкам надпойменных террас (Могильников В.А., 1987, с. 185, карты 37 и 38).

Усть-ишимская культура локализуется в лесном Прииртышье, но ее южная граница сдвинута к северу по сравнению с предшествующей потчевашской культурой. Усть-ишимские поселения и городища расположены преимущественно на мысах и коренных берегах, иногда на сопках и останцах террас. В этот период особенно усиливается концентрация городищ на обоих берегах Нижнего Иртыша и его правых притоков (Могильников В.А., 1987, с. 193–194, карта 38).

Верхнеобские памятники в основном находятся в лесостепной зоне и южной тайге. В Новосибирском Приобье городища и поселения располагались на надпойменных террасах Оби, часто над старицами и протоками или в устьях малых рек. Могильники сооружались на высоких надпойменных террасах, на гривах (или дюнах) или в устьях притоков Оби. Приуроченность памятников к долине Оби и их кустовое размещение с концентрацией в наиболее широких частях поймы особенно характерны для позднего этапа развития верхнеобской культуры. На поздних кустах, расположенных близ южной кромки тайги, на границе с Томской областью, резко доминируют городища (Юрт-Акбалык и др.), вокруг которых размещались более мелкие поселения (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 5–9, 22–23, 72).

В Томском Приобье верхнеобские поселения, городища и могильники расположены на коренном правом берегу Томи, на надпойменных и возвышенных участках речных террас и в устьях притоков Томи, концентрируясь у Томска и на близлежащих территориях (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, с. 101). Размещение многослойных и разнокультурных памятников, в том числе памятников басандайской культуры начала II тыс., фактически совпадает с таковыми предшествующего населения (Плетнева Л.М., 1997, с. 6–7, 10, 34, 42). Регион отличается высоким показателем биопродуктивности климата, отражающим степень благоприятности условий для возделывания сельскохозяйственных культур, что видится причиной концентрации верхнеобских памятников. Однако эта связь неявная, так как земледелие не было основной отраслью хозяйствования «верхнеобцев» на Нижней Томи.

Таким образом, общей чертой размещения памятников релкинской этнокультурной общности, несмотря на то, что они находятся в разных природно-ландшафтных зонах южной части Западносибирской низменности, является приуроченность к речным долинам Обь-Иртышья, где они располагаются на различных ее морфологических элементах. Такая особенность отмечается в ряде работ (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 5–9; Тихонов С.С., 2007, с. 53; Гречко О.Н., 2007, с. 235), но без должной интерпретации. Можно отметить, что по притокам Иртыша и Оби большинство памятников находятся на участках среднего и нижнего течения, т.е. в районах с относительно широкой долиной. Учитывая это, правомочен вывод, что угро-самодийцы по всему ареалу осваивали не зональные комплексы от лесостепей до средней тайги, а пойменно-долинные (азональные) ландшафты Обь-Иртышья. Причина этого, вероятно, не только в специфике культурных и хозяйственных традиций, но и в необходимости адаптации к ряду свойственных только для Западносибирской низменности природных особенностей.

Природно-ландшафтные особенности южной части Западносибирской низменности

Уникальной чертой региона является крайне высокая степень заболоченности территории, что определяет структуру почвенного и растительного покрова, распределение многих видов охотничьих животных, возможности проживания населения и хозяйственного освоения территории (Природные условия..., 1977). Часть заболоченных районов, а в некоторых районах Западной Сибири и большая, недоступна в бесснежный период года. Их освоение становится возможным только с наступлением морозов, когда промерзают болота. В целом степень заболоченности лесостепных и таежных районов центральной части Западной Сибири варьирует от 20 до 70%, в среднем до 40% (Болота Западной Сибири..., 1976; Природные условия..., 1977; Лисс О.Л., Березина Н.А., 1981).

При избыточном увлажнении и слабой дренированности западносибирских равнинных ландшафтов почти повсеместно относительно сухие участки остаются у долин рек. Они вытянуты сравнительно узкой полосой вдоль рек. Здесь же располагаются и зональные типы лесов – ленты мелколиственных (березовых, осиновых) и сосновых в лесостепной зоне, и темнохвойных (пихтовых, еловых и кедровых) в таежных зонах, которые являются одними из продуктивных стадий для многих охотничьих лесных видов животных. На относительно сухих участках также располагаются разнотравные и злаковые суходольные луга – естественные пастбища или сенокосы. По мере удаления от речных долин заболоченность значительно усиливается, меняется характер растительного покрова. Чаще всего болота затянута редкостойными и угнетенными сосновыми, березовыми или смешанными лесами или кустарником. Такие районы не

представляют ценности для животноводства и земледелия, не являются продуктивными по многим пушным видам животных.

Если проанализировать карты археологических памятников (рис. 1), учитывая фактор «степень заболоченности территории», то можно заметить, что они концентрируются на безболотных участках долин крупных рек Обь-Иртышского бассейна или придолинных пространств. Прослеживается, что в сильно заболоченных районах, например в Васюганских болотах, памятники не обнаружены. Следовательно, наличие относительно сухих пространств среди болот является одним из факторов, повлиявшим на становление системы расселения, что может подтверждаться и перекрыванием ареалов разных культур (потчевашской и усть-ишимской; верхнеобской и басандайской), и кусты монокультурных, но разновременных памятников.

Рис. 1. Размещение средневековых разнокультурных (черные квадраты) угро-самодийских памятников в Обь-Иртышье (серые области – болота)

Другой западносибирской особенностью являются широкие, хорошо разработанные долины крупных рек региона – Оби и Иртыша. Ширина долин Оби и Иртыша может достигать 20–120 км с двумя-тремя обширными надпойменными террасами. В таких долинах формируется своеобразный, более мягкий климат, отличный от такового зональных водораздельных пространств. Надпойменные террасы в той или иной степени заболочены, и лишь в верховьях Иртыша и в Новосибирском Приобье заболачивание террас слабо выражено. Значительны также долины крупных притоков. Они на участках среднего и, особенно, нижнего течения иногда достигают в ширину 15–35 км. Соответственно широка и пойма у Оби и Иртыша, достигая 10–40 и более километров. Ландшафты пойм рек довольно однообразны (Карта: Растительность Западно-Сибирской равнины; Исаченко А.Г., 1985) – это мозаика переувлажненных и заболоченных лугов, пойменных болот, ивняков, березово-осиновых лесов, березняков и осинников, иногда тополевых и ивово-тополевых лесов. Обширные пойменные

и долинные луга отличаются высокой урожайностью и являются основной кормовой базой для животноводства в лесостепной и, особенно, таежной зонах.

Пойма Оби отличается и довольно сложным строением. Здесь имеется низкая и высокая поймы, сформировавшиеся под влиянием паводков разного уровня, а также высокие гривы, изредка заливаемые паводковыми водами. В пойме сформирована обширная сеть временных или постоянных водоемов, переувлажненные или заболоченные низины, согры, озера, старицы, протоки и курьи. Они являются нерестилищами для многих видов рыб, местами гнездования для водной и околоводной дичи и обитания околоводных млекопитающих (норка, выдра, бобр).

Относительно высокой плотности и разнообразия промысловая фауна достигает также в долинах крупных рек и их притоков, а также в редких относительно сухих массивах лесов на водоразделах (Биологические ресурсы..., 1972; Максимов А.А., 1974). Долины рек являются постоянными или сезонными местами обитания и путями миграции для них. В то время как обширные заболоченные пространства междуречий по комплексу охототаксационных признаков – сочетание кормовых, гнездопригодных и защитных свойств – относятся к угольям низкого и среднего качества, часть видов в таких районах или не встречается, или малочисленна.

В охотничьей фауне имеются территориальные различия, которые могли привести к промысловой специализации древнего населения разных районов. Однако редкие остеологические материалы пока не позволяют выявить эту специфику. В левобережной части рек Иртыш, Ишим и Обь совместно обитают куница и соболь, европейская норка, косуля, имеются очаги северного оленя. Восточнее, в бассейне Средней Оби, эти виды отсутствуют, но относительно богата фауна водно-болотной дичи. Эти промысловые районы во многом совпадают с ареалами потчевашской и релкинской археологической культур. В Ишимской лесостепи обитает кабан, а по левобережью Иртыша и, восточнее, по лесостепям – косуля. Распространенные по правобережью Оби и низовий Томи кедровые леса являются зонами с высокой численностью соболя и белки.

Учитывая пространственные масштабы пойменно-долинных ландшафтов, их своеобразный облик, слабо зависящий от зональных особенностей, более вероятно предположить сходство природно-ландшафтных условий проживания в разных районах Обь-Иртышья. Следовательно, их освоение могло повлиять не только на становление в целом однотипной системы расселения населения рассматриваемых археологических культур, но и отразиться на становлении у них сходных культурно-хозяйственных черт, что прослеживается в археологических материалах.

Из-за сильной переувлажненности Западносибирской низменности имеются выраженные колебания гидрологических условий. Они выражаются в циклическом 10–11-летнем чередовании сухих и влажных климатических фаз (Максимов А.А., 1989). Эти колебания приводят к множественным разнонаправленным эффектам: пульсации болот и озер, изменениям стока рек, уровня и продолжительности паводков, вызывают ряд существенных перестроек фито- и зооценозов. Во влажные фазы на плакорах растут площади болот и озер, создаются наиболее благоприятные условия для всплесков численности кровососущих насекомых, возрастает заболеваемость скота и увеличивается его падеж (в том числе и диких животных), регистрируются всплески заболеваемости населения природно-очаговыми инфекциями (например, туляремией). Увеличение уровня озер благоприятно для ихтиофауны (растет площадь нерестилищ) и водоплавающей дичи (растет площадь тростниковых зарослей – мест гнездования и линьки). В сухие фазы из-за сокращения

мест гнездований и нерестилищ уменьшается общая численность птиц и рыбы, происходят существенные перестройки их сообществ. Сходные изменения происходят и в поймах рек. Высокие и продолжительные разливы способствуют нересту ценных пород рыб, увеличиваются площади пойменных водно-болотных угодий, необходимых для водоплавающей дичи. Наблюдаются вспьшки численности грызунов (Водяная полевка. ..., 2001), являющихся основой рациона ценных промысловых видов куньих – горноста́я, колонка, европейской норки, что благоприятно влияет на состояние их популяций.

В целом при комплексном ведении хозяйства в таких колеблющихся условиях должны были возникать кризисные явления для отдельных его элементов из-за сокращения тех или иных ресурсов (лугов-выпасов, скота, промысловых видов животных и т.д.).

Заключение

Все эти факторы должны были оказывать существенное воздействие и на средневековое население, особенно той его части, которая заселяла заболоченные равнины Западной Сибири («потчевашцы» и «релкинцы»). Осваивая этот регион, население разных культур и в разные периоды вынуждено было занимать относительно сухие места в пойме, на надпойменных террасах или берегам рек. Такая позиция давала возможность обживать относительно продуваемые участки террас, что спасало от гнуса не только людей, но и домашний скот в весенне-летний период. Наличие обширных пойменных и суходольных лугов давало возможность для выпаса скота. Богатые водоемами разного типа речные долины были не только местами концентрации водоплавающей дичи (на пролете или во время гнездования), но и обладали достаточно большими запасами рыбы.

Библиографический список

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.
- Биологические ресурсы поймы Оби. Новосибирск: Наука, 1972. 391 с.
- Болота Западной Сибири, их строение и гидрологический режим / Под ред. К.Е. Иванова, С.М. Новикова. Л.: Гидрометеоздат, 1976. 447 с.
- Водяная полевка: Образ вида. М.: Наука, 2001. 527 с.
- Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 208–228.
- Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 320 с.
- Лисс О.Л., Березина Н.А. Болота Западно-Сибирской равнины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 208 с.
- Максимов А.А. Структура и динамика биоценозов речных долин. Новосибирск: Наука, 1974. 259 с.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Орлова Л.А. Голоцен Барабы. Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. Новосибирск: Наука, 1990. 128 с.
- Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Природные условия центральной части Западносибирской равнины / Под ред. Г.В. Добровольского, Е.М. Сергеева, А.С. Герасимовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 216 с.
- Растительный покров Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1985. 249 с.
- Рельеф Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 192 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР

В.Н. Седых, Л.С. Марсадилов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

О ВОЗМОЖНЫХ ПРОТОТИПАХ ТАГАРСКИХ БРОНЗОВЫХ НАВЕРШИЙ

Большинство самых лучших наверший тагарской культуры было найдено грабителями или при случайных обстоятельствах. Только во 2-й половине XX в. в ходе интенсивных новостроечных работ археологами был обнаружен ряд интересных комплексов, позволяющих уточнить назначение и датировки разных типов наверший. Один из таких комплексов из кургана Тигей, вероятно, может помочь в решении вопроса о прототипах для более поздних форм тагарских бронзовых наверший.

Раскопки кургана Тигей. В связи с реконструкцией Абаканской оросительной системы в полевом сезоне 1980 г. первым отрядом Среднеенисейской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР был исследован курган Тигей (Седых В.Н., Паульс Е.Д., Подольский М.Л., 1981, с. 207). Это самый северный в «цепочке» из нескольких однотипных больших курганов, расположенных с севера на юг, он меньше других и, очевидно, наиболее ранний в этой группе.

В основании насыпи кургана диаметром 50 м и высотой до 2,5 м располагалась «десятикаменная» ограда размерами 30х28 м и два камня входа с северо-восточной стороны (рис. 1.-1–2). Еще один камень – выносная плита или «маяк» – стоял в 30 м к юго-западу от ограды. Высота стен в среднем 0,5 м, высота угловых и промежуточных столбообразных камней – до 2 м.

В центральной части кургана под каменной выкладкой высотой не менее 1,5 м находился накат в три слоя бревен, а под ним в яме – погребальная камера – сруб, имевший не менее шести венцов (рис. 1.-4), потолок которого был настелен поперек камеры, а пол – вдоль. Внутренние размеры сруба – 3,3х2,8 м, высота – 2,3 м.

Могила в центре ограды содержала одиночное захоронение мужчины 30–40 лет и была ограблена еще в древности (рис. 2). В заполнении ямы найдены два баночных сосуда разной величины (рис. 2.-6). На полу сруба обнаружены в беспорядке лежащие кости погребенного и предметы из бронзы: две плохо сохранившиеся крупные полусферические бляшки с отверстием в центре, два полусферических навершия (рис. 2.-1–2), две бляшки с изображением свернувшегося в кольцо хищника (рис. 2.-3, 5); а также два фрагмента тонкого листового золота (рис. 2.-4) и кости жертвенных животных – лошади, коровы, овцы. В насыпи кургана были выявлены впускные погребения более позднего (возможно, тесинского) времени (Паульс Е.Д., Подольский М.Л., Седых В.Н., 1985, с. 137–143).

Выкид из центральной могильной ямы располагался к юго-востоку и северо-западу от нее. Он был дополнен подсыпкой земли и пластами дерна так, что образовался земляной вал высотой около 1 м.

При возведении каменной выкладки проход к могиле был, очевидно, с юго-западной стороны. С этой же стороны каменное сооружение оформлено в виде стены с «аркой», закрытой тремя большими плитами (рис. 1.-3). Внешне конструкция напоминает вход. Интересно отметить, что каменное покрытие состояло не только из плит. В юго-восточной его части (ближе к р. Абакан) были использованы окатанные камни-валуны, в северо-западной (ближе к склону небольшой горы) – обломки горной породы. Сложное надмогильное сооружение послужило ядром, вокруг которого формировалась насыпь кургана последовательным укладыванием слоев дерна – от центра к плитам ограды.

Особенности кургана Тигей. Без сомнения, курган Тигей принадлежит представителю родовой или племенной знати и стоит в одном ряду с такими памятниками, как Узун-Оба и Кара-Курган. Курганы типа Тигей, Узун-Оба, Сафроново можно считать предшественниками огромных Салбыкских курганов, в которых были захоронены вожди племен или главы союзов племен. В их величине отражен, очевидно, особый социальный статус погребенных. В этом смысле исследованный памятник представляет значительный интерес, так как дает материалы, свидетельствующие о сложной социальной структуре общества в Минусинской котловине в раннетагарское время.

В центре северо-восточной стены ограды в Тигее был устроен «вход», типичный для тагарских курганов, но в данном случае это выкид из траншей, вырытых для установки камней «входа», находился внутри входной части. Таким образом, уже с момента его сооружения проход был перекрыт на высоту почти 0,5 м, что соответствует средней высоте ограды. В Салбыке «вход» в ограду был заложен мелкими плитками и засыпан землей.

С противоположной стороны перпендикулярно юго-западной стене в Тигее снаружи лежала большая плита песчаника. Одним концом она опиралась на древнюю поверхность, другим – на плиту ограды, образуя что-то вроде пандуса. Этот участок стены сделан из особенно тщательно и аккуратно подобранных и подогнанных плит – это символический аналог реальных входов-дромосов, которые располагались как, например, в Большом Салбыкском кургане, тоже с запада или юго-запада.

В Тигее, как и в Салбыке, и в Сафроново, юго-восточный камень ограды был самым массивным по объему в кургане.

К юго-западу от ограды, на расстоянии около 30 м установлена столбообразная плита таких же размеров и с такой же ориентировкой (на северо-восток), как угловые и промежуточные камни ограды. В раскопе, заложенном вокруг плиты, среди развала мелких обломков песчаника найдены кости лошади и овцы. Интересно отметить, что длина стены ограды равна 30 м и выносная вертикальная плита-маяк также установлена на расстоянии 30 м от ограды.

Наскальные изображения. На семи плитах ограды кургана выбиты петроглифы. Плиты были использованы вторично, как строительный материал, поэтому рисунки на них расположены произвольно по отношению к могиле: с внешней и внутренней сторон ограды, перевернуты, разбиты или полностью закопаны. Многие изображения на плитах, очевидно, относятся ко времени, предшествующему моменту сооружения кургана, – все плиты, кроме одной (с изображениями козлов), были закрыты землей в процессе сооружения ограды кургана.

Практически все изображения выполнены в технике крупной и мелкой точечной выбивки. Часть изображений выбита грубо. Всего зафиксировано около 100 фигур людей и животных, как одиночных, так и объединенных в сюжетные композиции (Седых В.Н., 1987,

с. 100–102). Часть изображений лишь намечена, часть выбита не до конца, часть изображений была утрачена в процессе подработки плит при сооружении ограды кургана.

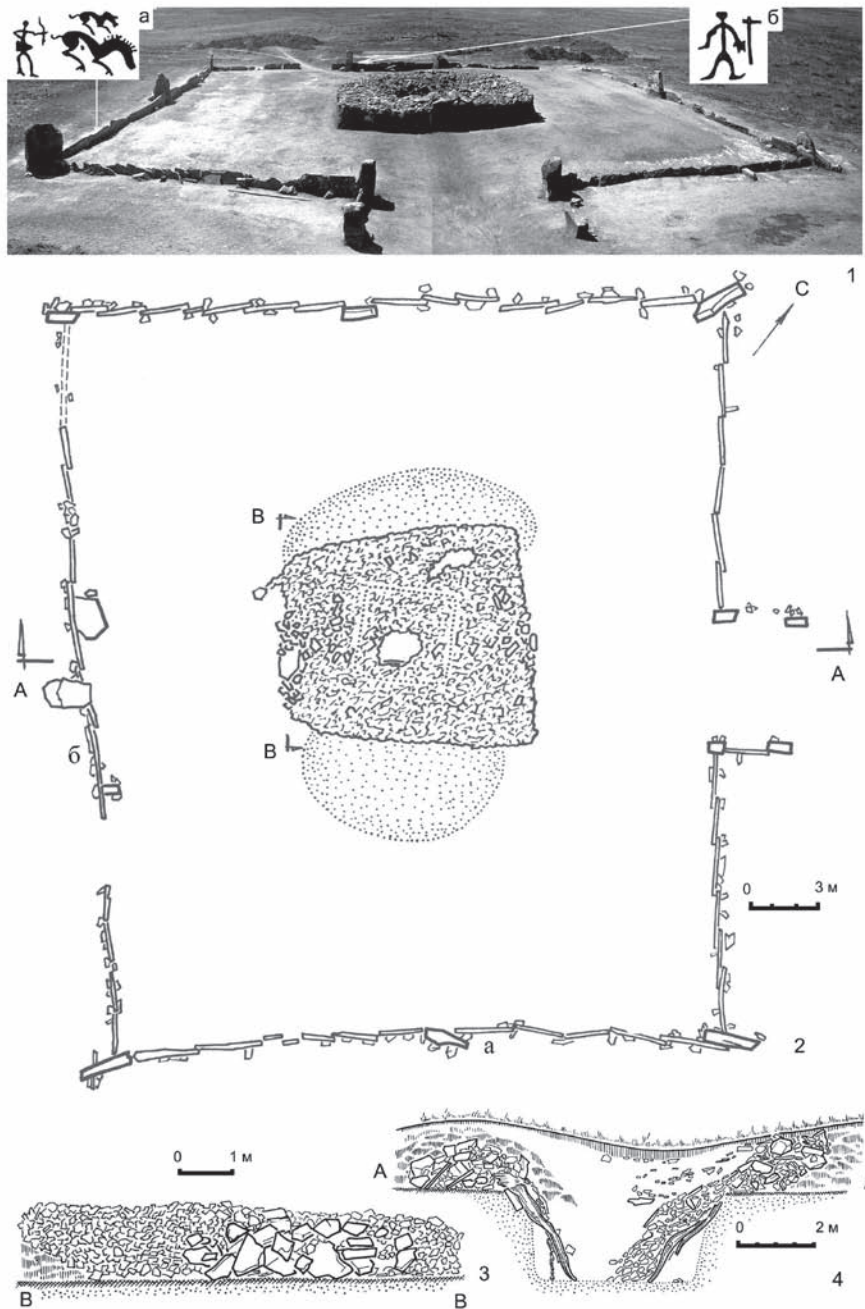

Рис. 1. Хакасия, курган Тигей: 1 – ограда кургана с обозначением плит с рисунками (а, б), упомянутыми в тексте (вид с СВ); 2 – план ограды кургана; 3 – надмогильное сооружение (вид с юго-запада); 4 – разрез центральной части кургана

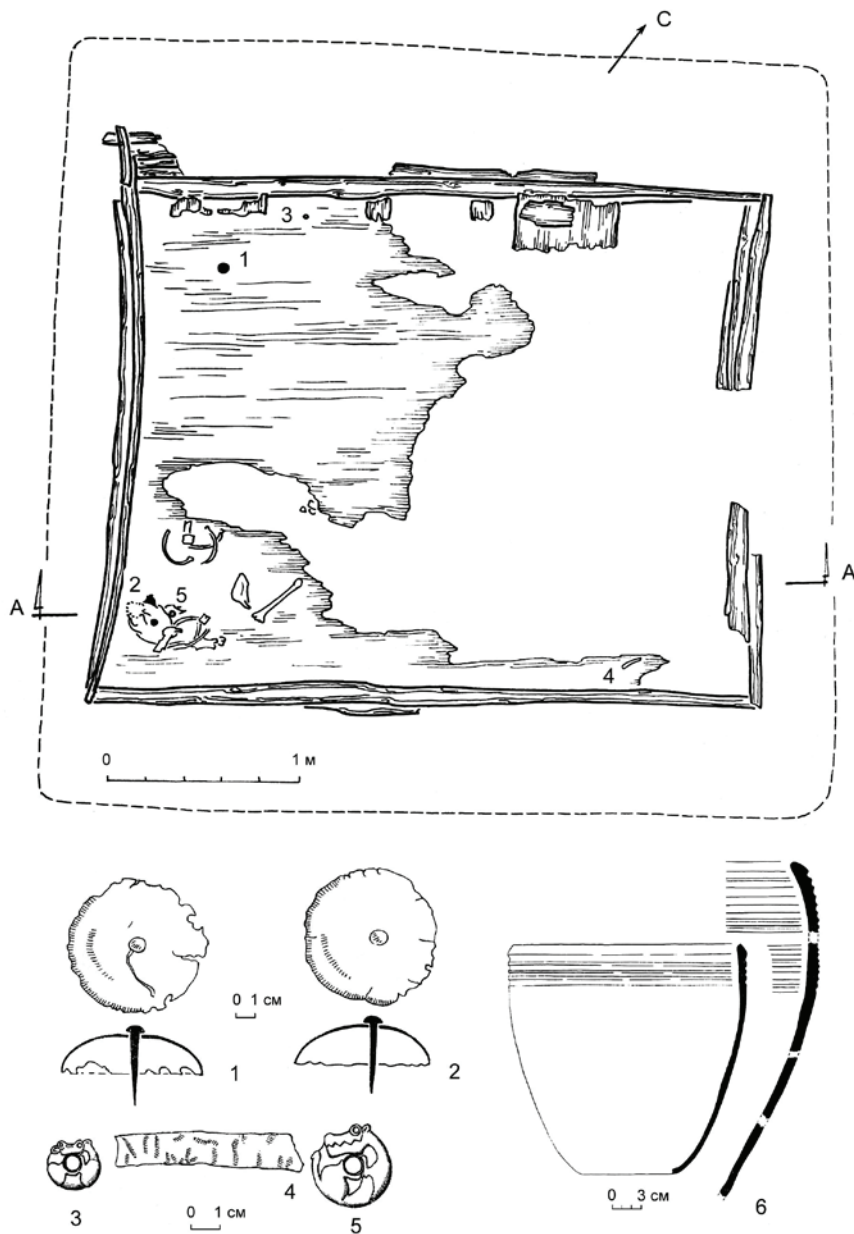

Рис. 2. Курган Тигей. План центральной могилы и найденные там предметы:
1, 2 – бронзовые навершия; 3, 5 – бронзовые бляшки с изображениями;
4 – обкладка из листового золота (номера соответствуют номерам находок на плане могилы); 6 – керамика из заполнения могилы

Следует различать два «входа» – во внешнюю каменную ограду и во внутреннюю деревянную погребальную камеру. Хотя «вход» в тагарские ограды устраивался с востока или северо-востока, реальный проход к могиле в процессе ее сооружения и

совершения погребения был, как правило, с противоположной стороны (Киселев С.В., 1956; Подольский М.Л., 1979, с. 48; Марсадалов Л.С., 2007, с. 206–207).

Антропоморфные изображения – самые многочисленные (свыше 80%). В основном это очень схематичные одиночные силуэтные изображения стоящих фигур с опущенными руками и широко расставленными ногами – так называемые тагарские человечки. Фигуры расположены произвольно – в ряд по нескольку фигур, под углом друг к другу, нередко соприкасаются или налагаются друг на друга. Косвенным подтверждением этому служит изображение на одной из плит человека с чеканом (рис. 1.-1б). Животные представлены изображениями козлов, оленей (маралов), лошадей и косуль (?). Большой интерес представляют два «парных» изображения козлов – под животом фигуры взрослой особи (на холке обозначен выступ) – изображение козленка «на коленях» – задние ноги прямые, передние подогнуты.

Сюжетные композиции представлены на двух плитах двумя сценами. Первая, очевидно, – изображение загонной охоты, в которой четыре человека (по два с каждой стороны) гонят двух оленей в направлении пяти охотников, стоящих в ряд (у двух из них чуть выше пояса выбиты треугольные «отростки» – очевидно, изображения колчанов). Вторая сцена отлична от вышеописанной по стилю, технике нанесения изображений и сюжетным особенностям. Изображены две фигуры лучников (у одного из них на поясе, очевидно, колчан) и три фигуры животных. Над ними – два нечетких изображения антропоморфных фигур, ниже сцены охоты – восемь антропоморфных фигур, в том числе выбитые не до конца; очевидно, эти изображения выполнены позднее (раньше?) и не связаны с описываемой сценой.

Изображения «главных действующих лиц» сцены – лучника и центральной фигуры животного, отличаются реалистичностью и выразительностью (рис. 1.-1а). Человек, в отличие от обычного «состояния покоя», характерного для изображения «тагарских человечков», показан в динамике. Кроме того, изображение дополнено атрибутами – луком и колчаном. Животные, в целом похожие на лошадей, имеют и признаки хищника – когтистые лапы и загнутый вверх «крючком» хвост. Фигура «коня» показана строго сбоку, т.е. только с двумя ногами, хотя мы ощущаем стремительное движение животного. Среди известных в литературе памятников петроглифического искусства Енисея точных аналогий тигейской композиции в целом найти не удалось. Наиболее близкий рисунок человека с луком и колчаном зафиксирован на горе Суханиха (Советова О.С., 2005, табл. 31.-7). Изображения животных, близкие по стилю, известны в памятниках кобанской культуры Кавказа, выполненных, в частности, на бронзовых предметах из Тлийского могильника (Техов Б.В., 1976). В.Б. Виноградов (1976, с. 150) отметил, что некоторым ранним кобанским образам были свойственны фантастические черты. Эту композицию, учитывая полисемантическую древнего изобразительного искусства, в том числе петроглифического, следует, видимо, понимать как изображение сцены охотничьей магии, ритуальных действий, которые предшествовали охоте реальной. Кроме того, возможно объяснение этой сцены в связи с культом солнца и древним астрономическим календарем.

Раскопки кургана Тигей еще раз подтвердили, что плиты с изображениями являются одним из признаков подгорновского культурного комплекса (Гришин Ю.С., 1971, с. 53; Савинов Д.Г., 1995, с. 22), но закономерностей в расположении плит с изображениями в оградах курганов пока не выявлено, поскольку они использованы в качестве строительного материала (Леонтьев Н.В., 1970).

Своеобразием рассмотренной группы петроглифов на плитах ограды кургана Тигей является насыщенность последних изображениями – около 100 на семи плитах (для сравнения: на 79 плитах могильников у горы Туран зафиксировано более 300 фигур людей и животных (Савинов Д.Г., 1976, с. 58). В отличие от туранских, где в основном представлены изображения звериного стиля, на плитах Тигея преобладают антропоморфные изображения.

Хронология кургана Тигей. При определении даты кургана Тигей следует учитывать конструктивные особенности погребального сооружения, датировки отдельных предметов и радиоуглеродный возраст образца дерева.

Радиоуглеродное датирование памятника. Один образец дерева из кургана Тигей был датирован в 1980-е гг. в ЛОИА (ныне – ИИМК РАН). Пересчеты полученной радиоуглеродной даты (2330 ± 40 BP) по программе Ox Cal. Version 3.9 с достоверностью 95% (сигмы) указывают на два временных интервала – 550–200 или 800–700 гг. до н.э. (табл. 1, №1).

Интересно сравнить радиоуглеродные даты из Тигея и Большого Салбыкского кургана, переданные на радиоуглеродные определения в середине 1970-х гг. М.П. Грязновым (табл. 1, №2) и два образца в середине 1990-х гг. Л.С. Марсадаловым (табл. 1, №3–4). Внешние слои бревен в Салбыке не всегда прослеживались достаточно четко, поэтому на радиоуглеродное датирование были отданы образцы не только последних годовичных колец (№4), но и из средней части бревен (№3). Все полученные радиоуглеродные даты хорошо коррелируют друг с другом. Радиоуглеродные датировки в целом отражают периоды роста деревьев, а не дату сооружения курганов, которая, вероятно, немного моложе наиболее поздних радиоуглеродных дат, относящихся к 470–380 гг. до н.э.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты для образцов дерева из разных курганов

№ п/п	Лабораторный номер ИИМК РАН (ЛОИА)	14C дата (лет тому назад) (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста (лет до н.э.) (cal. BC)	
			1δ	2δ
Курган Тигей, Хакасия				
1.	Ле-1880	2330±40	480–470 420–350 280–260 800–700 (слабо)	550–200 800–700 (слабо)
Большой Салбыкский курган, Хакасия				
2.	Ле-1192	2410± 60	760–690 550–400	770–390
3.	Ле-4771	2490±40	760–690 550–400	790–480 470–410
4.	Ле-5145	2460±40	760–680 560–480 470–410	770–400

По новым радиоуглеродным данным Большой Салбыкский курган можно датировать 2-й половиной V – 1-й половиной IV вв. до н.э. (Марсадалов Л.С., 2007, с. 207). Эта дата не противоречит археологическим аналогиям и датировкам предметов из это-

го кургана по бронзовым ножам, шильям и глиняным сосудам без орнамента, относящимся к *сарагаиенскому этапу тагарской культуры*.

Радиоуглеродная дата для кургана Тигей моложе, чем для Салбыка, хотя комплекс предметов и погребальная конструкция из Тигея позволяют отнести его к *более раннему подгорновскому этапу*. Малое число радиоуглеродных образцов из Тигея пока не дает возможности уверенно отнести этот курган к VII или V в. до н.э.

Археологическая датировка. Курганы с одной могилой и индивидуальным погребением характерны в основном для раннего тагарского времени (Грязнов М.П., 1968, с. 189). Близкий по размерам и устройству курган Узун-Оба №1, раскопанный А.В. Андриановым в 1895 г. к западу от города Абакан, исследователи относят к раннему периоду тагарской культуры (Дэвлет М.А., 1958, с. 64; Грязнов М.П., 1968, с. 190). Эти курганы отличаются особой монументальностью как насыпи и ограды, так и погребальной камеры.

Обычай ставить возле погребенного *два глиняных сосуда* – большой и меньшего размеров в основном характерен для раннетагарского времени. Сами сосуды также типично раннетагарские: с утолщенным, кососрезанным снаружи венчиком, украшенные горизонтальными желобками. При этом малая ширина желобков – сравнительно поздний признак (Членова Н.Л., 1967, с. 207).

Бронзовые бляшки. Крупные полусферические штампованные бляшки с отверстием в центре – одно из самых распространенных раннетагарских украшений. К сожалению, в Тигее они плохо сохранились.

Бляшки с изображением свернувшегося хищника – редкая находка в тагарских курганах, хотя в целом этот образ был довольно широко распространен на территории Евразии (Васильев С.А., 2000; Богданов Е.С., 2006).

Некоторые исследователи считают, что мотив изображения хищника, вписанного в круг, появляется в Минусинской котловине в VI в. до н.э. и быстро исчезает (Членова Н.Л., 1967, с. 118–119, 159–160). Этот довольно спорный вывод не подтверждается находками из Тигея и из других памятников.

Тигейские бляшки имеют разную величину. На бляшке большего размера голова зверя изображена крупной, с округлым ухом и оскаленной пастью, форма плеча резко подчеркнута, хвост и небольшие лапы подогнуты. На бляшке меньшего размера окончание хвоста и ноздри хищника показаны несколько по-иному – «кольцом». Эти предметы, возможно, являлись деталью конской уздечки или частью пояса.

Стилистически, хронологически и типологически бляшки с изображением хищников из Тигея занимают промежуточное место между более ранними образами VIII – начала VII в. до н.э. из Аржана-1, Майэмира, Чиликты-5, с одной стороны (рис. 3.-1, 5, 9), и Уйгарака, относящегося к VII в. до н.э. – с другой (рис. 3.-10–11). К аржано-майэмирской традиции восходит передача пасти с острыми зубами, а к аржано-майэмирско-чиликтинско-уйгаракской – «кольчатое» окончание хвоста, носа и лап.

Из Майэмира происходит семь золотых пластин, составляющих, вероятно, единый комплект украшения конской узды. Угол изгиба спины, оформление глаза, уха, тела, окончания лап и хвоста у зверей на этих пластинах отличаются в деталях (Баркова Л.Л., 1983, с. 20–21). В пятом Чиликтинском кургане было найдено 29 золотых бляшек в виде свернувшегося в кольцо хищника-пантеры с головой, повернутой вправо или влево. Глаз, ухо, ноздря, лопатка, бедро, окончания лап и хвоста хищников переданы круглыми углублениями-кольцами (рис. 3.-9; Черников С.С., 1965, с. 34–36).

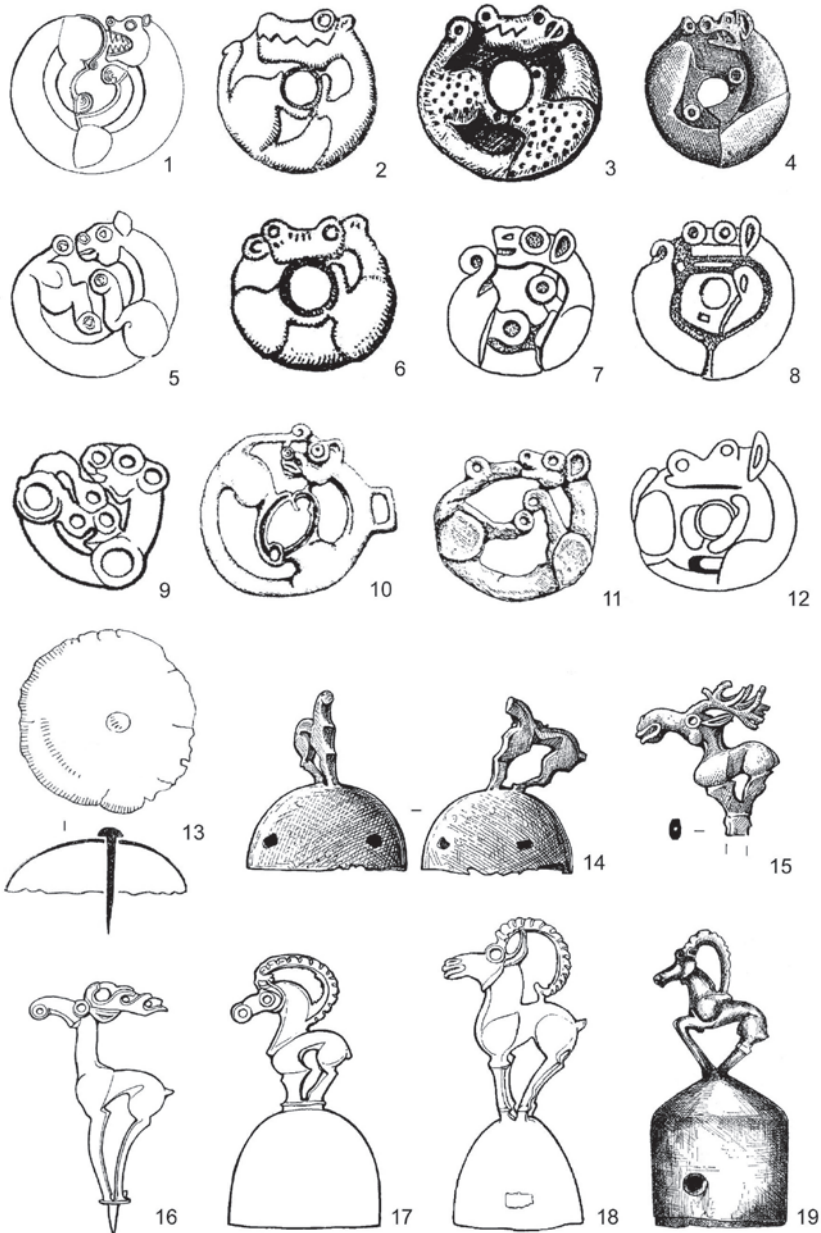

Рис. 3. Стилистические аналогии находкам из Тигея: 1–12 – изображения «хищника, свернувшегося в кольцо» (1 – курган Аржан-1, Тува; 2, 6 – курган Тигей, Южная Сибирь; 3 – могильник Туран-II, курган №5, могила-2, Южная Сибирь; 4 – Бейское городище, Южная Сибирь; 5 – Майэмирский «клад», Западный Алтай; 7–8 – могильник Ашпыл, курган №23, могила-2, Южная Сибирь; 9 – Чиликта, курган №5, Казахстан; 10–11 – могильник Уйгарак, курган №33, Средняя Азия; 12 – могильник Тагарское озеро, курган №33, могила-1, Южная Сибирь); 13–19 – бронзовые навершия из памятников тагарской культуры (13 – курган Тигей; 14–18 – коллекция Г.Ф. Миллера; 19 – Тисуль, курган №18). Масштаб и поворот рисунков различные

По сравнению с майэмирскими, чиликтинскими и даже уйгаракскими изображениями бляшки из Тигея более стилизованы (рис. 3). Чиликтинские бляшки относятся к более позднему времени, чем майэмирские, и могут быть датированы концом VIII – I-й половиной VII вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 2002).

Наиболее близкие аналогии по стилистическим признакам бляшки из Тигея имеют в памятниках тагарской культуры – Туран, Ашпыл, Бейское городище, Тагарское озеро (рис. 3.-3–4, 7– 8, 12) и в Уйгараке в Приаралье (рис. 3.-10–11), которые датируются VII в. до н.э. Вероятно, бляшки с изображением хищников из Тигея также можно датировать VII в. до н.э.

Бронзовые навершия. Уникальные навершия из Тигея пока не имеют аналогий. Они сделаны из бронзового листа и крепились к деревянному основанию бронзовыми гвоздями, вставленными в центральное отверстие. Возможно, они были декорированы тонким листовым золотом. Остатками этого декора может быть обрывок золотого листа, окрашенного окислом меди, найденный в могиле (рис. 2.-4).

Тигейские навершия, учитывая датировку остального инвентаря, очевидно, предшествуют литым навершиям с фигурками козлов, реже – оленей, стоящих на типичной для тагарской культуры «колоколовидной» подставке-втулке (рис. 3.-14, 17–19). Именно форму гвоздя, с небольшой округлой уплощенной шляпкой-подставкой с коротким заостренным стержнем-шипом внизу, имеет окончание одно из наиболее ранних красивых и уникальных бронзовых наверший VII в. до н.э. в виде фигурки оленя из коллекции Г.Ф. Миллера (рис. 3.-16).

Навершия с изображениями разных животных на полусферической подставке – отличительная черта тагарских наверший, что резко выделяет их среди находок в соседних регионах. В Туве, на Алтае, в Монголии и Ордосе навершия имели втулку подпрямоугольной, подквадратной или округлой формы, иногда с дополнительным кольцом сбоку (Марсадолов Л.С., 2008; Тишкин А.А., Кушакова Н.А., 2008).

Низкая полусферическая форма подставки у наверший – одна из самых ранних у «тагарцев» (рис. 3.-14). Затем подставки делали в виде удлиненной полусферы – «колоколовидной» формы (рис. 3.-17–18), а еще позднее – цилиндрической формы внизу и полусферической вверху (рис. 3.-19; Тисуль, курган №18; Мартынов А.И., 1979, рис. 45.-1, 4–6).

Навершия из коллекции Г.Ф. Миллера по стилистическим аналогиям с другими памятниками (Аржан, Чиликта, Монголия, Ордос) датируются VIII в. до н.э. (рис. 3.-15) или VII в. до н.э. (рис. 3.-14, 16–18; Марсадолов Л.С., 2008), поэтому дата полусферических наверший из Тигея тоже не выходит за пределы VII в. до н.э.

По комплексу хронологических признаков исследованный курган в Тигее относится к числу раннетагарских памятников подгорновского этапа и датируется VII в. до н.э. Среди других курганов этого времени Тигей выделяется редкими находками (навершия, бляшки с изображениями) и, особенно, исключительной монументальностью надмогильной конструкции.

В заключение следует отметить, что бронзовые навершия из Тигея позволяют наметить более сложную эволюцию форм наверший и даже в какой-то степени создание новых по назначению культовых предметов на основе предшествующих прототипов – полусферических бляшек и художественных образов, восходящих к карасукскому и баиновскому времени.

Библиографический список

- Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Искусство, 1983. Вып. 24. С. 20–31.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 240 с.
- Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле: Каталог изображений. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 80 с.
- Виноградов В.Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 147–152.
- Гришин Ю.С. Об одной писанице на плите тагарского кургана из Минусинской котловины // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.: Наука, 1971. Вып. 128. С. 53–54.
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. Т. I: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 187–196.
- Дэвлет М.А. Погребальные сооружения тагарской культуры // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. М.: Изд-во МГУ, 1958. Вып. 4. С. 59–69.
- Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л., 1956. С. 56–58.
- Леонтьев Н.В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая-VIII // Сибирь и ее соседи в древности. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 265–270.
- Марсадалов Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация: Мат. темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 217–221.
- Марсадалов Л.С. Палеоастрономические аспекты Большого Салбыкского кургана в Хакасии // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 205–213.
- Марсадалов Л.С. Бронзовые навершия из коллекции Г.Ф. Миллера (стилистика-хронологические тенденции развития) // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Мат. темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008. СПб., 2008. С. 70–79.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Паульс Е.Д., Подольский М.Л., Седых В.Н. Большой тагарский курган около ст. Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–143.
- Подольский М.Л. Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: Тез. докл. Всес. археол. конф. Кемерово, 1979. С. 46–50.
- Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 8. С. 57–72.
- Савинов Д.Г. Изображения на курганных плитах как источник по истории населения тагарской культуры // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1995. Вып. 1. С. 22–23.
- Седых В.Н. Новые исследования в Абаканской степи // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. II. С. 100–102.
- Седых В.Н., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Раскопки в зоне Означенской и Абаканской оросительных систем // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 207.
- Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.
- Техов Б.В. О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона главного Кавказского хребта // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 153–163.
- Тишкин А.А., Кушакова Н.А. Бронзовые навершия из Штабки: технология изготовления, аналогии, датировка // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти проф. А.П. Уманского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. С. 23–33.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 189 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ В МУЗЕЕ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АлтГУ*

Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ) был основан в 1985 г. (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л., 1994; Нехведавичюс Г.Л., Ведянин С.Д., 1995; и др.). Материалы, составляющие его коллекции, получены в ходе полевых исследований, которые осуществлялись с 1975 г. сотрудниками, преподавателями и студентами в основном на территории Алтайского края, в состав которого входила Горно-Алтайская автономная область (ныне Республика Алтай). С каждым годом фонды музея пополнялись (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б., 2002). В настоящее время археологическая часть насчитывает сотни тысяч единиц хранения, объединенных в более 620 коллекции. Находки относятся к разным историческим периодам: от среднего палеолита до позднего средневековья. Обнаруженные свидетельства жизнедеятельности многих племен и народов являются важными источниками для реконструкции этногенетических и историко-культурных процессов, происходивших на Алтае и в Верхнем Приобье на разных этапах развития человечества.

Среди всех находок особую группу представляют металлические зеркала, датируемые периодом поздней древности и эпохой средневековья. Данные изделия могут рассматриваться как яркие показатели скотоводческих культур. В качестве предметов торевтики они требуют комплексного анализа. Одним из аспектов исследования является изучение истории формирования коллекции металлических зеркал МАЭА АлтГУ. Следует указать, что данная статья является продолжением начатой ранее работы, краткие результаты которой уже были опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2008; 2009). При этом необходимо обратить внимание на то, что в настоящей публикации отражен ряд дополнений, уточнений и существенно расширен объем информации культурно-хронологического плана.

Значительная часть рассматриваемых находок относится к скифо-сакскому времени (конец IX—III вв. до н.э.). Несколько бронзовых зеркал (колл. №26 и 101) получены в результате раскопок и сборов подъемного материала на археологическом комплексе Малый Гоньбинский Кордон, расположенном на правом берегу Оби в 7 км к северо-западу от г. Барнаула Алтайского края. Некрополь МГК-1, датированный раннескифским временем, исследовался в 1978–1988 гг. Ю.Ф. Кирюшиным, А.Л. Кунгуровым, М.Т. Абдулганеевым, С.В. Неверовым (Кунгуров А.Л., 1998; 1999). Памятник отнесен к раннему этапу староалейской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996). Его датировка была поддержана и другими исследователями (Могильников В.А., 1997, с. 81). Наиболее ранними из зеркал, обнаруженных на указанном комплексе, являются два массивных изделия с высоким заостренным бортиком (Кунгуров А.Л., 1999, рис. 2.-4, 5). В центре одного предмета находится петелька, а ручка второго экземпляра

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье» (№08-01-00355а).

оформлена в виде «кнопки» на четырех ножках. Подобные находки могут быть отнесены к концу VII–VI вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1967, с. 82–87; Кузнецова Т.М., 2002, с. 33–43; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 84; и др.). Три других зеркала (Кунгуров А.Л., 1999, рис. 2.-1, 2, 3), также с центральными петельками, по совокупности признаков датированы в пределах VI – начала V в. до н.э.

К другому этапу в развитии староалейской культуры относится грунтовый могильник Фирсово-XIV. Памятник, исследованный в 1987–1993 гг. Приобской археологической экспедицией под руководством А.Б. Шамшина, расположен в окрестностях одноименного села в Первомайском районе Алтайского края. Некрополь был отнесен к V–IV вв. (Шамшин А.Б., Фролов Я.В., 1994, с. 101), при этом архаичность предметного комплекса позволяет определить хронологию большинства его объектов в рамках V в. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133). К этому же времени относится бронзовое зеркало (Фролов Я.В., 2008, рис. 132.-1), обнаруженное в ходе раскопок могилы №58. Данное изделие, представляющее собой один из вариантов развития зеркал с центральной ручкой в виде «кнопки» на ножках, привлекалось при характеристике рассматриваемой категории предметов в ряде исследований (Могильников В.А., 1997, с. 81; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 81).

Материалы, относящиеся к несколько более позднему времени, чем основная группа могильников староалейской культуры, получены в ходе раскопок памятника Староалейка-II (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 133; Фролов Я.В., 2008, с. 168). Большинство погребений раннего железного века на этом могильнике, который расположен в устье Алея (левый приток Оби), исследовано под руководством Ю.Ф. Кирюшина в 1981, 1982 и 1986 гг. (Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., 1984; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 115). Среди материалов некрополя имеются два металлических зеркала. Одно из них в настоящее время находится в МАЭА АлтГУ (колл. №35/487). Изделие, обнаруженное в ходе раскопок женского погребения №35 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 9.-13), относится к группе петельчатых зеркал и может быть определено V–IV вв. до н.э.

Отдельная группа металлических зеркал в МАЭА АлтГУ демонстрирует развитие пазырыкской культуры Алтая. Среди предметов, находящихся в разделе экспозиции, который посвящен скифо-сакскому времени, представлен экземпляр зеркала из крупного некрополя пазырыкской культуры Кастакта. Памятник, расположенный у одноименного села в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, частично исследован отрядом Алтайской археологической экспедиции АлтГУ в 1983 г. (Степанова Н.Ф., 1987). Многочисленные аналогии находкам из погребений могильника позволили определить время сооружения ряда курганов концом V – IV вв. до н.э. (Степанова Н.Ф., 1987, с. 182). Металлическое зеркало (колл. №41/128), представляющее собой неровный диск с отверстием в короткой боковой ручке (Степанова Н.Ф., 1987, рис. 5.-2; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 36.-10), вероятно, может быть датировано тем же периодом.

В 1987 г. Катунской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета исследовался курганный могильник Верх-Еланда-II, расположенный у с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994). Датированными находками, позволяющими определить хронологию кургана №13 указанного некрополя в рамках VI–V вв. до н.э., являются два массивных бронзовых зеркала с центральной ручкой в виде кнопки на ножках (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004,

с. 116). Одно из изделий (Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994, рис. 9.-1; 12.-1; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 37.-1) в настоящее время находится в фондах МАЭА АлтГУ (колл. №125/80).

Серия бронзовых зеркал получена в разные годы в ходе раскопок крупного погребально-поминального комплекса «рядовых» кочевников пазырыкской культуры Тыткескень-VI. Этот уже хорошо известный памятник, как и упомянутый выше некрополь, расположен неподалеку от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай, но на левом берегу Катуня. Серия интересующих нас находок обнаружена в ходе исследований курганного могильника с 1988 по 1993 г. археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Одно из зеркал (колл. 121/731) находится в экспозиции МАЭА АлтГУ. Его особенностью является короткая боковая ручка, оформленная в виде фигурки лежащего двугорбого верблюда с поднятой головой (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 50.-4; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, рис. 38.-4; 88.-1). Датировка подобных находок определяется концом VI – V в. до н.э. Следует отметить, что другие металлические зеркала, обнаруженные при раскопках указанного памятника, также хранились в МАЭА АлтГУ, но потом были переданы в Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск).

Раскопки обозначенного археологического комплекса Тыткескень-VI после многолетнего перерыва были продолжены в 2006 г. в связи с тем, что курганы попадали в зону предполагаемого строительства плотины Алтайской ГЭС. Исследование памятника осуществлялось силами Катунской экспедиции АлтГУ при участии сотрудников нескольких других учреждений (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С., 2006, с. 353). В результате раскопок коллекция бронзовых зеркал пополнилась на два экземпляра. Находки из курганов №80 и 94, относящиеся к группе зеркал с короткой боковой ручкой, предварительно датированы V–IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С., 2006, с. 357, рис. 2.-3).

Племена пазырыкской культуры занимали обширную территорию. В отдельных районах фиксируется определенное своеобразие оставленных памятников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003а). Одним из комплексов, который маркирует северо-западную границу распространения обозначенной общности, является могильник Ханкаринский дол (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б; 2008; и др.). Некрополь расположен в Краснощековском районе Алтайского края. Начиная с 2001 г. он исследуется Краснощековской экспедицией АлтГУ под руководством П.К. Дашковского. В ходе работ на памятнике получены материалы, отражающие процессы освоения «пазырыкцами» территории в контактной зоне предгорий Алтая. Среди предметов сопроводительного инвентаря (колл. №184), анализ которого позволяет определить некрополь IV – началом III в. до н.э., что подтверждается и радиоуглеродным датированием (Тишкин А.А., 2007а, с. 155–156, 251–261), имеются металлические зеркала (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2008; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2006; 2009; Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2007; и др.). Изделия относятся к группе небольших «медалевидных» образцов, хронология которых в целом соответствует времени существования памятника.

Помимо представленных экземпляров, в коллекциях МАЭА АлтГУ имеются случайные находки. Они в основном датируются эпохой раннего железа.

В 1960-х гг. на площади Первомайского курганного могильника, расположенного в Целинном районе Алтайского края, бывший директор музея с. Победа П.Ф. Рыженко нашел бронзовое зеркало. Особенностью данного изделия, отличающего его от подобных вещей из памятников пазырыкской и быстрианской культур, является сочетание отверстия и поперечной петли, расположенных на короткой боковой ручке (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 120, рис. 5.-3). Датировка этой находки (колл. №188/1) определена в рамках V–IV вв. до н.э.

Другое металлическое зеркало относится к достаточно распространенному типу изделий. Оно было обнаружено в 2007 г. в ходе дорожных работ, которые проводились в 3 км от ул. Кольцевая г. Белокуриха Алтайского края. Изделие (см. фото 9 и 10 на цветной вклейке), представляющее собой массивный диск с центральной ручкой-петелькой, найдено в срезе строительного холма на глубине 1,5 м под остатками скелета. Находка может быть предварительно датирована VI–V вв. до н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1997, рис. 4.-2; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 16.-2; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 80–81; и др.).

Небольшой фрагмент бронзового зеркала был поднят Г.А. Клюкиным на арбузных бахчах у с. Аул (бывший Бородулинский район Семипалатинской области Казахской ССР). Эта территория располагается рядом с юго-западной границей Алтайского края. Изделие опубликовано и отнесено к местонахождению Бахчи-11 без какой-либо культурно-хронологической атрибуции (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, с. 95, рис. 24.-18). Находка сильно покрыта коррозией, однако различима часть орнамента, представляющего собой прочерченный пояс из двух линий, а также местами заметен характерный золотистый цвет. Зеркало (колл. №28/209; см. фото 15 и 16 на цветной вклейке) можно предварительно сопоставить с изделиями сарматской культуры и датировать 2-й половиной I тыс. до н.э. (Худяков Ю.С., 1998, с. 137).

С территории Алтая происходит еще одна случайная находка (колл. №73/1; см. фото 13 и 14 на цветной вклейке). Изделие плохой сохранности (испещрено трещинами) и представляет собой крупный массивный диск с боковой ручкой, которая отломана у основания. Датировка зеркала определена в рамках VI – IV вв. до н.э.

Одно из направлений внешних связей населения Лесостепного Алтая демонстрирует редкая для этого региона находка, полученная в ходе раскопок на уже упомянутом комплексе Фирсово-XIV. На территории памятника обнаружен фрагмент зеркала (колл. №74/369; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис. 2, 5.-2), относящегося к группе экземпляров, достаточно широко распространенных в Китае в доханьское время (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 37). Производство подобных изделий осуществлялось в конце IV – III вв. до н.э., а бытование продолжалось в течение достаточно длительного промежутка времени (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 9; Масумото Т., 2005, с. 297). Таким образом, фрагмент зеркала, хранящегося в МАЭА АлтГУ, может в какой-то мере отражать один из начальных этапов контактов населения Верхнего Приобья с кочевниками южных регионов, к которым поступала продукция древних ремесленных центров Китая. Отметим, что часть такого же изделия происходит из кургана №6 памятника Пазырык, расположенного в Горном Алтае (Руденко С.И., 1953, с. 114, рис. 85; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис. 1).

Материалы хуннуского периода представлены в МАЭА АлтГУ результатами раскопок могильника Яломан-II. Некрополь, являющийся одним из базовых памятников усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры, расположен в Онгудайском

районе Республики Алтай. Он в течение нескольких лет исследовался Яломанской археологической экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; Тишкин А.А., 2007б; и др.). Ярким элементом предметного комплекса, полученного в ходе исследования могильника, является серия металлических зеркал (колл. №181/663, 680, 916, 918, 1312). Экземпляр, обнаруженный в погребении кургана №61 (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис. 4.-в), судя по сохранившимся деталям оформления, относится к типу доханьских зеркал IV–III вв. до н.э. и аналогичен вышеуказанной находке из Фирсово-XIV. Другое изделие (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис. 5.-6), с орнаментом в виде остроугольной ленты на фоне завитков, датируется III в. до н.э. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 38, рис. 3) и встречается в памятниках хуннского периода (Давыдова А.В., 1985, рис. X.-9). Изображения на двух других фрагментах (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006, рис. 4.-г, 5.-5) визуальнo не фиксируются, так как части зеркал сильно покрыты коррозией. В ходе исследований некрополя обнаружено и одно целое изделие. Детали оформления зеркала (бортик в виде продолжающихся полудуг, четыре шишечки во внутреннем орнаментальном поле и др.) характерны для китайских экземпляров ханьского времени (Давыдова А.В., 1985, рис. X.-20, 25; Филиппова И.В., 2000, с. 104; Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т., 2008, рис. 1–3, 6; и др.). На сегодняшний день получены результаты комплексного изучения обозначенных находок (Тишкин, 2006а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2006).

Развитие контактов nomадов с отдаленными центрами ремесленного производства отмечается в период раннего средневековья. Среди импортных предметов, обнаруженных в курганах сросткинской культуры степных и лесостепных районов Алтайского края, выделяются металлические зеркала. Серия подобных находок в настоящее время представлена в фондах МАЭА АлтГУ. Все они обнаружены в ходе работ археологических экспедиций Алтайского госуниверситета в период с 1979 по 2004 г. Визуально фиксируемые характеристики и осуществленный рентгенофлюоресцентный анализ позволяют обозначить две группы находок (Тишкин А.А., 2008; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009).

Первая группа металлических зеркал из памятников сросткинской культуры отражает результаты производства таких изделий на территории Китая. В МАЭА АлтГУ представлено шесть подобных находок. По одному фрагменту восьмилопастных зеркал обнаружено на памятниках Яровское-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1998, рис. 1.-12; колл. №164/5; см. фото 17 и 18 на цветной вклейке) и Поповская Дача (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, рис. 1.-25). Распространение подобных экземпляров относится к VIII–IX вв. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 20; Масумото Т., 2005, с. 296). По всей видимости, части таких же зеркал обнаружены в ходе раскопок могильников Шадринцево-I (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 5.-5) и Екатериновка-III (колл. 144/151; The Altay culture, 1995, с. 146, фото 178). С территории Лесостепного Алтая происходит часть круглого зеркала с рельефными изображениями (колл. №173/16; см. фото 11 и 12 на цветной вклейке), которое, вероятно, также датируется VIII–IX вв. Эта случайная находка ранее не была опубликована. Фрагмент другого изделия, отнесенного к первой группе, обнаружен в ходе исследований могильника Гора Тараскина-V, расположенного в северо-западных предгорьях Алтая (Грушин С.П., Тишкин А.А., 2004, рис. 1.-1; Грушин С.П., 2005, рис. 1.-2). Найдка соотносится с характерными для танского времени экземплярами, на которых изображены животные существа и виноград. Она датируется в

пределах VII–IX вв. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 17–19, рис. 15–17). Исследованный курган №6, из которого происходит рассматриваемый фрагмент зеркала, определен 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. (Грушин С.П., Тишкин А.А., 2004, с. 242). По внешним признакам и по данным рентгенофлюоресцентного анализа, к продукции китайских ремесленников относится и целое изделие (колл. №154/5) из одиночного погребения Усть-Шамониха, исследованного в Целинном районе Алтайского края (Горбунов В.В., 1992, рис. 3; Тишкин А.А., 2008, с. 80). В данном случае сохранено характерное для металлических зеркал из Поднебесной империи деление на концентрические зоны, однако отсутствует орнамент и заметны следы некачественной отливки. Следует отметить, что в поздний период эпохи Тан получают распространение некачественные зеркала и начинается резкий упадок техники их изготовления (Масумото Т., 2005, с. 296).

Вторая группа зеркал из памятников сросткинской культуры маркирует другое направление контактов в период раннего средневековья. Экземпляры, обнаруженные в ходе раскопок могильников Рогозиха-I (Неверов С.В., 1990, рис. 1.-14; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, рис. 1.-15; колл. №141/30) и Ближние Елбаны-XVI (Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1995, рис. 2.-8, 12; колл. №157/221, 248), представляют собой фрагменты изделий с невысоким бортиком. На обратной стороне двух зеркал нанесен орнамент в виде циркульных окружностей с точкой в центре. Аналогии подобным изделиям обнаруживаются в памятниках среднеазиатского региона, относящихся к середине VIII – IX в. (Распопова В.И., 1972, с. 67, рис. 1.-6,7; Табалдиев К.Ш., 1999, с. 78, рис. 1.-4).

Обе представленные группы зеркал, обнаруженных в ходе раскопок раннесредневековых памятников Лесостепного Алтая, датируются VIII–IX вв. При этом погребения, в которых они найдены, относятся ко 2-й половине IX – 1-й половине XI в., что вполне приемлемо при учете продолжительности доставки и возможного длительного периода бытования. Памятники этого времени, характеризующегося завершением консолидации общества кочевников, объединены в рамках грязновского и шадринцевского этапов в развитии сросткинской культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001). Почти все зеркала представлены небольшими фрагментами, обнаружено только одно целое изделие. В более чем половине предметов фиксируется небольшое отверстие, предназначенное, вероятно, для ношения на поясе или на груди. Место расположения изделий в погребениях подтверждает это предположение (Серегин Н.Н., 2007, с. 116).

По сравнению с китайскими зеркалами из памятников периода раннего средневековья Лесостепного Алтая, у кочевников тюркской культуры горных районов региона зафиксировано значительно большее количество целых экземпляров. Две подобные находки хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. №120/4–5; *The Altay culture*, 1995, с. 144, фото 172; Тишкин А.А., 2008). Изделия обнаружены в ходе исследований могильника Шибе-II, расположенного в Онгудайском районе Республики Алтай. В рамках аварийных археологических работ на некрополе, проводившихся экспедицией Алтайского госуниверситета в 1986 г. (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993), раскопано десять курганов тюркской культуры. Материалы исследований до сих пор не опубликованы. Бронзовые зеркала датируются в рамках VII–VIII вв. и вместе с другими предметами сопроводительного инвентаря могут служить хронологическими маркерами. Изделия, найденные на памятнике Шибе-II, изучались с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра (Тишкин А.А., 2008).

По сравнению с ранним средневековьем, монгольское время в истории Алтая характеризуется гораздо меньшим количеством памятников. Материалы этого периода в

значительной степени представлены в МАЭА АлтГУ результатами работ на курганном могильнике Телеутский Взвоз-1. Некрополь располагался неподалеку от с. Елунино Павловского района Алтайского края. В 1993 г. ходе раскопок женского погребения в кургане №1 экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Казакова обнаружен фрагмент зеркала (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 5.-1; колл. №163/592). Точные аналогии изделию, а также экземпляры со схожими элементами в оформлении известны из памятников XIII–XIV вв. на Южном Урале, Тянь-Шане, в Казахстане, Новосибирском и Томском Приобье (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, рис. 10, 11; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 11.-19; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 46.-2; Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000, рис. 1.-3; 2.-2–4; Адамов А.А., 2000, рис. 89.-4; Тишкин А.А., 2006б; и др.).

Итак, в фондах МАЭА АлтГУ находится серия разновременных металлических зеркал, которые являются предметами торевтики и отражают процессы развития скотоводческих культур Горного и Лесостепного Алтая в раннем железном веке и средневековье. Изучение обозначенной группы находок позволяет рассматривать вопросы, связанные с датировкой памятников, направлением военно-политических и торговых контактов кочевников, сложными социальными и другими процессами. Есть смысл рассмотреть отдельные аспекты мировоззренческих представлений nomads. Наряду с характеристикой внешних признаков металлических зеркал (морфология, орнаментация и др.), важным направлением исследований остается тщательный анализ химического состава сплавов, из которых создавались изделия. В связи с тем, что часть зеркал не введена в научный оборот, одной из актуальных задач остается их качественная публикация. Обобщение опыта реализации комплексного подхода в изучении имеющихся экземпляров из коллекций МАЭА АлтГУ планируется представить в специальной работе.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: КемГУ, 1995. С. 243–252.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.

Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 86–87.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.

Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Наука, 2005. С. 134–137.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. С. 239–243.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский Дол – памятник пазырыкской культуры в северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 20–22.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Новые результаты рентгенофлюоресцентного анализа некоторых металлических изделий пазырыкской культуры из могильника Ханкаринский дол. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 268–271.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 202–206.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 94 с.

Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б. Работы в лесостепной зоне Алтая // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 204–206.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XIII, ч. I. С. 353–357.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б. Археология в Алтайском университете // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16: Археология в российских университетах. Воронеж: Б.и., 2002. С. 34–42.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительское подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. Барнаул: Б.и., 2004. С. 99–114.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III века до н.э. М.: Индрик, 2002. Т. 1. 352 с.

Кунгуров А.Л. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон-I // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 267–272.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 92–98.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 111–126.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 155 с.+ил.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 202–205.

Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.

Мерц В.К., Тишкин А.А. Погребение монгольского времени на берегу р. Шидерты в Казахстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 238–242.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: ИА РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки второго Сальдьярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 126–144.

Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Б.и., 1990. С. 112–116.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-I // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 176–178.

Нехведавичюс Г.Л., Ведянин С.Д. Музей археологии Алтайского государственного университета // Алтайский сборник. Барнаул: Б.и., 1995. Вып. XVI. С. 239–244.

Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. Металлические зеркала в Музее археологии этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры

и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–157.

Распопова В.И. Зеркала из Пенджикента // КСИА. М.: Наука, 1972. Вып. 132. С. 65–69.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 115–121.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 168–183.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 78–81.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006а. №4. С. 111–115.

Тишкин А.А. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М.: Нумизматическая литература, 2006б. С. 191–193.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007а. 356 с.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007б. Т. XIII. С. 382–387.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск: Б.и., 2000. С. 54–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Металлические зеркала в коллекциях Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 100–103.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как показатели археологических культур Алтая поздней древности и средневековья (хронология и этнокультурные контакты) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 224–231.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003а. С. 166–168.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003б. Т. IX, ч. I. С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул: Азбука, 2008. 16 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала раннего средневековья как источник для реконструкции этнокультурного взаимодействия на Алтае // Форум «Идель–Алтай». Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 71–73.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левом берегу Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М: Наука, 1967. 300 с.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 99–102.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 100–108.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. Вып. 3. С. 135–143.

The Altai culture. 1995 (каталог выставки на корейском языке).

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОЯСНЫЕ БЛЯХИ-НАКЛАДКИ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Одной из массовых категорий инвентаря в погребальных комплексах сrostкинской культуры Лесостепного Алтая (2-я половина VIII – XII в. н.э.) являются поясные наборы. На сегодняшний день они обнаружены в 135 могилах на 69 памятниках, в количестве 180 экземпляров. Это целые пояса, сохранившиеся не потревоженными, или их отдельные части из ограбленных объектов. Сrostкинские пояса делались из кожи и состояли из основного ремня, охватывающего верхнюю одежду на талии, и портупейных ремней, которые служили для подвешивания предметов или были декоративными. Ремни соединялись и украшались гарнитурой: пряжки, тренчики, наконечники, бляхи-накладки и распределители. Среди них преобладают вещи, изготовленные из цветных металлов (789 экз.), на втором месте серия железных предметов (162 экз.) и реже встречаются роговые изделия (34 экз.), представленные только пряжками на основной ремень (Горбунов В.В., 2009, с. 265).

Многие поясные металлические изделия являются яркими образцами средневековой торевтики. Они несли определенную семантическую нагрузку, выражавшуюся через форму и орнаментацию предмета. Для них характерна внешняя и внутренняя динамичность развития, связанная с заимствованием престижных элементов элиты общества, изобретением своих отличительных элементов, со сменой сырьевой базы, изменением технологии производства. Раскрытие подобной информации позволяет выявить этнокультурные контакты, степень инноваций, продолжительность «жизни» вещей, их перемещение в пространстве, смену традиций и многое другое.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №08-01-00355а («Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье»).

Цель настоящей работы – морфологическое описание, классификация и типологический анализ блях-накладок сrostкинской культуры, представляющих наиболее массовую и показательную серию среди поясной гарнитуры.

Морфология. Бляхи-накладки являются самостоятельным видом гарнитуры, который предназначался для скрепления отдельных частей пояса между собой (основа и портупея) или с другими предметами (основа и портупея с распределителем), а также для украшения пояса, путем наложения на кожаный ремень. Конструкция блях-накладок включает корпус, шпеньки и фиксаторы.

Корпус представляет собой основной несущий и декоративный элемент в виде плоской или рельефной пластины. В ней можно выделить лицевую (внешнюю) поверхность, обращенную наружу, тыльную (изнаночную) поверхность, обращенную к ремню, верхний и нижний края согласно расположению изделия на ремне и боковые края или стороны, расположенные слева и справа между верхом и низом. Пластина могла быть монолитной (сплошной) или с прорезью для продевания ремня. Часто прорези имели декоративное значение. У рельефных пластин выделяется центральная часть и бортики.

Шпеньки – это крепежные элементы в виде цилиндрических стерженьков, прикрепленных к тыльной поверхности корпуса или вставляемых в сквозные отверстия пластины и закрепляемых путем «сварки». Последний способ обычно применялся при вторичном использовании блях, если изначально приваренные шпеньки ломались. Стерженьки могли иметь плоские окончания и в этом случае продевались через отверстия, пробитые в ремне, или имели острые окончания, протыкая ремень. В последнем случае они круто загибались, вонзаясь в тыльную сторону ремня. Иногда шпеньки могли отсутствовать, и тогда корпус бляхи пришивался к ремню через отверстия.

Фиксаторы – это дополнительные крепежные элементы, надеваемые на плоские шпеньки с тыльной стороны ремня. При этом окончание шпенька расклепывалось, прижимая фиксатор к кожаной основе. Встречаются две разновидности фиксаторов: в виде небольших пластин, чаще квадратной и округлой формы, на каждый шпенек; в виде крупной пластины, по форме повторяющей корпус, на все шпеньки сразу. Иногда фиксаторы изготовлялись из другого материала (железо), нежели корпус (цветной металл).

Классификация. Всего нами учтено 674 бляхи-накладки от 81 пояса, из которых 56 основные (парадные, наборные) и 25 стрелковые (саадачные). Первые служили для подвешивания клинкового оружия и бытовых предметов. На вторых прикрепляли колчан со стрелами и налучье с луком. Они найдены на 62 погребальных объектах (курганные и грунтовые могилы) сrostкинской культуры Лесостепного Алтая. Серию составили целые экземпляры и частично разрушенные, сохранившие все основные показатели.

Для системного описания блях-накладок их признаки разбиты на шесть уровней: группа – разряд – раздел – отдел – тип – вариант. Группа выделяется по материалу изготовления корпуса бляхи, разряд определяется способом крепления к ремню, раздел указывает на наличие или отсутствие прорези, отдел характеризует сечение корпуса, тип устанавливает общую форму бляхи, вариант информирует о декоре изделия. Наличие и отсутствие фиксаторов, их материал, форма, сечение в классификации не рассматриваются, так как у одинаковых блях-накладок они могут отличаться в силу длительного использования, ведущего к неоднократной замене и починке этих элементов. Признаки шпеньков достаточно стандартны и также мало значимы для дальнейшего типологического анализа.

Группа I. Из цветных металлов. Всего 607 блях-накладок. Они изготовлены из меди, различных бронзовых сплавов, часть вещей позолочена. Некоторые авторы в публикациях указывали в качестве материала изделий серебро (Алехин Ю.П., 1996, с. 60; Могильников В.А., 2002, с. 116). Более точное определение состава металла требует металлографического анализа всех предметов.

Разряд I. Шпеньковые. Все бляхи нашей серии крепятся к ремням при помощи шпеньков, количество которых варьирует от 1 до 5 в зависимости от размеров изделия.

Раздел I. Прорезные. Корпус бляхи-накладки снабжен сквозным отверстием-прорезью функционального или декоративного назначения.

Отдел I. Рельефные. В сечении корпус бляхи имеет плоскую либо выпуклую (иногда с ярусным чередованием) центральную часть и слегка наклонные бортики.

Тип 1. Четырехугольные. Пластина бляхи представляет собой четырехугольную фигуру, близкую прямоугольнику или квадрату. **Вариант а** – ровные, с прямой прорезью. Бортики бляхи ровные, центральная часть гладкая, ближе к нижнему краю снабжена прорезью, имеющей форму прямоугольника или эллипса. Размеры: 1–3,2x1–3 см. Всего 15 экз. от восьми поясов: Борковский Елбан-6, мог. (1), Иня-1, курганы №7 (2), №15 (1), №28 (1), №29 (1), Чингис-2, курган №1 (4), Сrostки-I, курганы №2 – 1925 г. (3), №2 – 1930 г. (2). **Вариант б** – ровные, с фигурно-скобчатой прорезью. Отличие от предыдущего варианта в оформлении прорези, верхний край которой имеет вид фигурной скобы. Размеры: 2,4–2,5x2–2,1 см. Всего 6 экз. от двух поясов: Иня-1, курган №1, мог. 1 (1), курган №13 (5). **Вариант в** – ровные, с фигурно-скобчатой прорезью, с геометрическим или растительным орнаментом. Размеры: 1,1–2,8x1–2 см. Всего 9 экз. от четырех поясов: Сrostки-I, курган №2 – 1930 г. (1), Кураевка-I, курган №1 (1), Чинета-II, курган №7 (2), Нечунаевский Елбан-2, мог. 1 (5). **Вариант г** – фестончатые, с прямой прорезью. Бортики бляхи оформлены полукруглыми выступами – фестонами. Размеры: 1,8x1,6 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Кураевка-I, курган №1. **Вариант д** – фестончатые, заостренные, с прямой прорезью и растительным орнаментом. Боковые стороны изделия ровные, нижний край оформлен фестонами, верхний заострен. Размеры: 1,8x1,6 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Луговское-1, курган №1. **Вариант е** – выемчатые, с фигурно-скобчатой прорезью и геометрическим орнаментом. Верхний и нижний края бляхи ровные, боковые стороны вырезаны в виде фигурной скобы. Размеры: 2,3x1,7 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Луговское-1, курган №1.

Тип 2. Пятиугольные. Корпус бляхи представляет собой фигуру с пятью выраженными углами. **Вариант а** – ровные, с прямой прорезью. Размеры: 2,8x2 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Чингис-2, курган №1. **Вариант б** – заостренные, с фигурно-скобчатой прорезью и растительным орнаментом. Углы бортиков дополнительно заострены небольшими выступами. Размеры: 3,2x2,3 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Сrostки-I, курган №2 – 1930 г.

Тип 3. Семиугольные. Абрис бляхи образует фигуру с семью выраженными углами. **Вариант а** – выемчатые, с прямой прорезью и нервюрой. Бортики бляхи между углами вогнуты, в центральной части от верхнего угла до прорези идет вертикальный валик-выступ. Размеры 2,9x2,5 см. Всего 2 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №2, мог. 1.

Тип 4. Сегментовидные. Одна сторона изделия (нижняя) прямая, а остальные образуют примыкающую к ней дугу. **Вариант а** – ровные, с прямой прорезью. Размеры: 2,1–4,2x1,6–3 см. Всего 23 экз. от девяти поясов: Иня-1, курганы №7 (5), №9, мог. 2 (4),

курганы №13 (6), №16, мог. 1 (3), курганы №18 (1), №28 (1), №29 (1), Чингис-2, курган №1 (3), Белый Камень, курган №1 (1), Гилево-VI, курган №5 (1). **Вариант б** – ровные, с вогнутой прорезью. Бляха снабжена прорезью, верхний край которой прогнут. Размеры: 2,8x2,3 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Борковский Елбан-6, мог. **Вариант в** – ровные, с прямой прорезью и растительным орнаментом. Размеры: 2,3x1,6 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Гилевское водохранилище. **Вариант г** – ровные, с фигурно-скобчатой прорезью и растительным орнаментом. Размеры: 2–2,4x1,7–1,8 см. Всего 2 экз. от двух поясов: Гилево-I, курган №2 (1), Нечунаевский Елбан-2, мог. 1 (1). **Вариант д** – фестончатые, с фигурно-скобчатой прорезью и геометрическим орнаментом. Размеры: 1,6–2,5x1,2–2,2 см. Всего 17 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1. **Вариант е** – заостренные, с фигурно-скобчатой прорезью и растительным орнаментом. Верхний край бляхи посередине снабжен острым выступом. Размеры: 2,2–2,3x1,4–1,5 см. Всего 3 экз. от одного пояса: Сростки-I, курган №2 – 1930 г.

Тип 5. Сердцевидные. Форма бляхи напоминает условное изображение сердца. **Вариант а** – фестончатые, с округлой прорезью. Размеры: 1,6x1,5 см. Всего 5 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1. **Вариант б** – ровные, с округлой прорезью. Размеры: 1,9x1,6 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Гилево-XII, курган №1.

Раздел II. Сплошные. Корпус бляхи-накладки представляет собой монолитное изделие.

Отдел I. Рельефные.

Тип 6. Четырехугольные. **Вариант а** – равно-фестончатые, с геометрическим орнаментом. Боковые стороны изделия оформлены фестонами, верхний и нижний края прямые. Размеры: 1,7x1,5 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Ивановка-III, курган №1. **Вариант б** – ровные, с дугообразным выступом по нижнему краю и геометрическим орнаментом. Размеры: 2x1,3 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Ивановка-III, курган №1. **Вариант в** – ровные, с дугообразным выступом и выемкой по верхнему и нижнему краю, с геометрическим или растительным орнаментом. Размеры: 1,4–2,2x1,2–2 см. Всего 7 экз. от трех поясов: Шадринцево-1, курган №1, мог. 3 (3), Гилево-VII, курган №4, мог. 2 (2), Ивановка-III, курган №1 (2).

Тип 7. Пятиугольные. **Вариант а** – ровные, с V-образной выемкой по верхнему краю и растительным орнаментом. Размеры: 2,1x1,2 см. Всего 3 экз. от двух поясов: Екатерининка-3, курган №3 (1), Гилево-VII, курган №4, мог. 2 (2). **Вариант б** – фестончатые, с ровным нижним краем и геометрическим орнаментом. Размеры: 2,2x1,8 см. Всего 2 экз. от одного пояса: Шадринцево-1, курган №1, мог. 3 (2). **Вариант в** – фестончатые, с дугообразной выемкой по верхнему краю и геометрическим орнаментом. Размеры: 1–2,1x0,9 см. Всего 8 экз. от двух поясов: Сростки-I, курган №2 – 1930 г. (6), Гилево-V, курган №6 (2). **Вариант г** – фестончатые, с фигурно-скобчатой выемкой по верхнему краю и растительным орнаментом. Размеры: 2x1,6 см. Всего 5 экз. от одного пояса: Гилево-VII, курган №4, мог. 2.

Тип 8. Сегментовидные. Форма бляхи аналогична типу 4, но прямой стороной обращена вверх. **Вариант а** – ровные. Размеры: 1,7–2,2x1–1,6 см. Всего 5 экз. от трех поясов: Иня-1, курган №9, мог. 2 (1), курган №16, мог. 1 (3), Гилево-XII, курган №1 (1). **Вариант б** – ровные, с растительным орнаментом. Размеры: 1,8x1,3 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Гилевское водохранилище. **Вариант в** – заостренные. Нижний край бляхи имеет фигурно-скобчатое заострение. Размеры: 1,3x1 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Сростки-I, курган №2 – 1925 г. **Вариант г** – обратно-фестончатые. Бортики бляхи оформлены полукруглыми выемками. Размеры: 1,3–1 см. Всего 4 экз. от двух

поясов: Сrostки-I, курган №2 – 1925 г. (2), курган №2 1930 г. (2). **Вариант д** – фестончатые, с геометрическим орнаментом. Размеры: 2x1,3 см. Всего 7 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1. **Вариант е** – фестончатые. Размеры: 2,1x1,1 см. Всего 2 экз. от одного пояса: Солонцы-4, курган №1.

Тип 9. Месяцевидные. Абрис бляхи отдаленно похож на месяц, но сторона, противоположная вырезу, заострена. **Вариант а** – ровные. Размеры: 1,5–2x1,2–1,9 см. Всего 12 экз. от трех поясов: Иня-1, курган №3, мог. 1 (2), курган №28 (5), Кураевка-I, курган №1 (5). **Вариант б** – ровные, с растительным орнаментом. Размеры: 1,9x1,7 см. Всего 2 экз. от одного пояса: Гилевское водохранилище. **Вариант в** – фестончатые. Размеры: 2,1x1,7 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №13. **Вариант г** – фестончатые, с геометрическим орнаментом. Размеры: 1,9x1,5 см. Всего 5 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1.

Тип 10. Сердцевидные. **Вариант а** – ровные. Размеры: 1,5–1,8x1,2–1,6 см. Всего 60 экз. от 13 поясов: Иня-1, курган №16, мог. 1 (8), Сrostки-I, курган №2 – 1925 г. (11), курган №2 – 1930 г. (9), Белый Камень, курган №1 (12), Гилево-II, курган №3 (3), Гилево-V, курган №5 (1), Гилево-VI, курган №5 (2), Ивановка-XXVI, курган №1, мог. 1 (1), Кураевка-I, курган №1 (2), Чинета-2, курган №7 (8), Архангельское, курган №2 (1), Ивановка-XXIV, курган №2 (1), Барчиха, курган, мог. 2 (1). **Вариант б** – ровные, с nervюрой. Размеры: 1,8–1,9x1,4–1,7 см. Всего 2 экз. от двух поясов: Чингис-2, курган №3, мог. 1, Шадринцево-1, курган №1, мог. 4 (1). **Вариант в** – ровные, с растительно-геометрическим орнаментом. Размеры: 1,3–1,7x1,2–1,4 см. Всего 8 экз. от трех поясов: Екатериновка-3, курган №4 (1), Гилево-VII, курган №4, мог. 2 (6), Гилево-XIII, курган №5 (1). **Вариант г** – фестончатые, с растительным орнаментом. Размеры: 1,5–1,8x1,4–1,8 см. Всего 8 экз. от трех поясов: Гилево-XII, курган №2, Ивановка-III, курган №1 (2), Ивановка-III, курган №2 (5).

Тип 11. V-образные. Форма бляхи напоминает латинскую букву «V». **Вариант а** – ровные, с геометрическим орнаментом. Размеры: 1,4x0,7 см. Всего 2 экз. от одного пояса: Чингис-2, курган №1 (2). **Вариант б** – ровные, с округлыми выступами. Размеры: 1,1–2,1x0,6–1,2 см. Всего 16 экз. от трех поясов: Дмитротитово, курган (6), Корболиха-X, курган №1, мог. 1 (2), Солонцы-4, курган №1 (8).

Тип 12. Лепестковые. Форма изделия похожа на раскрывшийся бутон цветка с четко выделенными лепестками. **Вариант а** – с четырьмя лепестками. Размеры: 1–2x1–1,7 см. Всего 4 экз. от трех поясов: Иня-1, курган №16, мог. 1 (2), Сrostки-I, курган №2 – 1925 г. (1), Гилево-XII, курган №5 (1). **Вариант б** – с шестью лепестками. Размеры: 1–1,8x1–1,8 см. Всего 161 экз. от 10 поясов: Сrostки-I, курган №2 – 1925 г. (48), курган №2 – 1930 г. (27), Екатериновка-3, курган №3 (1), Гилево-XII, курган №2 (1), Ивановка-III, курган №1 (5), Ивановка-III, курган №2 (3), Камень-II, курган №13, мог. 3 (70), Поповская Дача, курган, мог. 4 (5), Займище, курган №7, мог. 3 (1). **Вариант в** – с семью лепестками. Размеры: 1,4–1,7x1,4–1,7 см. Всего 16 экз. от четырех поясов: Сrostки-I, курган №2 – 1930 г. (13), Шадринцево-1, курган №1, мог. 4 (1), Змеевка, курган №3, мог. 2 (1), Барчиха, курган, мог. 1 (1). **Вариант г** – с восемью лепестками. Размеры: 1,3–1,9x1,3–1,9 см. Всего 11 экз. от четырех поясов: Гилево-V, курган №6 (2), Чинета-2, курган №7 (5), Гилево-XIII, курган №5 (1), Гилево-XV, курган №5 (3).

Тип 13. Округлые. Абрис бляхи образует круг. **Вариант а** – ровные. Размеры: 1–2x1–1,7 см. Всего 71 экз. от восьми поясов: Сrostки-I, курган №2 – 1925 г. (2), кур-

ган №2 – 1930 г. (56), Гилево-VI, курган №5 (3), Гилево-VII, курган №4, мог. 2 (1), Гилево-XII, курган №4, мог. 1 (1), Поповская Дача, курган, мог. 4 (5), Рогозиха-I, курган №10, мог. 3 (2), Змеевка, курган №5 (1). **Вариант б** – ровные, с растительно-геометрическим орнаментом. Размеры: 1–2х1–2 см. Всего 86 экз. от 10 поясов: Сростки-I, курган №2 – 1930 г. (23), Гилево-IV, курган №1 (1), Гилево-IX, курган №6 (2), Кураевка-I, курган №1 (5), Гилево-VII, курган №4, мог. 2 (20), Гилево-XII, курган №2 (11), Гилево-XIII, курган №5 (3), Ивановка-III, курган №1 (5), Ивановка-III, курган №2 (15), Грань, курган (1).

Тип 14. Ромбовидные. Абрис бляхи имеет форму ромба, стороны которого преломляются посередине. **Вариант а** – фестончатые. Размеры: 1,7х1,4 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1.

Тип 15. Биоморфные. Своим контуром бляха передает изображение рыбы или зверя. **Вариант а** – с парой рыб. Очертания бортиков и углубление в центральной части бляхи образуют силуэты двух рыб с четко выделенной головой, плавником, хвостом. Размеры: 1,4х1,2 см. Всего 1 экз. от одного пояса: Иня-1, курган №16, мог. 1. **Вариант б** – с головой медведя. Бортики снабжены выступами, образующими уши и нос медведя, завитки в центральной части бляхи похожи на глаза. Размеры: 1,7х1,6 см. Всего 3 экз. от одного пояса: Гилево-XV, курган №5.

Группа II. Железные. Всего 67 блях-накладок, изготовленных из железа.

Разряд I. Шпеньковые.

Раздел I. Прорезные.

Отдел II. Плоские. В сечении корпус бляхи-накладки близок удлинённому прямоугольнику.

Тип 16. Четырехугольные. **Вариант а** – ровные, с прямой прорезью. Размеры: 2,6–3,5х2,3–3 см. Всего 27 экз. от четырех поясов: Иня-1, курган №2, мог. 1 (7), курган №23, мог. 1 (5), курган №27, мог. 1 (12), Чингис-2, курган №3, мог. 1 (3).

Тип 17. Сегментовидные. **Вариант а** – ровные, с прямой прорезью. Размеры: 2,4–3,4х1,7–2,7 см. Всего: 15 экз. от 6 поясов: Иня-1, курган №15 (1), курган №20, мог. 1 (5), курган №23, мог. 1 (1), курган №27, мог. 1 (2), Чингис-2, курган №3, мог. 1 (5), курган №7 (1).

Раздел II. Сплошные.

Отдел II. Плоские.

Тип 18. Четырехугольные. **Вариант а** – ровные. Размеры: 1,7–4х1,6–3 см. Всего 17 экз. от шести поясов: Иня-1, курган №3, мог. 1 (6), курган №7 (1), курган №13 (2), Чингис-2, курган №3, мог. 1 (2), Филин-I, курган №1 (4), Змеевка, курган №3, мог. 2 (2).

Тип 19. Сердцевидные. **Вариант а** – ровные. Размеры: 2,2–2,4х1,7–2,3 см. Всего 8 экз. от четырех поясов: Иня-1, курган №2, мог. 1 (2), курганы №15 (2), №20, мог. 1 (2), Чингис-2, курган №3, мог. 1 (2).

В результате систематизации материала выделено две группы, один разряд, два раздела, два отдела и 19 типов, дополненных 53 вариантами.

Типология. Рассмотрим развитие блях-накладок в рамках периодизации, разработанной для памятников сросткинской культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001). На раннем инском этапе (2-я половина VIII – 1-я половина IX в.) преобладают бляхи-накладки, изготовленные из цветных металлов (105 экз.), но значительна доля и железных изделий (61 экз.). Основу поясов составляют прорезные бляхи типов 1а, 1б, 4а, 4д, 16а, 17а (рис. 1). Из них экземпляры с прямой прорезью (типы 1а, 4а, 16а, 17а)

восходят к тюркской традиции. Такие бляхи появляются на тюркских поясах в середине VII в. и особенно характерны для периода II Восточно-Тюркского каганата (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.). С этого времени они получили широкое распространение у многих народов, испытавших тюркское влияние (Гаврилова А.А., 1965, с. 64–65; Распопова В.И., 1980, с. 108; Савинов Д.Г., 1984, с. 126). Их доминирование на раннем этапе сросткинской культуры хорошо согласуется с переселением части тюрок в Лесостепной Алтай и образованием здесь новой культурной общности (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). В середине VIII в. начинается усложнение декора четырехугольных и сегментовидных блях. Появляются фигурно-скобчатые и вогнутые прорезы, фестончатые бортики, пяти- и семиугольная форма корпуса, что наблюдается и на сросткинских изделиях типов 1б, 2а, 3а, 4б, 4д (рис. 1).

С тюркским наследием следует также связывать бытование на инском этапе сплошных блях типов 8а, 9а, 10а, б, 11а, 12а, 18а, 19а (рис. 1). Из них сегментовидные экземпляры традиционно служили для украшения подвесных ремешков под прорезными бляхами, а месяцевидные – для украшения свободного окончания ремня перед наконечником. Их развитие шло от ровных форм (типы 8а, 9а) к фестончатым (типы 8д, 9в, г). Сердцевидные бляхи (типы 10а, б, 19а) чаще всего применялись в составе стрелковых поясов, скрепляя ремни с распределителями, но иногда занимали место месяцевидных. В этом плане показателен тип 5а, имеющий черты и тех и других. Вероятно, местное происхождение имеет накладка подвесного ремня в виде пары рыб (тип 15а). Во всяком случае, данный сюжет характерен для целого ряда сросткинских бронзовых изделий, включая наконечник ремня, подвеску, игольники из памятников 2-й половины VIII – 1-й половины XI в. (Уманский А.П., Неверов С.В., 1982, рис. 7; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 5.-4; Могильников В.А., 2002, рис. 144.-4; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004, рис. 1.-1). В целом для инских блях-накладок характерна гладкая центральная часть, лишь немногие типы снабжены крупным геометрическим орнаментом с зооморфными чертами (4д, 8д, 9г, 11а) или нервюрой (3а, 10б).

Поясные наборы грязновского этапа (2-я половина IX – 1-я половина X в.) содержат бляхи-накладки исключительно из цветных металлов (296 экз.). Разнообразие прорезных изделий по-прежнему велико, но их количество в составе пояса резко уменьшается. Продолжают использоваться четырехугольные и сегментовидные бляхи с прямой прорезью, месяцевидные и сердцевидные образцы (типы 1а, 4а, 9а, 10а). Однако гораздо больше блях со сложным декором: фигурные скобы на прорезях и бортиках, фестоны, заостренные выступы (типы 1в–е, 2б, 4в, 4г, 4е, 8в, 8г). Кроме того, на значительную часть предметов наносится растительная и геометрическая орнаментация (типы 1в, 1д, 1е, 2б, 4в, 4г, 4е, 8б, 9б, 10в). Размеры прорезных блях-накладок имеют отчетливую тенденцию к уменьшению (рис. 1). Наряду с этим появляются новые типы: сплошные пятиугольные и округлые (7а, 7в, 13а, 13б). Последние весьма многочисленны и являются одной из ведущих форм поясных украшений грязновского этапа. Они очень похожи на гладкие уздечные (тип 13а) и геометрические поясные (тип 13б) бляхи из Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXXI), но хронологический разрыв между ними составляет 200 лет. Близкие по форме украшения есть на поясах с фресок Пенджикента, но их реальные воплощения также датируются 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. (Распопова В.И., 1980, с. 98, рис. 67, 68.-1).

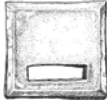

Тип	Вариант	Инской этап 2 п. VIII – 1 п. IX в.	Грязновский этап: 2 п. IX – 1 п. X	Шадринцевский этап 2 п. X – 1 п. XI	Змеевский этап 2 п. XI–XII
1	а				
	б				
	в				
	г				
	д				
	е				
2	а				
	б				
3	а				
4	а				
	б				
	в				
	г				
	д				
	е				
5	а				
	б				

Рис. 1. Типолого-хронологическая схема блях-накладок сrostкинской культуры

Тип	Вариант	Инской этап 2 п. VIII – 1 п. IX в.	Грязновский этап 2 п. IX – 1 п. X в.	Шадринцевский этап 2 п. X – 1 п. XI в.	Змеевский этап 2 п. XI – XII в.
6	а				
	б				
	в				
7	а				
	б				
	в				
	г				
8	а				
	б				
	в				
	г				
	д				
	е				
9	а				
	б				
	в				
	г				

Рис. 1. Типолого-хронологическая схема блях-накладок сrostкинской культуры (продолжение)

Тип	Вариант	Инской этап 2 п. VIII – 1 п. IX в.	Грязновский этап 2 п. IX – 1 п. X в.	Шадринцевский этап 2 п. X – 1 п. XI в.	Змеевский этап 2 п. XI – XII в.
10	а				
	б				
	в				
	г				
11	а				
	б				
12	а				
	б				
	в				
	г				
13	а				
	б				
14	а				
15	а				
	б				
16	а				
17	а				
18	а				
19	а				

Рис. 1. Типолого-хронологическая схема блях-накладок сrostкинской культуры (окончание)

Еще более значительна в грязновских памятниках доля лепестковых блях (тип 12). Нам они представляются продуктом местного развития, восходящим к четырехлепестковым образцам тюркской гарнитуры кудыргинского круга (Гаврилова А.А., 1965, табл. XII.-2, XIX.-2, XX.-34, XXIV.-4–5). У населения сrostкинской культуры бляхи с четырьмя лепестками (тип 12а) преобразовались в изделия с шестью, семью и восемью лепестками (тип 12б–г), став самыми популярными украшениями мужских поясов, которые постепенно вытеснили прорезные бляхи-накладки.

На шадринцевском этапе (2-я половина X – 1-я половина XI в.) продолжают господствовать бляхи-накладки из цветных металлов (196 экз.). Отдельные предметы восходят еще к инскому наследию (типы 5б, 8а, 10б, 12а), но в целом господствуют формы, выработанные на предыдущем этапе (рис. 1). Разнообразнее становятся пятиугольные бляхи (тип 7а, 7б, 7г), очевидно, их разновидностью являются четырехугольные изделия столь же сложных форм (тип 6). Ведущими элементами поясной гарнитуры выступают лепестковые (тип 12б–г), округлые (тип 13) и сердцевидные (тип 10в, 10г) предметы. Большинство их украшено геометрическим и растительным орнаментом. Оригинальны изделия в виде головы медведя (тип 15б), не имеющие аналогов среди других произведений сrostкинского декоративно-прикладного искусства. Возможно, их проявление связано с самодийским компонентом сrostкинского объединения. Наблюдается незначительное возвращение к железному материалу (4 экз.). По форме такие бляхи копируют инские образцы (тип 18а).

Поздний змеевский этап (2-я половина XI – XII в.) представлен весьма небольшим числом находок. Это бляхи-накладки из цветных металлов (14 экз.) и железа (2 экз.). Среди них присутствуют основные, но упрощенные формы предыдущего этапа (типы 10а, 12в, 13а), а также некоторые менее массовые типы (8е, 11б, 18а). В целом количество поясов, снабженных бляхами-накладками, в змеевских памятниках заметно уменьшается. Создается впечатление о постепенном угасании традиции изготовления поясной гарнитуры декоративного значения.

Библиографический список

- Алехин Ю.П. Курьинский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 58–88.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Комплексное изучение поясных наборов сrostкинской культуры // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 264–268.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 163–191.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 139 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 410–415.
- Уманский А.П., Неверов С.В. Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. 1982. №2. С. 176–183.

А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков

*Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

**ПРЕДМЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ
ИЗ РАСКОПОК БУГРОВЩИКОВ НА АЛТАЕ И В ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ, СОБРАННЫЕ ЕВРОПЕЙСКИМИ УЧЕНЫМИ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ В 1-й ПОЛОВИНЕ XVIII в.***

Важной частью предметного комплекса культур кочевых народов Саяно-Алтая и Центральной Азии эпохи средневековья являются художественно оформленные изделия из цветных и благородных металлов. Среди предметов торевтики средневековых кочевнических культур преобладают металлические детали конской сбруи и воинских наборных поясов, женские украшения, детали декоративного оформления наступательного и защитного оружия. Богато украшенные предметы декоративно-прикладного искусства играли в кочевом обществе важную роль социальных маркеров, выделяя из всей предметной сферы социально значимые, престижные вещи и атрибуты, характерные для военно-дружинной субкультуры и правящей элиты кочевого общества. Поскольку многие орнаментальные сюжеты кочевнической торевтики являются заимствованными, а сами предметы изготавливались для кочевников в городских и ремесленных центрах стран Востока, находки таких вещей могут служить показателем торговых и культурных связей и этнокультурного взаимодействия кочевой и оседло-земледельческой и урбанистической цивилизаций.

Однако предметы торевтики далеко не всегда попадали в музейные собрания в результате раскопок, проводившихся квалифицированными специалистами-археологами. Многие вещи, представляющие несомненный интерес для научного изучения, были обнаружены случайно на поверхности или в результате землеройных работ. В последние десятилетия в связи с развитием грабительских раскопок и кладоискательства так называемыми черными археологами, подобные художественные металлические изделия становятся объектами купли-продажи и безвозвратно утрачиваются для науки. Однако в силу особенностей технологии своего изготовления и декоративного оформления даже случайно найденные предметы торевтики могут быть подвергнуты анализу и введены в научный оборот.

В качестве источника для изучения истории развития торевтики, как одного из направлений декоративно-прикладного искусства, в кочевом мире в средние века могут быть использованы не только результаты раскопок памятников средневековых кочевников и музейные коллекции, но и материалы, собранные и введенные в научный оборот предшествующими поколениями ученых и собирателей древностей в начальный период становления археологической науки в России и Сибири в XVIII в. Привлечение этих данных имеет важное значение не только для знания истории исследования и понимания степени изученности художественного металла в рамках конкретных кочевнических культур, но и для обеспечения необходимой полноты и разнообразия анализируемого материала, поскольку многие найденные в прошлом предметы торевтики

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Рособразования (проект РНП 2.2.1.1/1822 и ЗН-5-09).

являются в полной мере уникальными археологическими находками и в ходе дальнейших раскопок не встречались. Многие интересные находки, полученные в результате сборов в XVIII в. и даже XIX в., в силу превратностей хранения в составе музейных собраний и частных коллекций до настоящего времени не сохранились, поэтому судить о них можно только по имеющимся описаниям и рисункам. Как показали опыты предшествующего анализа, предпринятого авторами настоящей статьи, такие материалы вполне поддаются атрибутированию и могут быть использованы в качестве полноценного источника для характеристики торевтики и всего предметного комплекса культур средневековых кочевников Центрально-Азиатского региона (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 7).

Отдельные предметы средневековой торевтики из грабительских раскопок бугровщиков попадали в поле зрения ученых еще в период присоединения южных районов Сибири к Российскому государству. Хотя большая часть находок «могильного золота» была разделена и переплавлена бугровщиками, некоторые изделия попадали в руки знающих людей. В конце XVII в. значительную и очень ценную коллекцию художественных изделий из металла из сибирских курганов собрал известный голландский коммерсант, администратор и ученый Н.К. Витзен. В его обширном труде о Сибири, материалы для которого он приобретал в течение всей своей жизни, приведены отдельные сведения о некоторых находках предметов средневековой торевтики в «татарских могилах». Еще большую ценность представляют художественно выразительные и в то же время очень точные рисунки вещей из состава собранной им коллекции. Среди собранных этим ученым археологических находок имеются и средневековые изделия из драгоценных металлов. Достаточно подробно Н.К. Витзенем были описаны обстоятельства нахождения серебряных браслетов, ожерелья и чаши в разрушенном захоронении у Самарова Яма близ устья р. Иртыш сибирским воеводой, боярином Ф.А. Головиным в 1688 г. Вероятно, эти сведения были получены Н.К. Витзенем от самого боярина, который приезжал в Голландию в составе российского «великого посольства». Особое внимание исследователя привлекла подаренная ему серебряная чаша из этого захоронения, которую он подробно описал и попытался дать свое объяснение изображенной на дне сосуда композиции. Согласно его описанию, этот сосуд «совершенно круглый, в виде полушара, весом около 25 гульденов серебра, величиной в поперечине полпяди». К сосуду «приделано колечко очень изящной работы». В центральном медальоне изображены две человеческие фигуры, одна из них со щитом, другая со стрелой, за которыми «маленькие человеческие фигуры, одетые в пеструю мохнатую одежду, да несколько животных, а именно олени» (Зиннер Э.П., 1968, с. 30–31). Этот сосуд изображен на одном из рисунков в третьем издании книги Н.К. Витзена. Чаша имеет прямой венчик, сферическое тулово и уплощенное дно. К венчику с помощью шарнирного соединения прикреплена боковая ручка в виде витого кольца, украшенного полосками зерни. Вероятно, шарнирное соединение позволяло менять положение ручки по отношению к тулову сосуда, загнать ее внутрь, чтобы удобнее можно было носить в чехле. Однако чаша изображена на рисунке в таком ракурсе, что центральный медальон и многофигурная композиция не просматриваются (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, рис. 11). Описание захоронения и обнаруженных в нем украшений и бытовой утвари в сочетании с изображением серебряной чаши могут служить основанием для определения хронологии данного памятника эпохой развитого средневековья.

Значительный интерес для археологической науки в коллекции Н.К. Витзена представляют предметы поясного набора, в составе которого имеются богато орнаментированные бляхи, украшенные растительным узором со вставками из цветных камней. У двух блях имеются кольца для подвешивания повседневных принадлежностей, например, ножа в ножнах и кресала. Подобные бляхи были характерны для парадных поясов монгольской аристократии в эпоху позднего средневековья. В составе этой коллекции имеется округлая, выпуклая, сферическая бляха, окаймленная по периметру двойным кантом, на поверхности которой выделены фигуры, напоминающие стилизованные изображения солнца, луны и другие буддийские символы (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 53; рис. 12).

Вполне вероятно, что в состав коллекции Н.К. Витзена эти вещи могли попасть из Прииртышья, территория которого входила в XVII в. в состав Джунгарского ханства. Несмотря на то, что в последующие столетия изучение археологических памятников, в том числе объектов, относящихся к эпохе позднего средневековья, в Западной Сибири, откуда происходит основная часть находок из коллекции Н.К. Витзена, велось весьма активно, подобных вещей в дальнейшем не находили и введенные им в научный оборот предметы остаются уникальными и поныне.

Среди собранных голландским ученым нумизматических материалов имеются монеты с чеканенными на обеих сторонах арабскими надписями (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, рис. 11). Трудно сказать, пригодны ли их прорисовки для определения времени и места чекана. Судить об этом могут специалисты по средневековой восточной нумизматике. Вероятнее всего, эти находки происходят из памятников культуры сибирских татар и должны относиться к эпохе позднего средневековья.

Состав археологических находок из коллекции, сформированной Н.К. Витзеном, достаточно своеобразен. Он имеет определенные отличия от подобных коллекций, собранных учеными и путешественниками XVIII в. в Сибири. В этом собрании присутствуют разнообразные предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, характерные для скифоидных культур Средней и Центральной Азии; изделия полихромного стиля, типичные для саргатской культуры; античные и средневековые монеты; предметы торевтики эпохи развитого и позднего средневековья; но отсутствуют предметы поясной и сбруйной фурнитуры, свойственные для памятников сросскинской и других культур раннего средневековья. Такой состав находок может быть свидетельством того, что в период, когда собирались эти вещи, памятники сросскинской культуры еще не стали объектом грабежа со стороны бугровщиков, а зона бугрования охватывала Зауралье и Среднее Прииртышье.

В начале XVIII в. ситуация в этом отношении существенным образом изменилась. В состав Российского государства были включены южные районы Западной Сибири и Минусинская котловина. В 1714–1719 гг. в результате деятельности военных экспедиций, посланных царем Петром I на поиски «калмыцкого песошного золота» в Восточный Туркестан, российские укрепленные форпосты появились в Среднем и Верхнем Прииртышье. В это время возросла активность бугровщиков, которые стали грабить памятники, ранее им недоступные. Однако именно в это время в России были предприняты первые попытки запретить грабительские раскопки и сохранить найденные вещи в качестве культурного наследия.

В этом отношении коллекция сибирских древностей, собранная Н.К. Витзеном, в составе которой преобладали ювелирные художественные изделия, также сыграла определенную позитивную роль в истории развития археологии в России, поскольку вызвала большой

интерес у царя Петра I. После ознакомления с этой экспозицией он издал свои знаменитые указы и распоряжения о запрете грабительских раскопок, сдаче найденных вещей в казну, организации Кунсткамеры и отправке первой научной экспедиции в Сибирь.

После издания царских указов сибирским губернатором князем М.П. Гагариным и горнозаводчиком Н.А. Демидовым были присланы в Санкт-Петербург, в дар императору и императрице, большие коллекции «могильного золота» из земли «древних поклаж», которые составили основу «сибирской коллекции» Эрмитажа. В составе собрания М.П. Гагарина, наряду с предметами скифо-сибирского звериного стиля, были представлены средневековые золотые и серебряные сосуды и другие изделия (Завитухина М.П., 1977, с. 42–43, 51).

Благодаря усилиям ученых и любителей древностей некоторые сведения о внутреннем устройстве раскопанных в первые десятилетия XVIII в. на территории Алтая и юга Западной Сибири курганов и рисунки найденных вещей были сохранены для науки.

В начале XVIII в. по территории Западной Сибири пролегал путь российского посольства в Китай, в составе которого был англичанин Д. Белл. В 1719 г. он был проездом в Томске, где узнал от бугровщиков о находках древностей в ограбленных ими могилах. По их сведениям, в степях, лежащих в восьми-десяти днях пути на юг от Томска, находятся «могилы и захоронения древних героев», в ходе грабительских раскопок которых «много людей из Томска и других мест» находили «среди мертвых останков значительное количество золота, серебра, меди и различных драгоценных камней, а иногда и части рукояток мечей и доспехов». Д. Белла заинтересовала бронзовая бляшка с изображением «вооруженного человека на коне непонятного назначения и происхождения» (Зиннер Э.П., 1968, с. 51–52). Вероятнее всего, это была подвесная бляшка с изображением всадника, характерная для памятников сросткинской культуры Верхнего Приобья, Степного Алтая и Прииртышья. По словам Д. Белла, солдаты, побывавшие в Прииртышье, нашли там на развалинах заброшенных джунгарских ламаистских монастырей немало тибетских буддийских рукописей, которые они продавали в Тобольске заезжим иностранцам. Сам он приобрел у одного солдата, за «небольшую сумму», целую связку таких рукописей, которую затем вывез в Англию и подарил ученому антиквару Г. Слоуну (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997, с. 132).

Одним из самых ранних собраний изделий художественного металла с территории Рудного Алтая, в составе которого имелись предметы буддийской культовой пластики, была Аблайкитская коллекция, привезенная в Санкт-Петербург и подаренная Петру I в 1720 г. начальником российской военной экспедиции в Яркенд И.М. Лихаревым. В составе этой коллекции были две бронзовые статуэтки, изображающие персонажей буддийского божественного пантеона, сидящих на постаменте в виде лотоса. Одна из этих статуэток была позднее определена в качестве изображения ламаистской богини Зеленой Тары и датирована XVII в. (Княжецкая Е.А., 1989, с. 30). Эта датировка соответствует периоду существования ламаистского монастыря Аблай-кит в верховьях Иртыша, на развалинах которого данные находки могли быть обнаружены собирателем начала XVIII в. (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997, с. 131). Находки статуэток и собранных на развалинах Аблай-кита буддийских рукописей вызвали неподдельный интерес у царя Петра I. По его поручению описания и рисунки статуэток были доставлены И.Д. Шумахером в Париж, где были опубликованы известным французским ученым Б. Монфоконом (Княжецкая Е.А., 1989, с. 29). Это была первая в истории археологической науки публикация коллекции древностей из России (Формозов А.А., 1986, с. 29).

Целенаправленный сбор археологических коллекций с предметами торевтики из памятников древних и средневековых кочевников на территории Западной и Южной Сибири и первые попытки их осмысления берут свое начало со времени проведения первых научных экспедиций XVIII в. Первым ученым, направленным в Сибирь с целью всестороннего изучения этой части Российской империи, был специально приглашенный из Дании доктор Д.Г. Мессершмидт. В числе поставленных перед ним задач был и сбор сибирских древностей для Кунсткамеры. В ходе поездки по территории Западной и Южной Сибири Д.Г. Мессершмидту и включенному в состав экспедиции пленному шведскому офицеру Ф.И. Страленбергу удалось собрать значительную коллекцию древностей и открыть памятники неизвестной ранее письменности, получившей, по сходству начертания букв с древнегерманскими рунами, название «рунической» (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 69–72). Упоминания о некоторых древностях, приобретенных Д.Г. Мессершмидтом, и сведения о грабительских раскопках бугровщиков содержатся в его путевом дневнике. По пути через Барабинскую лесостепь им были приобретены у местных жителей старинные вещи. В их числе была серебряная чаша и золотые серьги, которые могут относиться к эпохе средневековья. От людей, продавших путешественнику эти вещи, он узнал, что многие местные жители занимаются грабежом древних могил, в которых находят золотые, серебряные, бронзовые и железные предметы. По словам одного из крестьян, на р. Порош, правом притоке Оби, «находили много железа». Там же должны быть «каменные бабы» (Messerschmidt D.G., 1962, s. 52–54, 75–76). Вероятно, эти сведения должны относиться к территории Алтая и Верхнего Прииртышья, поскольку в Приобье нет каменных изваяний. Далее Д.Г. Мессершмидт совершил поездку по Кузнецкой и Минусинской котловинам и побывал в Саянских горах, где также описывал, зарисовывал и приобретал древности (Новлянская М.Г., 1970, с. 29–48). После возвращения из многолетней экспедиции собранные им археологические материалы были переданы в Кунсткамеру. Часть находок была зарисована для альбома «Сибирские курьезы». Многие интересные находки не были описаны в дневнике. Сами экспонаты погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. Лишь отдельные вещи были опубликованы в 1730 г. Ф.И. Страленбергом. Среди них имеются предметы средневековой торевтики. Наибольший интерес представляет собой «кубок Мессершмидта», точнее широкогорлый плоскодонный кувшин, украшенный гравированным орнаментом, обнаруженный на территории Южной Сибири. На широком орнаментальном поле, охватывающим почти всю поверхность тулова, изображена охота всадников-лучников на различных животных. В сочинении Ф.И. Страленберга приведен рисунок внешнего вида и развертка орнаментальной композиции по всей поверхности этого сосуда (Strahlenberg I.P., 1975, tab. III.-e; IV.-a–b). Это позволило ученым точно атрибутировать находку в качестве изделия китайских торевтов эпохи династии Тан (Евтюхова Л.А., 1948, с. 49, 52). В 1730-х гг. этот сосуд был еще раз зарисован художниками рисовальной палаты, однако на данном изображении детали рисунка четко не просматриваются. Еще одна очень редкая находка – металлическое зеркало. Обратная сторона изделия украшена тремя радиальными орнаментальными полосами, центральная из которых заполнена стилизованными растительными завитками, средняя полоса – бегущими по кругу хищными и травоядными животными на фоне извивающихся побегов виноградной лозы, внешняя – надписью арабским куфическим шрифтом (Strahlenberg I.P., 1975, tab. IX). По определению Б. Брентьеса, на этом рисунке изображено «исламское зеркало», изготовленное в северном Иране в период господства Сельджуков (Brentjes B.,

1986, s. 6). Вероятно, к эпохе раннего средневековья может относиться округлая бляха с бородатой человеческой личиной в центре. На ее обратной стороне показаны две перекрещенные планки (Strahlenberg I.P., 1975, tab. III.-d). Этот рисунок похож на бляшки с изображением человеческих личин, представленные в предметном комплексе сросскинской и кыргызской культур (Худяков Ю.С., 1998, с. 55, 59). В коллекции «куриозных вещей», приобретенных Д.Г. Мессершмидтом на территории Западной или Южной Сибири, было значительное количество металлических предметов поясной и сбруйной гарнитуры, характерной для культур кочевников эпохи раннего средневековья. В составе этой части коллекции исключением может быть только одна находка, напоминающая ложечковидную застежку хуннского времени. На одной из таблиц альбома «Сибирские куриозы» художниками рисовальной палаты были зарисованы пряжки, бляшки, накладки и наконечники ремней разных форм с разнообразной орнаментацией. Среди них есть пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и неподвижным щитком. На щитках нескольких пряжек имеется растительный орнамент в виде изгибающихся побегов виноградной лозы. Две пряжки имеют уплощенную сердцевидную рамку. Несколько пряжек с овальной рамкой не орнаментированы. Форма одной из пряжек с язычком на вертлюге характерна для подпружных ремней сбруи. В составе коллекции несколько бляшек, накладок и наконечников ремней прямоугольной формы, один конец которых приострен, а другой вогнут. Пропорции этих предметов различны. Некоторые из них не имеют орнамента. Однако большая часть таких вещей орнаментирована изображениями побегов виноградной лозы, иногда с гроздьями, раскрывающимися бутонами цветов, вертикальными полосами с насечками, ячеистым орнаментом. Несколько бляшек имеет сердцевидную форму. Они украшены побегами с завитками, распускающимся бутонем, удлиненными листьями, цветком смоквы. Отдельные бляшки украшены сердцевидными, приостренными и шаровидными выступами. Б. Брентъес и К.С. Васильевский отнесли эти находки к культуре тюрок и сельджуков VII–XI вв. (Brentjes B., Vasilievsky R.S., 1989, s. 160–161). Однако, если учитывать район, где эти находки были обнаружены, то вероятнее всего, большая часть из них должна происходить из памятников сросскинской культуры с территории Приобья и Прииртышья. Эта коллекция торовтики могла быть приобретена у бугровщиков в то время, когда маршрут экспедиции проходил по Западной Сибири. На этой же территории в составе коллекции Д.Г. Мессершмидта могли оказаться западноевропейские бронзовые водолеи и серебряные монеты с арабскими надписями (Brentjes B., Vasilievsky R.S., 1989, s. 23, 25, 171).

В 1730-х гг. на территории Верхнего Приобья и Прииртышья участниками Великой Северной экспедиции Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным была собрана коллекция предметов средневековой торовтики, которые были зарисованы экспедиционным художником И.В. Люрсениусом. Хотя раскопки могил в окрестностях Аблай-кита не принесли подобных находок, у местных жителей участники экспедиции смогли приобрести весьма ценные вещи. В составе этой коллекции имеются ажурные подвесные бляхи с изображением противостоящих птиц, подвески в виде парных рыб, прямоугольные накладки и тройники, украшенные извивающимися побегами с цветами смоквы, накладки с изображением противостоящих оленей, бляшки в виде летящей птицы, крылатых хищников и копытных животных, всадника с луком в руках, антропоморфных бородатых личин, серьги с петлями и подвесками. Все эти вещи типичны для предметного комплекса сросскинской культуры. Оригинальными выглядят бляшки в виде идущей птицы и распределитель ремней, украшенный ячеистым орнаментом. Вероятно, с террито-

рии Западной Сибири происходят статуэтка Будды, сидящего на парадном сидении, и западноевропейский акваминил в виде рыцаря в поединке с драконом (Миллер Г.Ф., 1999, рис. 19.-24). В отличие от всех предшествующих находок предметов торевтики из Западной Сибири отдельные вещи, привезенные в Кунсткамеру Г.Ф. Миллером, сохранились до настоящего времени и хранятся в Государственном Эрмитаже (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2003, с. 124–126).

С территории Верхнего Прииртышья происходит и значительная часть предметов из коллекции, собранной в середине 1730-х гг. управляющим казенными заводами Урала и Сибири генералом Г.В. де Генниным. В свое время эта коллекция была подробно проанализирована В.П. Левашовой и Е.Н. Дмитриевой (1965, с. 225–236). В ее составе есть тройники, ажурные, прямоугольные и сердцевидные бляхи, бляшки с изображением крылатых хищников и копытных животных, павлинов, рыб и антропоморфных личин, серьги с подвесками и монеты с арабскими надписями эпохи раннего средневековья. Некоторые находки из его коллекции – несомкнутый браслет, перстень и удлинённые орнаментированные подвески – могут относиться к периоду развитого, а печать с фигуркой сидящего тигра и старомонгольской надписью – к эпохе позднего средневековья (Формозов А.А., 1986, с. 24–25). Не меньший интерес для науки представляют описания Г.В. де Генниным развалин Аблай-кита и данные о раскопках кургана Пудовик, в котором в могилах со сводчатыми перекрытиями были обнаружены захоронения людей, обернутые золотой фольгой, и лошадей в полном конском убранстве. По его сведениям, некоторые промышленники использовали хорошо сохранившиеся стремена из могил для езды верхом (де Геннин Г.В., 1937, с. 627–628). Рисунки находок из коллекции Г.В. де Геннина с дополнением предметов буддийской культовой пластики и находки подвески в виде панцирного всадника были позднее посланы П.Г. Демидовым в Англию, где прокомментированы И.Р. Форстером (Forster J.R., 1773, p. 233–234). В сочинении П.Г. Демидова содержатся наиболее подробное описание мужского, женского и конского захоронения в кургане Пудовик и указание на то, что он был раскопан солдатами военного отряда, возглавляемого высоким должностным лицом (Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 2000, с. 39–49). На схематическом рисунке из рукописи Г.В. де Геннина этот курган был изображен в виде высокого холма, поросшего деревьями, на поверхности которого установлены каменные бабы, а под насыпью сооружены склепы с захоронениями (Формозов А.А., 1986, с. 127). Совершенно очевидно, что художник не видел данного памятника, а изобразил этот курган по чьим-то рассказам. Вероятнее всего, данный курган должен относиться к числу «длинных курганов» кимаков, которые известны в Верхнем Прииртышье.

В течение первых десятилетий XVIII в. учеными и любителями старины в процессе сбора древностей из грабительских раскопок бугровщиков на территории Западной Сибири было собрано, зарисовано и частично описано значительное количество предметов средневековой торевтики. В отдельных случаях отражены условия нахождения этих вещей в средневековых захоронениях. Исследователями были предприняты первые опыты осмысления и объяснения некоторых, заинтересовавших их вещей. Среди находок предметов торевтики, зафиксированных учеными и собирателями в первой трети XVIII в., преобладают вещи, относящиеся к поясной и сбруйной гарнитуре, характерные для предметного комплекса сrostкинской культуры раннего средневековья. В их числе встречаются оригинальные изделия, не представленные в раскопанных к настоящему времени памятниках этой общности. Для современных исследователей

наибольший интерес могут представлять особенности оформления самих бляшек и накладок и спектр орнаментальных мотивов, представленный на предметах поясной и сбруйной гарнитуры из грабительских раскопок бугровщиков. Среди этих находок имеются отдельные вещи, оригинально оформленные и украшенные редкими вариантами орнамента, которые в ходе современных раскопок исследователям не встречались.

В процессе собирательской деятельности на начальном этапе ее становления в руки коллекционеров попадали очень редкие для территории Западной Сибири предметы торевтики западноевропейского производства и предметы ламаистской культовой практики. Уникальность подобных находок может объясняться тем, что они происходят из довольно редких памятников высшей знати средневековых номадов и ламаистских храмов, подвергшихся сильному разрушению и разграблению в периоды наибольшей активности бугровщиков.

Библиографический список

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 129–134.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Западноевропейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г.Ф. Миллером из Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1. С. 123–129.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. 270 с.
- Де Геннин Г.В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М.: Изд-во «История заводов», 1937. 661 с.
- Дмитриева Е.И., Левашова В.П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // Советская археология. 1965. №2. С. 225–236.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 109 с.
- Завитухина М.П. Собрание М.П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // Археологический сборник. Л.: Аврора, 1977. Вып. 18. С. 41–51.
- Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
- Княжецкая Е.А. Новые данные об экспедиции И.М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1989. Вып. XXVI. С. 10–35.
- Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 38–57.
- Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
- Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1998. 119 с.
- Brentjes B. Three Vessels of Metal and Three Mirrors in the Curiosa Sibiriae by Daniel Gottlieb Messerschmidt // Journal of Central Asia. 1986. Vol. IX, №2. P. 5–9.
- Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schamanenkrone und Weltenbaum. Kunst der nomaden nordasiens. Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1989. 203 s.
- Forster J.R. Observations on some Tartarian Antiquities, described in the preceding Article // Archaeologia: miscellaneous tracts relating to Antiquity. London: The Society of Antiquaries of London, 1773. Vol. II. P. 227–235.
- Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. B. 1. 378 s.
- Strahlenberg I.P. Das Nord- und Ostliche Theil der Europa und Asia. With an introduction by J.R. Kreuger. Szeged, 1975.

Г.Г. Король, Л.В. Конькова

Институт археологии РАН,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ
ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: СОБРАНИЯ XIX В.
В КОЛЛЕКЦИЯХ ЭРМИТАЖА***

Традиция декоративного оформления снаряжения всадника (для воина это ременные украшения из цветного металла пояса, деталей одежды, снаряжения и вооружения; для коня – сбруя и другое снаряжение) была неотъемлемой частью культуры кочевников степной Евразии в раннем средневековье. Особое значение для комплексного исследования этих украшений (тюркской малых форм) представляют музейные коллекции, в которых наряду с материалами из раскопок есть и собрания «случайных находок». В фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕиС) ГЭ с XIX в. формируются коллекции саяно-алтайских, в том числе из Минусинской котловины на Среднем Енисее, средневековых археологических находок, среди которых прекрасно представлена и тюркская малых форм.

Комплексному исследованию материалов раскопок из Тувы (могильник X в. Тора-Тал-Арты, ременные украшения из которого отличаются многообразием художественных и технологических традиций, и комплекс из могильника VIII–IX вв. Успенское) была посвящена отдельная работа (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2009). Здесь мы рассмотрим сборные коллекции из Минусинской котловины: №1124 – собрание И.П. Кузнецова, 1891 г.; №1126 – коллекция А.В. Адрианова, 1894–1895 гг.; №1133 – «собрание Крестовниковых в Сибири»; №1296 – собрание Е.К. Тевяшова; №3975 – собрание И.П. Тавостина; №5531 – сборы И.А. Лопатина, 1870-е гг. Всего проанализировано 37 предметов. Среди них преобладают орнаментированные ременные украшения, однако есть и несколько изделий без орнамента, но с декоративными элементами формы. Для структуризации изложения мы опираемся на выделенные ранее блоки предметов (подробно о них, а также о наиболее популярных художественных группах с их нумерацией см.: Король Г.Г., 2008, с. 157–187).

Технология изготовления всех исследованных предметов характерна для большого пласта изделий раннесредневековых культур степной Евразии и прилегающих территорий. Они изготовлены путем литья с использованием восковой модели. Тиражирование изделий происходило за счет использования отлитого штампа-матрицы, оттиснутого в пластической массе. Дополнительно поверхность могла декорироваться позолотой, серебром – с помощью лужения. В изученном нами ранее массиве ременных украшений Саяно-Алтая выделено несколько уровней качества (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2007, с. 28).

Для анализа состава металла применялся эмиссионный спектральный полуколичественный анализ с использованием серии специальных эталонов, который проводился в лаборатории ИИМК РАН аналитиком В.А. Галибиным. За точку отсчета границы легирующего компонента в сплаве мы принимаем 0,5%. В предшествующих

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

исследованиях статистически выявлена большая роль геохимической характеристики металла. Особенно информативны показатели группы «сурьма – мышьяк» (Конькова Л.В., Король Г.Г., 2004). Паспортные данные предметов и состав металла представлены в таблице А и Б (отсылки даются лишь к номеру анализа).

Таблица I

Ременные украшения из Минусинской котловины рубежа I–II тыс. н.э.
(сборные коллекции XIX в.) А. Паспортные данные предметов (ОАВЕиС, ГЭ)

№ п/п	№ анализа	Предмет	Место находки	№ коллекции
1.	518–21	Подвеска-рыбки	Неизвестно	1124-15
2.	518–22	Накладка	Неизвестно	1126-249
3.	519–27	Накладка	Неизвестно	1126-252
4.	518–23	Зажим	Неизвестно	1126-254
5.	518–24	Подвеска лировидная	Неизвестно	1126-257
6.	518–25	Зажим	Листвягово	1126-391
7.	518–27	Накладка	Неизвестно	1126-402
8.	518–28	Накладка	Неизвестно	1126-406
9.	518–29	Накладка Т-образная	Копенская	1126-409
10.	518–30	Накладка	Неизвестно	1126-428
11.	518–31	Деталь застежки	Неизвестно	1133-13
12.	518–32	Обойма	Неизвестно	1133-35
13.	518–18	Подвеска-личина	Неизвестно	1133-144
14.	518–19	Накладка-личина	Неизвестно	1133-152
15.	518–20	Накладка-личина	Неизвестно	1133-153
16.	518–14	Накладка Т-образная	Неизвестно	1296-151
17.	518–15	Накладка Т-образная	Б. Сыр	1296-154
18.	518–16	Накладка Т-образная	Б. Сыр	1296-155
19.	518–17	Накладка Т-образная	Неизвестно	1296-167
20.	518–11	Накладка	Неизвестно	3975-348
21.	518–12	Тройник, фрагмент	Неизвестно	3975-950
22.	518–13	Тройник, фрагмент	Неизвестно	3975-966
23.	517–40	Накладка Т-образная	Абаканское	5531-1868
24.	517–41	Накладка	Абаканское	5531-1870
25.	517–42	Пряжка	Сорокино	5531-1871
26.	517–43	Накладка	Сорокино	5531-1873
27.	517–44	Подвеска лировидная	Анаш	5531-1875
28.	517–45	Подвеска лировидная	Батени	5531-1876
29.	517–46	Накладка Т-образная	Неизвестно	5531-1877
30.	517–47	Накладка Т-образная	Худоногово	5531-1879
31.	517–48	Накладка Т-образная	Корелка	5531-1880
32.	517–49	Пряжка	Неизвестно	5531-1884
33.	517–50	Накладка	Неизвестно	5531-1888
34.	517–51	Накладка	Бузуново	5531-1890
35.	517–52	Подвеска-рыбки	Тюпь	5531-1911
36.	517–53	Подвеска-личина	гора Изых	5531-1927
37.	518–9	Накладка ажурная	Лугавское	5531-1948
38.	518–10	Пряжка от накладки	Лугавское	5531-1948

Б. Состав металла

№ п/п	№ анализа	Sn (олово)	Pb (свинец)	Zn (цинк)	Bi (висмут)	Ag (серебро)	Sb (сурьма)	As (мышьяк)	Fe (железо)	Ni (никель)	Co (кобальт)	Au (золото)
1.	518-21	5,0	1,8	0,8	0,045	0,5	0,25	0,24	0,3	0,03	0,01	0,013
2.	518-22	2,1	1,4	24,0	0,014	0,03	0,01	0,2	0,1	0,02	0,014	0,045
3.	519-27	10,0	7,5	1,0	0,15	1,4	0,24	0,6	0,37	0,067	0,026	0,03
4.	518-23	6,5	6,0	0,4	0,055	0,6	0,3	0,7	0,14	0,08	0,036	0,036
5.	518-24	12,0	10,0	0,03	0,11	0,25	0,43	1,6	0,43	0,18	0,04	0,011
6.	518-25	3,6	1,9	0,08	0,04	0,4	0,3	1,8	1,1	0,11	0,014	0,018
7.	518-27	0,27	0,09	24,0	0,005	0,027	0,009	0,19	0,16	0,015	0,013	0,0
8.	518-28	0,13	0,02	0,0	0,025	0,07	0,3	1,0	0,0	0,035	0,0	0,0
9.	518-29	6,1	3,7	11,0	0,045	0,2	0,065	0,16	0,06	0,22	0,023	0,0
10.	518-30	6,1	1,2	0,03	0,045	0,15	0,8	0,45	0,11	0,026	0,0	0,05
11.	518-31	8,7	0,17	0,0	0,004	0,033	0,08	0,15	0,0	0,04	0,0	0,015
12.	518-32	0,04	0,013	0,0	0,0	0,07	0,0	0,0	0,17	0,04	0,0	0,006
13.	518-18	11,0	8,6	0,3	0,1	0,6	0,29	0,8	0,09	0,06	0,03	0,014
14.	518-19	4,9	4,0	0,4	0,06	0,4	0,37	0,47	0,07	0,03	0,009	0,05
15.	518-20	4,5	1,5	0,55	0,04	0,9	0,3	0,67	0,12	0,09	0,033	0,05
16.	518-14	13,0	12,0	0,03	0,9	0,04	0,65	1,3	1,0	0,12	0,045	0,0
17.	518-15	6,4	9,5	9,0	0,055	0,25	0,25	0,7	0,6	0,15	0,024	0,025
18.	518-16	10,0	5,5	2,5	0,055	0,5	0,2	0,5	0,25	0,07	0,024	0,025
19.	518-17	6,4	2,4	0,0	0,045	0,06	0,16	0,5	0,55	0,04	0,024	0,006
20.	518-11	8,0	2,1	0,07	0,05	0,3	0,027	0,75	0,3	0,16	0,025	0,07
21.	518-12	4,4	0,55	14,0	0,02	0,05	0,065	0,55	0,1	0,018	0,011	0,02
22.	518-13	3,2	0,5	18,0	0,02	0,08	0,05	0,42	0,1	0,013	0,01	0,016
23.	517-40	15,0	1,6	8,5	0,019	0,05	0,08	0,35	0,22	0,1	0,045	0,1
24.	517-41	15,0	1,8	3,5	0,021	0,04	0,11	0,45	0,05	0,2	0,03	0,05
25.	517-42	8,0	0,3	0,4	0,04	0,07	0,04	0,16	0,1	0,19	0,055	0,016
26.	517-43	5,2	6,0	0,09	0,08	0,08	0,25	0,63	0,65	0,2	0,024	0,12
27.	517-44	6,5	3,3	15,0	0,019	0,03	0,15	0,21	0,21	0,023	0,14	0,0
28.	517-45	7,5	4,6	1,3	0,023	0,07	0,08	0,23	0,08	0,08	0,033	0,017

Коллекции рассматриваются по номерам в восходящем порядке.

№1124 – собрание И.П. Кузнецова. Исследован один предмет – подвеска в виде парных рыбок (рис. 1.-1) из долины р. Аскыз (левый приток р. Абакан, левого притока Енисея). Происхождение мотива и формы украшения, его символика и сохранение в традиционной культуре народов Саяно-Алтая рассмотрено ранее (Король Г.Г., 2008, с. 140–141). По составу сплава это сложная латунь с небольшим содержанием цинка (0,8%), с добавлениями олова (5%) и свинца (1,8%). Геохимические примеси – невысокие, отметим повышенное содержание серебра (0,5%), что говорит о возможном серебрении предмета (анализ №518-21).

№1126 – сборы А.В. Адрианова. Исследованы девять предметов: орнаментированные накладки разных форм; два зажима для кистей (или игольника) – один в форме стилизованных парных рыб без орнамента (рис. 1.-2), другой – декоративной цветочной формы с центральной частью в виде четырехлепестковой розетки и нижней – в виде стилизованной пальметты, орнамент на этом зажиме, по-видимому, был, но

следы его едва различимы (рис. 1.-3); лировидная подвеска с сердцевидным вырезом, без орнамента. Среди орнаментированных предметов – концевая накладка (рис. 1.-7) с композицией из блока «серийных изделий» художественной группы 7 «пальметты в составе композиций с центральной лепестковой розеткой». (Накладка с таким же декором найдена в кургане №19 могильника Тора-Тал-Арты, упоминавшегося выше.) Другие – из «несерийных изделий»: две сердцевидные накладки с одинаковым орнаментом в виде простейшей пальметты с «перевязанным» основанием (рис. 1.-8); Т-образная накладка со сложным растительным декором (рис. 1.-5); две небольшие концевые накладки с орнаментом из пальметт в вертикальной композиции (рис. 1.-4, 6).

Исследование состава металла начнем с орнаментированных предметов. Накладка с одним из самых популярных в Минусинской котловине орнаментом (художественная группа 7) изготовлена из сложной латуни: 1% цинка, 10% олова и 7,5% свинца (анализ №519–27). Изученные нами ранее изделия (79 предметов) этой группы из саяно-алтайского региона (Конькова Л.В., Король Г.Г., 2008) в основном представлены оловянно-свинцовыми бронзами. (Отметим, что предмет с аналогичным декором из Тора-Тал-Арты также не содержит цинка.) Лишь в нескольких случаях отмечено содержание цинка в сплаве, не превышающее 1%. Рассматриваемое изделие, таким образом, попадает в эту небольшую группу с низким содержанием цинка в сплаве. По нашим наблюдениям, предметы из латуни обычно имеют и качественно выполненный декор, а накладка отличается высоким содержанием серебра (1,4%), возможно, она была посеребрена.

Одна из сердцевидных накладок с одинаковым декором, чуть большая по размеру (рис. 1.-8), изготовлена из золотой латуни (24% цинка) с низким содержанием примесей, включая свинец и олово (анализ №518–27). Вторая (анализ №518–22) – также из золотой латуни, но это сложная латунь: 24% цинка, 2,1% олова, 1,4% свинца, остальные микропримеси в небольших количествах. Эти предметы, видимо, относятся к так называемым первичным изделиям с высокими показателями качества, в том числе исполнения декора. Несмотря на его простоту, металл для накладок с таким декором использован качественный и дорогой, имитирующий золото. Он был не очень распространен и соотнесен нами предположительно с регионами Средней Азии, Ирана, Северной Индии (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2007, с. 27).

Т-образная накладка изготовлена из сложной латуни с 11% цинка, 6,1% олова и 3,7% свинца (анализ №518–29). При этом все остальные микропримеси представлены в незначительных количествах, что объединяет этот предмет с сердцевидными. Возможно, они из одного комплекта и близки по происхождению.

Две концевые накладки сходны по типу и композиции орнамента, но отличаются размерами, особенностями формы и элементами декора. Одна из них (рис. 1.-6, анализ №518–28) изготовлена из мышьяковой бронзы (1% мышьяка). Это пока единственный экземпляр с таким сплавом из рассмотренных предметов. Мышьяк в составе сплава увеличивает его антикоррозийные свойства, литейные, в том числе жидкотекучесть, придает изделию серебристый цвет. Для геохимической характеристики отметим относительно повышенное содержание сурьмы (0,3%). Другая накладка (рис. 1.-4, анализ №518–30) изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 6,1%, свинец – 1,2%), металл характеризуется повышенным содержанием сурьмы (0,8%) и мышьяка (0,45%). Таким образом, предметы сходного в целом типа изготовлены из разных сплавов, но на геохимическом уровне имеют сходный металл – с повышенным содержанием мышьяка и сурьмы.

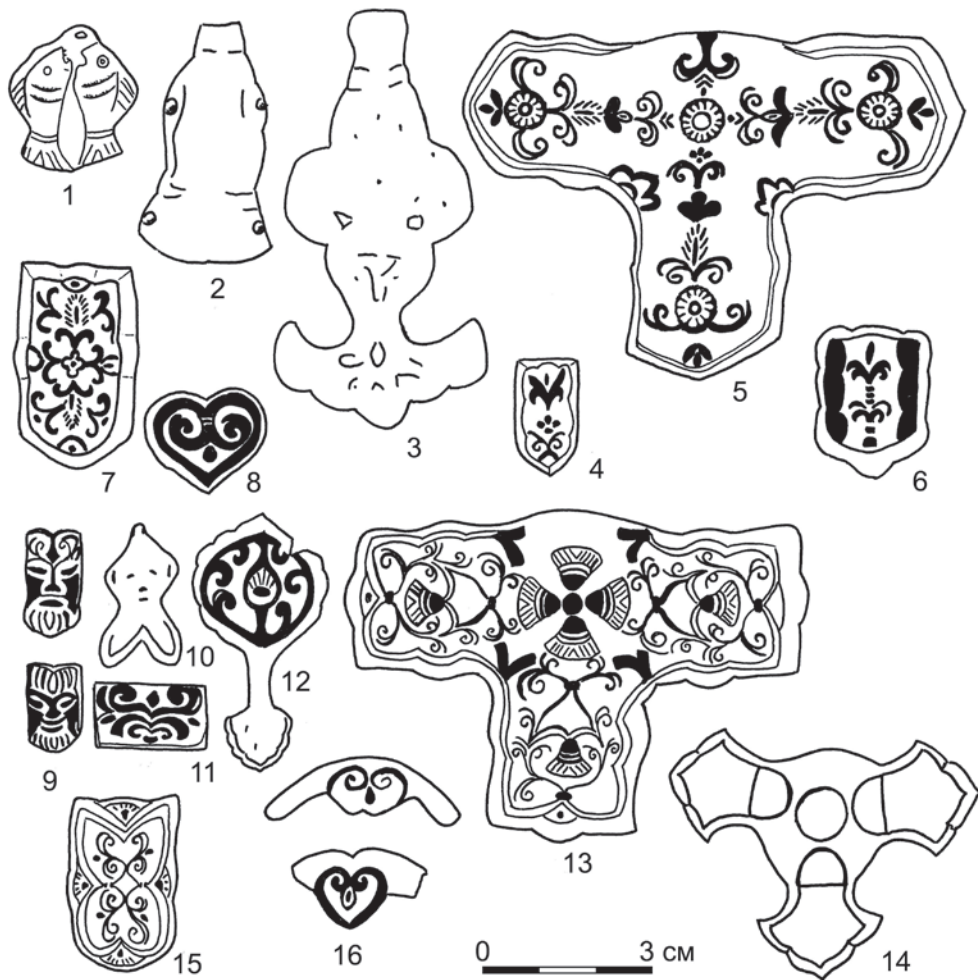

Рис. 1. Ременные украшения из Минусинской котловины (сборные коллекции):
 1 – №1124-15; 2 – №1126-254; 3 – №1126-391; 4 – №1126-428; 5 – №1126-409; 6 – №1126-406;
 7 – №1126-252; 8 – №1126-402; 9 – №1133-152, 153; 10 – №1133-144; 11 – №1133-35;
 12 – №1133-13; 13 – №1296-167; 14 – №1296-155; 15 – №3975-348; 16 – №3975-950, 966

Зажимы для кистей или игольники. Один в виде стилизованных парных рыб (рис. 1-2, анализ №518–23) изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 6,5%, свинец – 6%), вероятно, был посеребрен (0,6% серебра), металл по геохимическим показателям характеризуется повышенным содержанием сурьмы (0,3%) и мышьяка (0,7%). Другой (рис. 1-3, анализ №518–25) изготовлен также из оловянно-свинцовой бронзы (3,6% олова, 1,9% свинца), но с очень высоким содержанием мышьяка (1,8%), с повышенным содержанием сурьмы (0,3%); серебро – 0,4%.

«Гладкая» лировидная подвеска (анализ №518–24) изготовлена также из сплава оловянно-свинцовой бронзы (12% олова, 10% свинца) с очень высоким содержанием мышьяка

яка (1,6%), с повышенным содержанием сурьмы (0,43%). (Отметим, что сходные типологически лировидные подвески без орнамента из могильника Успенское, упомянутого выше, и рассматриваемый экземпляр изготовлены из совершенно разного металла.)

Рассмотренная коллекция показывает, что иногда мы имеем дело не просто с отдельными случайно найденными предметами, а с разрушенными комплексами, в которых были комплекты из сходного металла (например, сердцевидные с одинаковым орнаментом и Т-образная накладки). Но в ходе сборов, по-видимому, отбирались наиболее сохранные и выразительные в художественном отношении и с точки зрения качества металла изделия. Это подтверждается изученными составами сплавов и характеристиками металлов. При этом представлены составы сплавов, не слишком распространенные (золотая латунь, бронза с мышьяком), посеребренные предметы, дорогие и внешне эффектные, хорошо сохраняющиеся.

Коллекция №1133 – «собрание Крестовниковых в Сибири», по-видимому, из Минусинской котловины, судя по набору предметов, их форме и художественным особенностям. Исследовано пять предметов с декором из блока «несерийных изделий»: две накладки с изображением личин (рис. 1.-9) и подвеска-личина (рис. 1.-10); обойма кованая с рельефным орнаментом (рис. 1.-11) в виде сложной растительной композиции с незамкнутым построением, выполненным широкими линиями, дополнительно оформленными углубленными, вероятно, врезными тонкими линиями; часть двусоставной застежки в виде летящей птицы (рис. 1.-12), в декоре которой использован мотив «пламенеющая жемчужина», основа композиций художественной группы 3 (Король Г.Г., 2008, с. 169–173).

Все три личины изготовлены из однотипного сплава – оловянно-свинцовой бронзы (олово – от 4,5 до 11%, свинец – от 1,5 до 8,6%) с повышенным содержанием цинка (от 0,3 до 0,55%), серебра (от 0,4 до 0,9%), сурьмы (от 0,29 до 0,37%) и мышьяка (от 0,47 до 0,8%). Две накладки с близкими личинами – возможно, разные плавки одного металла. Подвеска (анализ №518–18) отличается тем, что имеет повышенное содержание олова (11%), свинца (8,6%), мышьяка (0,8%). Деталь застежки (анализ №518–31) изготовлена из оловянной бронзы (олово – 8,7%) с пониженным содержанием микропримесей в металле, в том числе сурьмы и мышьяка. Обойма изготовлена практически из чистой меди с небольшими добавками в виде сотых долей процента (анализ №518–32). Отметим, что выявленные сплавы этой коллекции являются очень распространенными в саяно-алтайском регионе рубежа I–II тыс. н.э. (в отличие от сплавов предметов из предыдущей коллекции – сборов А.В. Адрианова).

Коллекция №1296 – собрание Е.К. Тевяшова. Исследованы четыре Т-образные накладки. Одна (рис. 1.-13) с орнаментом из блока «серийных изделий» – «цветок смоквы – центр растительного узора» (художественная группа 8) и три однотипные, немного отличающиеся размерами, без орнамента, но декоративные за счет выделенных граней на поверхности и фестончатых краев (рис. 1.-14).

Орнаментированная накладка представлена типичным для региона сплавом оловянно-свинцовой бронзы (анализ №518–17) со средними величинами олова (6,4%) и свинца (2,4%). Относится к категории металла с повышенным мышьяком (0,5%) и пониженной сурьмой. Отметим, что она отличается от исследованных ранее накладок (другой формы) с декором этой группы из могильника Тора-Тал-Арты и по типу сплава, и по геохимическим характеристикам. Это свидетельствует о том, что изготов-

лены они из разного металла. Качество изготовления предметов (рассматриваемого и из комплекса Тора-Тал-Арты) предполагает высокий профессионализм мастера в ремесленном центре. Разница в металле может свидетельствовать о разном времени производства (в одной мастерской, но из разных партий металла в разное время) или месте производства (разные мастерские).

Три неорнаментированные накладки внешне сходны, но изготовлены из разного металла. При этом две (Б. Сыр) – из одинакового сплава, сложной латуни, с разным содержанием легирующих компонентов (первая – анализ №518–15: цинк – 9%, олово – 6,4%, свинец – 9,5%; вторая (рис. 1.-14) – анализ №518–16: цинк – 2,5%, олово – 10%, свинец – 5,5%), но однотипные в геохимическом отношении (повышенное содержание мышьяка – 0,7 и 0,5% и пониженное – сурьмы). По геохимическим характеристикам они близки орнаментированной накладке, но отличны по рецептуре сплава. Третий предмет без орнамента (анализ №518–14) изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы (13% олова, 12% свинца) с очень высоким содержанием мышьяка (1,3%) и висмута (0,9%). По рецептуре сплава он близок двум предметам из сборов А.В. Адрианова (лировидная, анализ №528–24, и зажим в форме цветка, анализ №518–25), но по висмуту они отличаются, т.е. происхождение металла разное.

Коллекция №3975 – собрание И.П. Тавостина. Исследованы три предмета «несерийных изделий»: концевая накладка (рис. 1.-15) со сложным растительным орнаментом с незамкнутым построением композиции и два обломка тройников-распределителей с элементами декора в виде простых пальметт. Один из них обожжен и орнамент сохранился плохо (рис. 1.-16, верхняя). Накладка изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 8,0%, свинец – 2,1%) с повышенным содержанием мышьяка (0,75%) при пониженной сурьме (анализ №518–11). Вероятно, была посеребрена (0,3% серебра). Два обломка, судя по составу сплава, от сходных предметов (возможно, даже одного предмета?), изготовленных из сложной латуни (цинка в среднем 15–16%), с добавлением олова (около 4%) и свинца (около 0,5%). По геохимическим показателям это категория металла с повышенным мышьяком (около 0,5%) и пониженной сурьмой.

Коллекция №5531 – собрание И.А. Лопатина. Изучено 15 предметов (для одного проведено два анализа). Отметим разнообразие форм предметов, орнаментов, которые преимущественно не составляют комплектов или каких-то сходных групп. Представлены орнаментально-декоративные типы: растительный, зооморфный, антропоморфный. Рассмотрим изделия, опираясь на форму и декор. Три предмета представляют декоративные композиции «серийных изделий»: 1) прямоугольная накладка с композицией художественной группы 8 – «цветок смоквы...» (рис. 2.-1); 2) Т-образная накладка со сложной растительной композицией художественной группы 5 – «пальметты в виде бутона и его вариантов с двумя симметрично отогнутыми листьями или завитками: усложненные композиции» (рис. 2.-3); 3) Т-образная накладка (Корелка, верховья р. Чулым, правого притока Оби), расплющена, со сложным растительным орнаментом упоминавшейся выше художественной группы 7 (рис. 2.-9).

Остальные – из блока «несерийных изделий». 4) Концевая накладка с орнаментом из пальметт в составе композиции с центральной лепестковой розеткой (рис. 2.-6) и Т-образная (рис. 2.-5) со сложным растительным декором с крестообразными фигурами, одним из формообразующих мотивов служит пальметта с бутоном. Такая же пальметта – один из мотивов композиции концевой накладки, поэтому можно предположить, что

оба предмета, происходящие из одного места, входили в один комплект ременных украшений. 5) Две лировидные подвески с сердцевидным вырезом происходят из разных мест. Декор сложный и отличный один от другого, конструктивные мотивы – разнообразные пальметты. Одна подвеска (Батени) – плохой сохранности, и различимы лишь отдельные элементы. Вторая (рис. 2.-7) – также не лучшей сохранности. 6) Т-образная накладка (рис. 2.-13) с композицией, включающей лежащих копытных животных (козлы), декор сильно «затерт». 7) Две пряжки с разным декором. У одной украшена только рамка – растительный орнамент с незамкнутым построением композиции (рис. 2.-11), у другой (рис. 2.-12) – только щиток (сложный растительный орнамент с замкнутым построением композиции). 8) 8-образная накладка с растительным декором в виде цветочной розетки и крупного трилистника (рис. 2.-8). 9) Сердцевидная накладка с трехлепестковой пальметтой (рис. 2.-2). 10) Подвеска в форме парных рыбок (рис. 2.-10), близкая подвеске из коллекции №1124, но большего размера и худшей сохранности декоративных деталей. 11) Подвеска-личина (рис. 2.-4), без усов и бороды, с серьгами (?) в ушах. 12) Ажурная накладка (с прорезью и пряжкой для крепления) на мешочек (рис. 2.-14) со сложным декором (подробно о семантике см.: Король Г.Г., 2008, с. 138–140), включающим растительные элементы (среди них – «цветы смоквы») и зооморфные (крылатые олени, лежащие олени, рыбы). Два идентичных предмета происходят из кургана №11 могильника Аргалыкты-I (X в.) в Туве (Трифонов Ю.И., 2000).

Как видим, формы и декор предметов разнообразны. То же наблюдается и по составу металлов и типам сплавов, которые рассмотрим в обозначенном выше порядке.

1. Накладка с композицией «цветок смоквы...». Изготовлена (анализ №517–50) из оловянной бронзы (14% олова) с небольшим количеством свинца (0,3%), металл с пониженным содержанием сурьмы и мышьяка. Совпадает по геохимическим характеристикам с предметами с аналогичным орнаментом из Тора-Тал-Арты. Тип сплава одинаков (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2009).

2. Т-образная накладка с композицией группы 5. Изготовлена (анализ №517–46) из оловянной бронзы (14% олова) с небольшим количеством свинца (0,7%), концентрации всех остальных элементов пониженные. По декору сходна с предметами этой «серии» из Тора-Тал-Арты, но отличается от них и по сплаву, и по геохимической характеристике металла (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2009).

3. Т-образная накладка со сложным растительным орнаментом художественной группы 7. Изготовлена (анализ №517–48) из оловянно-свинцовой бронзы с небольшим содержанием олова (7,8%) и свинца (1%), содержит 0,4% цинка, повышенное содержание серебра (0,3%). Тип металла по геохимическим характеристикам – с повышенной сурьмой (0,55%) и пониженным мышьяком. Визуально на поверхности фиксируются следы позолоты, но в пробе металла она не получила отражения.

4. Концевая и Т-образная накладки с близким декором. Дополнительным доказательством возможности их принадлежности одному комплекту являются идентичность использованного металла и тип сплава. Сплав представлен сложной латунью (цинк – 3,5 и 8,5%) с одинаковыми добавками олова (15%) и свинца (1,8 и 1,6%, соответственно). Геохимическая основа металла – повышенное содержание мышьяка (0,45 и 0,35%, соответственно) и пониженное сурьмы (анализ №517–41, 517–40).

5. Лировидные подвески изготовлены из сложной латуни (цинк – 15 и 1,3%) с добавлениями олова (6,5 и 7,5%, соответственно) и свинца (3,3 и 4,6%, соответственно).

По геохимическим характеристикам относятся к группе металла с пониженным содержанием сурьмы и мышьяка. Показатели всех легирующих элементов сходны (близкие плавки или одна), но значительное различие по количеству цинка. Пониженная концентрация цинка характеризует предмет плохой сохранности (анализ №517–45). Возможно, он был обожжен и содержание цинка могло уменьшиться за счет его летучести. Такое состояние предмета может свидетельствовать о его происхождении из погребения по обряду кремации.

Рис. 2. Ременные украшения из сборов И.А. Лопатина в Минусинской котловине (коллекция №5531): 1 – №1888; 2 – №1873; 3 – №1877; 4 – №1927; 5 – №1868; 6 – №1870; 7 – №1875; 8 – №1890; 9 – №1880; 10 – №1911; 11 – №1871; 12 – №1884; 13 – №1879; 14 – №1948

6. Т-образная накладка с зооморфным мотивом. Изготовлена (анализ №517–47) из сложной латуни (цинк – 5,6%) с добавлением олова (8,8%) и свинца (8%). По геохимическим показателям металл характеризуется повышенным содержанием сурьмы (0,7%) и мышьяка (0,36%).

7. Две пряжки с разным декором. Пряжка из Сорокино с декорированной рамкой изготовлена (анализ №517–42) из оловянной бронзы (8% олова), содержит 0,4% цинка и 0,3% свинца. Состав сплава говорит о возможной переплавке, вторичности металла. По геохимическим показателям металл характеризуется пониженными концентрациями микропримесей. Другая пряжка (с декорированным щитком) изготовлена (анализ №517–49) из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 6%, свинец – 1,5%, цинка нет). В группе «сурьма – мышьяк» – повышенное содержание сурьмы (0,32%) и пониженное мышьяка. Таким образом, пряжки отличаются по всем показателям (форма, декор, состав металла).

8. 8-образная накладка с растительным декором. Изготовлена (анализ №517–51) из оловянной бронзы (олово – 7,4%) с пониженным содержанием микроэлементов.

9. Сердцевидная накладка с трехлепестковой пальметтой. Изготовлена (анализ №517–43) из оловянно-свинцовой бронзы (олово – 5,2%, свинец – 6%) с повышенным содержанием мышьяка (0,63%) и пониженной сурьмой в качестве геохимических микропримесей.

10. Подвеска в форме парных рыбок. Изготовлена (анализ №517–52) из сложной латуни (цинк – 7,2%, олово – 7,6%, свинец – 4,5%). Геохимические микропримеси низкие, но мышьяк (0,22%) превышает сурьму (0,08%). Сходная подвеска рассматривалась выше (коллекция №1124). Рецепт сплава обоих предметов близкий, но с разным количеством легирующих элементов, а по происхождению (геохимические показатели) металл разный.

11. Подвеска-личина. Это уникальный образец не только по деталям лица (ср.: Король Г.Г., 2008, рис. 22), но и по составу металла. Изготовлена подвеска (анализ №517–53) из свинцово-сурьмянистого сплава (свинец – 37%, сурьма – 3%) с повышенным содержанием олова (0,75%), серебра (0,67%), мышьяка (0,4%) и висмута (0,2%). Это легкоплавкий сплав. Вероятно, использован для изготовления модели или матрицы для последующего оттискивания изображения и отливки изделия из бронзы. Сам по себе сплав достаточно мягкий и для практического использования в качестве ремешкового украшения или амулета неудобен. Необычность этого предмета (в отличие от единичных матриц-личин, происходящих с территории Алтая и Минусинской котловины, – подробнее см.: Король Г.Г., 2008, с. 102, рис. 24) в том, что он не массивный, а тонкостенный, имеет отпечаток изображения с внутренней стороны. Возможно, эта внутренняя сторона для использования в качестве матрицы заливалась воском, который мог не сохраниться.

12. Накладка на мешочек с многокомпонентной декоративной композицией. Были отобраны две пробы, дающие состав металла самой накладки и пряжки, с помощью которой закрывался мешочек. Пластина ажурной накладки изготовлена (анализ №518–9) из золотой сложной латуни (цинк – 21%), с добавлением олова (4,3%) и свинца (5%). По геохимическим показателям металл характеризуется повышенным содержанием мышьяка (0,45%) и пониженным сурьмы. Пряжка изготовлена также из сложной лату-

ни (анализ №518–10), но другого состава: цинк – 2,8%, олово – 5,6%, свинец – 1,6%. Она была посеребрена (0,5% серебра), металл характерен пониженным содержанием остальных микроэлементов. Вероятно, пряжка была изготовлена для уже имевшейся пластины. Сходны пластина и пряжка по типу сплава, но отличаются по его составу и геохимической основе металла.

Комплексное изучение сборных коллекций торевтики малых форм из Минусинской котловины рубежа I–II тыс. н.э. из фондов ОАВЕиС Эрмитажа показало информативность этих материалов. Особенно это проявлено в коллекции №5531 (сборы И.А. Лопатина), предметы которой представляют многообразие художественных и технологических традиций. Напомним, что исследование также большой коллекции из могильника Тора-Тал-Арты в Туве дало аналогичный результат (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2009), т.е. подобное многообразие не связано с местом нахождения предметов. Для задач исследования художественных и технологических особенностей изделий разных коллекций (материал ОАВЕиС в совокупности выявил это особенно отчетливо), стоявших перед авторами, оказалось неважным их происхождение.

Предметы из случайных сборов помимо того, что бывают обожженными, т.е. происходят из погребений по обряду кремации, иногда включают и изделия одного комплекта ременных украшений из сходного металла (как, например, в коллекции №1126 из сборов А.В. Адрианова), что также, по-видимому, является следствием их извлечения из погребального комплекса. Наличие документированных базовых комплексов из археологических памятников позволяет с большей достоверностью определять случайные находки и использовать их не только для сравнительного анализа, но и как полноценный источник. Выявленное многообразие художественных и технологических традиций при разном качестве изделий в сборных коллекциях (при отмеченном преобладании сохранных и качественных предметов) подтверждает наше предположение (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2007) о сложной системе обеспечения воинов Саяно-Алтая ременными украшениями, включавшей производственные центры разного уровня развития ремесленных традиций и специализации.

Библиографический список

Конькова Л.В. Аналитические методы в исследовании древнего ремесла // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 44–53.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Система «декор–технология» в моделировании этнокультурных процессов средневековья (на материалах Саяно-Алтая) // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004. С. 184–188.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Художественно-технологические особенности наиболее распространенной группы средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая // Археология степной Евразии. Кемерово; Алма-Аты, 2008. С. 185–200.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 330 с.: ил. (Труды САИПИ. Вып. V).

Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение средневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // Российская археология. 2007. №2. С. 25–32.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ременные украшения из раскопок в Туве в коллекциях Эрмитажа // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 287–296.

Трифонов Ю.И. Погребения X в. до н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 143–156.

БЛЯХИ-ПОДВЕСКИ НА РЕМНИ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ Н.С. ГУЛЯЕВА*

Значительное количество предметов торевтики, датируемых эпохой средневековья, находится в музейных собраниях нашей страны и за рубежом. Их изучение имеет хорошие перспективы для реконструкции культурно-исторических процессов и разных сторон жизнедеятельности народов различных регионов Евразии. Реализация данного направления в определенной мере продемонстрирована в недавно изданной монографии Г.Г. Король (2008). Основной проблемой в ходе проведения исследований является то, что множество художественно выполненных металлических изделий представляет собой случайные находки, а также предметы, вырванные из конкретного археологического комплекса, смешанные с другими материалами, или разрозненные. Эти обстоятельства связаны со многими причинами, которые затрудняют эффективность многопланового изучения. Несмотря на то, что основу исследовательской практики составляют методически правильно изученные памятники, тем не менее одной из задач по-прежнему является введение в научный оборот всех находок, в том числе и различных по происхождению музейных экспонатов.

Одной из наиболее распространенных категорий украшений снаряжения верхового коня в период раннего средневековья на территории Южной и Западной Сибири рассматриваются бляхи – фигурные пластины декоративного назначения. Бляхи располагались как на основных (функциональных) ремнях амуниции верховых лошадей, так и на декоративных (например, подвесных). Исходя из отличий изделий данной категории по форме, назначению, использованию и размещению на ремнях, их можно разделить на три подкатегории: бляхи-накладки, налобные бляхи-подвески (крепились к налобному ремню) и бляхи-подвески на нащечные ремни узды, нагрудник (подперсье) и накрупник (пахвы) конского снаряжения (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2003, с. 57–59; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 55–57; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, с. 18–19).

Происхождение блях-подвесок, вероятнее всего, связано с использованием декоративных подвесных кистей для украшения конской амуниции. Такая традиция применения достаточно древняя. На ассирийских изображениях VII в. до н.э. лошади представлены с пышным начельником и большой кистью под шеей – «наузом». В памятниках пазырыкской культуры Алтая вместе с мягким седлом обнаружены плетеные длинные «косы» из шерстяных ниток. К ним крепились подвески – плетеные шерстяные шнуры с войлочными шариками на концах. Аналогичные «косы», отличающиеся маленькими размерами, использовались для украшения узды. На них дополнительно закреплялись деревянные изображения грифонов (Полосьмак Н.В., 2001, с. 80–81).

Верховые лошади, украшенные подвесными кистями, имеются в китайских изобразительных источниках, а также в среднеазиатских дворцовых росписях конца

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное изучение предметов торевтики для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов на территории Южной Сибири в древности и средневековье» (№08-01-00355а).

VII – начала VIII вв. (Альбаум Л.И., 1975, с. 49, 50). В археологических памятниках 2-й половины VIII – X в. **обнаруживаются изделия, свидетельствующие об использовании декоративных кистей и в этот период времени.** Так, в комплексах кыргызов на территории Тувы и Минусинской котловины встречаются специальные зажимы для кистей, выполненные из цветных металлов (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, рис. 17; Нечаева Л.Г., 1966, рис. 6.-4, 12.-3). В Лесостепном Алтае использовались бляхи-накладки со специальными петлями для подвешивания кистей (Боровков А.С., 2001, рис. 2.-1; Могильников В.А., 2002, рис. 171.-3 и др.). Судя по размерам петель, данные подвесные украшения представляли собой короткие пушистые пучки, перетянутые у основания.

Самые ранние налобные средневековые бляхи происходят из тюркских памятников Алтая и относятся к середине VII – 1-й половине VIII в. Они представляют собой железные изделия листовидной и гребневидной формы (Кубарев Г.В., 1994, с. 67–69; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, табл. VII).

С середины VIII в. уздечные наборы с подвесками начинают использоваться более широко. Они фиксируются в материалах сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (Шиготарова Т.Г., 2001, с. 164–172), тюркской культуры Монголии и Алтая (Евтюхова Л.А., 1957, рис. 5.-1, 3, 7) и раннесредневековых комплексов Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, рис. 35.-17; 42.-13; Васютин А.С., 1997, рис. 2.-10; 9.-1, 2, 3). Такого рода украшения обнаруживаются с обозначенного периода времени и в материалах культуры кыргызов (Евтюхова Л.А., 1948, с. 54). В основном это изделия сердцевидной (листовидной) формы, которые во 2-й половине VII – VIII в. имели гладкую поверхность и ровные или уступчатые бортики. Они также могли быть дополнены петлей для крепления к основному ремню снаряжения дополнительным тонким ремешком.

В IX–X вв. оформление блях-подвесок Алтая изменяется, появляются новые элементы декора, растительная, геометрическая орнаментация, антропоморфные изображения. Также меняются пропорции в сторону их укрупнения, возникают новые способы крепления украшений к ремням снаряжения.

В данной статье будут отражены результаты дальнейшего изучения нескольких выразительных изделий, хранящихся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск). Они относятся к археологическому собранию известного барнаульского краеведа Николая Степановича Гуляева*. Начало запланированной работы отражено в материалах конференции «Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях» (Тишкин А.А., Горбунов Т.Г., Тишкина Т.В., 2009). Там представлены находки и указано предположение о возможном происхождении комплекта из кургана сrostкинской культуры, раскопанного Н.С. Гуляевым на комплексе памятников Ближние Елбаны в Верхнем Приобье (Лесостепной Алтай). Необходимо отметить, что еще одна бляха-подвеска находится в экспозиции НМРА вместе с другими предметами, составлявшими украшения конского средневекового снаряжения.

Публикуемые предметы торевтики (см. фото 19 и 20 на цветной вклейке) с наибольшей долей вероятности связаны с разновидностью блях-подвесок на нащечные, на-

---

* Авторы выражают признательность директору НМРА Р.М. Еркиновой за предоставленную возможность работы с коллекцией.

грудный и крупный ремни конской амуниции (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009). По особенностям оформления и способу крепления их можно разделить на две группы. К первой относятся три подвески сердцевидной формы с уступчатыми бортиками, заостренным носиком и полукруглым основанием. Они дополнительно оформлены расположенной в центре выпуклиной в виде антропоморфной личины (на цветной вклейке – фото 19.-1, 2, 5). Вдоль бортика каждого предмета симметрично располагаются растительные завитки. Данные бляхи отличаются способом крепления с помощью дополнительной, более тонкой, фиксирующей пластины, повторяющей контур основного изделия, и четырех симметричных шпеньков (на цветной вклейке – фото 20.-1, 2, 5).

Отметим, что изображение антропоморфных личин для территории Лесостепного Алтая является довольно редким, хотя и не единичным случаем. Г.Г. Король (2008) отмечает, что среди саяно-алтайских находок личины составляют компактный пласт. Представлены они и в Восточной Европе, но имеют региональные особенности. Предметы отличаются по стилистике личин, но схожи формой и использованием растительной орнаментации. Общность восточно-европейских украшений с сибирскими изделиями Г.Г. Король (2008, с. 123) объясняет лишь на уровне идеи в рамках «дружинной культуры». В совместном исследовании с Л.В. Коньковой они пришли к выводу о том, что некоторые европейские бляхи могли быть изготовлены в местных ремесленных центрах по «восточному» оригиналу (Конькова Л.В., Король Г.Г., 1999).

Предметы, аналогичные рассматриваемым украшениям с растительным орнаментом и личиной, встречаются в предгорьях Алтая в материалах памятника Сростки-I (раскопки М.Д. Копытова) и в Минусинской котловине (Король Г.Г., 2008, с. 96, рис. 22.-10–13; с. 99, рис. 23; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, рис. 50). Следует акцентировать внимание на том, что изделия с личинами из Минусинской котловины отличаются от схожих находок из Алтайского края более насыщенным характером растительной орнаментации. Многочисленные побеги (с бутонами, гроздьями и т.д.) заполняют всю поверхность изделия вокруг выпуклины. Экземпляры же с территории Верхнего Приобья, как правило, отличаются наличием растительных завитков лишь вдоль края украшения.

Растительный орнамент, отмеченный на рассматриваемых изделиях, может быть интерпретирован с точки зрения его семантической нагрузки. Г.Г. Король (2008, с. 150–153) указывает, что концепция бессмертия, бесконечного возрождения природы наилучшим образом выражается именно через растительный орнаментальный код. По ее мнению, в основе структуры большинства растительных композиций лежит схема «древа жизни» в разных ее вариантах. Также Г.Г. Король (2008) акцентирует внимание на следующем моменте. Поскольку часто растительный орнамент использовался в оформлении предметов снаряжения всадника и коня, «древо жизни», как символ круговорота жизни и бессмертия, служило символической защитой воина и его спутника – верхового коня.

Две другие подвески из рассматриваемой коллекции Н.С. Гуляева имеют также сердцевидную форму, полукруглое основание, заостренный носик и бортики, оформленные уступами (на цветной вклейке – фото 19.-3, 4 и 20.-3, 4). Они крепились на ремни шпеньковым способом. Изделия дополнены центральной выпуклиной, стили-

зованной под колокольчик, а по краю декорированы имитацией зерни, что является одной из отличительных черт украшений конского снаряжения сrostкинской культуры. Данный декор использовался на различных изделиях, но наиболее характерен был для блях-подвесок. Такие предметы зафиксированы в кургане №2 памятника Ивановка-III (Алехин Ю.П., 1996, с. 58–88), в кургане №1 комплекса Филин-I (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1999; МАЭА АлтГУ, колл. №168) и в алтайской коллекции В.В. Радлова (1989; Король Г.Г., 2008).

Реконструируя расположение подобных подвесок на амуниции лошадей, особое значение следует уделять использованию иконографических (изобразительных) источников. В силу специфики сохранности археологических материалов иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают воссоздать внешний вид верховых коней. Сведения о том, где именно и каким образом крепились бляхи-подвески на снаряжении верховых коней «тюркской» традиции, можно почерпнуть из различных групп иконографических данных. Приведем несколько подобных фактов.

Наиболее точные и детальные сведения выявляются при изучении погребальных скульптурок, значительная часть которых происходит из археологических памятников Китая. Нам удалось проанализировать 23 таких источника с изображениями верховых коней или лошадей с всадниками (Гумилев Л.Н., 1949, с. 235, 246–247; Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112, рис. 48.-а–б; Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41.-в; Вень У, 1964; 1981, с. 82–88; 1990, с. 37; Каогу, 1983; 1985; 1992, с. 1008; Каогу Тунсинь, 1958; и др.). Среди данных материалов лишь статуэткам из двух комплексов – Астана и Туяк-Мазар – посвящены исследования на русском языке. Они представляют собой фигурки всадников на лошадях. Памятники Астана и Туяк-Мазар расположены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан), а рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640–780 гг. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 108; 111, рис. 48а). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко (1984, с. 113), документы, относящиеся к третьему периоду существования могильника Астана, свидетельствуют об усилении тюркоязычной прослойки среди населения Турфанского оазиса, в том числе о поселении в 734 г. в уезде Сичжоу целого тюркского племени. В связи с этим целесообразно привести мнение Л.Н. Гумилева (1949, с. 247, рис. 4–6), который полагал, что скульптуры из Астаны и Туяк-Мазара представляют собой изображения тюркских воинов, служивших в войсках Танского правительства Китая. Указанные замечания позволяют с достаточной уверенностью констатировать, что турфанские статуэтки конных воинов изображают тюрков.

Скульптурные фигурки лошадей фиксируют четкий иконографический канон, связанный с изображением отдельных элементов снаряжения и, по-видимому, отражающий бытовавшие реалии. На них всегда присутствуют ремни узды, нагрудника и накрупника. Набор изображаемых украшений стандартен. Узда украшена налобной бляхой-подвеской, аналогичные изделия закреплены в районе перекрестья налобного и нащечных ремней слева и справа (на уровне глаз лошади). Нагрудник и накрупный ремни декорированы такими же украшениями, расположение и количество которых в ряде случаев варьируется: три или пять – на нагруднике и четыре, шесть или двенадцать – на накрупнике. Декор на многих предметах воспроизводится достаточно детально: обозначены не только контуры бляхи, но и растительный орнамент, выпуклина в центре и т.д.

Особую группу иконографических свидетельств составляют росписи, которые представлены на нескольких средневековых памятниках. Одним из них является пещера №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датируемого VII–VIII вв. (Дьяконова Н.В., 1984, с. 100; 216, рис. 12). Кроме того, следует упомянуть росписи 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. во дворце Афрасиаб в Средней Азии (Альбаум Л.И., 1975, с. 48–50). Названные фрагменты росписей весьма информативны. Они содержат изображения всех кожаных конструкций конской амуниции, а также декоративных элементов, среди которых имеются подвесные кисти, бляхи-накладки, султанчики.

Также определенные данные по расположению блях-подвесок на снаряжении верховых коней содержатся на петроглифах, выполненных в технике граффити (прочерчивания) или контурной выбивки. Среди массы средневековых наскальных изображений информативными для реконструкции конской амуниции и ее декоративных элементов являются следующие: петроглифы из бассейна р. Чаганки (Черемисин Д.В., 2001, рис. 3) и комплекса Кара-Оюк (Горбунов В.В., 2003, рис. 35.-7) в Горном Алтае; рисунки на Сулекской писанице в Минусинской котловине (Евтюхова Л.А., 1948, с. 105, рис. 187, 191); изображение из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемое 716–739 гг. (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214); петроглиф на памятнике Цагаан-Салаа-IV (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 3.-1); рисунок из урочища Хар-Хад в Монголии. Э.А. Новгородова и М.В. Горелик (1980, рис. 6, с. 112) датировали изображения Хар-Хада VI–VII вв. и указали на их тюркскую принадлежность. На петроглифах в технике граффити узда показана прямыми прочерченными линиями (не всегда доведенными до конца). На некоторых петроглифах, кроме кожаных конструкций амуниции, изображены украшения: подвесные бляхи или кисти, число которых различно (семь или пять на нагрудном ремне; шесть, четыре или десять – на крупном).

Назначение и использование подвесок, подобных предметам рассматриваемой серии, подтверждается сведениями различных источников. О расположении таких украшений на кыргызском конском снаряжении свидетельствуют бляхи от луки седла из Копенского чаатаса, представляющие собой изображения всадника на коне, нагрудный и крупный ремни которого украшены подвесками листовидной формы (Евтюхова Л.А., 1948, рис. 80).

Таким образом, иконографические источники обеспечивают исследователей разнородными, а порой уникальными, сведениями о декорировании амуниции верховых коней. Сравнительно-описательный анализ этих данных и вещественных археологических материалов позволяет составить достаточно полное представление не только о конструкции конского снаряжения, но и о наборах украшений и расположении их на амуниции. На наш взгляд, декорированное конское снаряжение, представленное в иконографии, отражает определенные стандартизированные наборы украшений в сочетании с конкретными ременными конструкциями, использовавшимися кочевниками в раннем средневековье. Их определенная универсальность могла быть обусловлена наличием этнокультурных контактов как средствами коммуникации.

Важно отметить, что о местонахождении блях-подвесок на ремнях узды и седла конского снаряжения тюрков можно непосредственно судить и по археологическим материалам, особенно в случаях обнаружения таких изделий в непотревоженных ком-

плексах. В этом отношении следует указать, например, на комплекс Джаргаланты в Монголии (Евтюхова Л.А., 1957, рис. 5.-1, 3, 7), где бляхи-подвески зафиксированы на костяке лошади в положении «*in situ*»: на нагруднике и по одной бляхе слева и справа на нащечных ремнях на уровне глаз коня.

Анализируемые бляхи-подвески из коллекции Н.С. Гуляева свидетельствуют об их принадлежности либо к двум разным комплектам конской амуниции, и в таком случае они могли украшать нагрудник (изделия с личинами на выпуклинах) и нащечные ремни или накрупник (изделия с изображениями колокольчиков на выпуклинах). Нельзя исключать и вероятность применения всех данных предметов в рамках одного набора, о чем косвенно свидетельствуют архивные материалы (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., Тишкина Т.В., 2009, с. 335). Рассмотренная коллекция блях-подвесок дополняет серию аналогичных украшений и обнаруживает стилистические признаки сходства с известными изделиями сrostкинской художественной традиции IX–X вв. н.э., зафиксированными в памятниках Алтайской лесостепи.

Библиографический список

Алехин Ю.П. Курьинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 58–88.

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. 106 с.

Боровков А.С. Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 3–9.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 5–35.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сrostкинской культуры Филин-I – **аварийный** памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 137–141.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения сrostкинской культуры Алтайской лесостепи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово, 2004. С. 246–248.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул, 2009. 144 с.

Гумилев Л.Н. Статуетки воинов из Туюк-Мазара // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 232–253.

Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 97–107: ил.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. 1957. №2. С. 205–227.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-Тас у села Копены // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. XI. С. 35–42.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 128 с.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 213–215.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этнографическое обозрение. 1999. №2. С. 56–68.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово, 2008. 332 с. (Труды САИПИ; вып. V).

Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984. 336 с.

Кубарев Г.В. Богатый уздечный набор из древнетюркского погребения // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 67–69.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1999. С. 157–169.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. 216 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 108–120.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С. 115–128.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.: ил.

Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960 гг. М.; Л., 1966. Т. II. С. 108–142.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Техничко-морфологические и этнокультурные особенности украшений конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. С. 57–63.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул, 2004. 126 с.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., Тишкина Т.В. Раннесредневековые металлические украшения конского снаряжения из коллекции Н.С. Гуляева // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 333–335.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 480–484.

Шиготарова Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 164–172.

Вень У. 1964 (на кит. яз.).

Вень У. 1981 (на кит. яз.).

Вень У. 1990 (на кит. яз.).

Каогу. 1983 (на кит. яз.).

Каогу. 1985 (на кит. яз.).

Каогу. 1992 (на кит. яз.).

Каогу Тунсинь. 1958 (на кит. яз.).

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

О.А. Попова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНДРОНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Первые материалы, достоверно датирующиеся периодом развитой бронзы, на территории современного Алтайского края были обнаружены еще в конце XIX в. (Киришин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 195). С тех пор в результате более чем столетнего изучения региона археологами выявлено и в различной степени изучено множество погребальных объектов, оставленных носителями андроновской культуры. Однако большая часть информации об исследованных памятниках и находках не систематизирована и представлена лишь в разрозненном виде в небольших статьях и кратких сообщениях. На сегодняшний день можно назвать только одну публикацию, посвященную конкретно этой теме, но в ней освещается лишь начальный этап исследования андроновских древностей (Позднякова О.А., 2001). Назрела необходимость обобщения всех имеющихся на сегодняшний день данных об изучении могильников андроновской культуры, расположенных на территории степного и лесостепного Алтая. Решению этой задачи и посвящена данная работа.

В настоящее время в истории полевого изучения погребальных памятников андроновской культуры Алтая возможно выделение нескольких условных этапов, отражающих основные тенденции в организации исследовательских работ. Так, первый этап (конец XIX – середина 1940-х гг.) – это время, характеризующееся в основном краеведческим направлением в исследовании памятников Алтая. О.А. Позднякова (2001) характеризует данный период как начало становления алтайского андроноведения и доводит его до 1956 г., когда в свет вышла обобщающая работа М.П. Грязнова. Основной заслугой исследователей этого периода является то, что они смогли сохранить и показать богатство памятников региона. В этот период начинают формироваться археологические коллекции музеев городов Барнаул, Камень-на-Оби, Бийск и др. Особенностью указанного периода, как, впрочем, во многом и последующих, стала случайность обнаружения многих могильников (Позднякова О.А., 2001, с. 90). Целе-направленный поиск памятников начался гораздо позже.

Первым шагом в изучении периода развитой бронзы на территории исследуемого региона стали работы местного архивариуса Н.С. Гуляева – члена-учредителя Общества любителей исследования Алтая (Тишкина Т.В., 2006, с. 124). Он смог собрать большую коллекцию археологических находок, происходящих преимущественно с территории Алтая. Часть ее в 1898 г. была передана им Археологической комиссии. Данная коллекция содержала изделия всех исторических эпох, в том числе и андроновской культуры. Наряду со сбором отдельных изделий, Н.С. Гуляевым производились и полевые исследования памятников археологии. Так, в 1896 г. им был начат осмотр ком-

плекса памятников у с. Большая Речка (современное с. Чаузово Топчихинского района) в урочище «Ближние Елбаны». В 1912 г. там было раскопано более 10 захоронений эпохи бронзы. К сожалению, полученные коллекции плохо документированы, что затрудняет их научную интерпретацию (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 195).

В 1924–1929 гг. на Алтае работала экспедиция этнографического отдела Государственного Русского музея, возглавляемая С.И. Руденко, в состав которой входил и М.П. Грязнов, ставший впоследствии одним из ведущих археологов Сибири. В 1925 г. М.П. Грязновым было проведено обследование долины Оби между Бийском и Барнаулом. В ходе этой разведки у д. Клепиково было обнаружено и раскопано четыре полуразрушенных погребения (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 196). Одновременно был найден могильник Хомутинка-III, находящийся также недалеко от д. Клепиково, и могильник Волчиха у с. Быстрый Исток (Грязнов М.П., 1956, с. 16–17). Данные захоронения были отнесены исследователем к андроновской культуре (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 196).

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. научно-исследовательскую деятельность на Алтае ведут в основном сотрудники местных краеведческих организаций. Пожалуй, наибольший вклад в изучение памятников бронзового века внес С.М. Сергеев – научный сотрудник, впоследствии директор Бийского, а затем Ойротского музеев. В 1928 г. на дюнах у с. Иконниково им совместно с М.Д. Копытовым были собраны отдельные фрагменты андроновских сосудов, а у д. Шипуново обнаружен разрушающийся ветрами андроновский могильник. В 1929 г. археологической экспедицией Бийского краеведческого музея под руководством С.М. Сергеева был открыт могильник Змеевка у с. Красный Яр Советского района и начаты его раскопки (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 197). Еще одно погребение было раскопано С.М. Сергеевым в 1939 г. в урочище Мокрый Яр около д. Мал. Угренева (Грязнов М.П., 1956, с. 16–17). Итогом деятельности С.М. Сергеева стало написание им двух научных трудов: «Андроновский этап древней бронзовой культуры в верховьях Оби» и «Карасукский этап древней бронзы в верховьях реки Оби». К сожалению, данные работы не были изданы, однако вошли в вышедшие позже монографии М.П. Грязнова и, отчасти, С.В. Киселева (Кунгуров А.Л., 1992). Материалы частично опубликованы в работах тех же С.В. Киселева и М.П. Грязнова, а также Н.Л. Членовой (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 197).

Ряд новых находок по андроновской культуре Алтая был сделан экспедицией Бийского краеведческого музея, возглавляемой его директором А.П. Марковым. В 1936 г. на дюнах у д. Шипуново была собрана большая коллекция андроновской керамики (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 198). В 1931 г. в результате хозяйственных работ обнаружено несколько андроновских погребений в 12 км к западу от Бийска на краю высокой береговой террасы (могильник Пригородное хозяйство ЦРК). Находки были отданы в Бийский музей, а специальных раскопок там не проводилось (Грязнов М.П., 1956, с. 16).

С момента начала работ Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры под руководством М.П. Грязнова в середине 1940-х гг. начинается второй этап в изучении погребальных памятников андроновского времени (середина 1940-х – середина 1970-х гг.). В это время наряду с местными организациями к изучению территории края приступают и профессиональные археологи из центральных научных заведений страны.

Экспедицией Эрмитажа были продолжены раскопки в урочище Ближние Елбаны. В ходе работ было исследовано 15 памятников, получивших номенклатуру Ближние Елбаны-I–XV. В двух пунктах: БЕ-XII и БЕ-XIV, удалось изучить 17 могил андроновского времени. Предварительные итоги этих работ были опубликованы М.П. Грязновым в статье «Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.)», а затем в 1956 г. обобщены в монографии «История древних племен Верхней Оби» (Грязнов М.П., 1956).

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. местные исследователи начали более интенсивное изучение памятников археологии Алтая. Так, в 1961 г. группой школьников под руководством В.И. Каца был обследован карьер кирпичного завода около с. Кытманово Кытмановского района. Им удалось исследовать 10 могил, частично разрушенных во время разработки карьера. В дальнейшем там работали экспедиции Алтайского и Бийского краеведческих музеев под руководством А.П. Уманского. К сожалению, полностью изучить данный памятник так и не удалось, поскольку часть могил, скорее всего, оказалась под постройками завода либо была разрушена. Материалы раскопок этого памятника долгое время не находили достойного отражения в научной литературе. Лишь в 2007 г. они были опубликованы в монографии Ю.Ф. Кирюшина, А.П. Уманского и С.П. Грушина (2007).

Экспедицией Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) в 1962 г. производились раскопки на Елбане №2, расположенном на левом берегу Алея между селами Нечунаево и Кабаково, где было обнаружено и исследовано одно погребение андроновской культуры (Уманский А.П., 1995). В 1963 г. небольшие аварийные работы производились сотрудниками музея в окрестностях с. Степной Чумыш Целинного района на курганном могильнике «Татарские могилки», где также были найдены андроновские погребения (Уманский А.П., 1967, с. 97).

В 1961 г. А.П. Уманский производил обследование разрушенных захоронений в с. Нижняя Суетка Суетского района. Через три года в Нижней Суетке работала совместная экспедиция Алтайского краевого краеведческого музея и Барнаульского государственного педагогического института. К тому времени большая часть памятника уже находилась под жилыми постройками, а раскопки производились траншеями, что существенно снижало их качество. Однако в результате работ удалось получить большое количество материалов, позволивших приумножить знания исследователей об эпохе развитой бронзы Кулунды и Алтая в целом (Уманский А.П., 1999).

Следует отметить, что пополнение источниковой базы происходило не только благодаря целенаправленным усилиям археологов-профессионалов. Так, по данным А.П. Уманского, в 1961 г. школьниками была найдена одна полуразрушенная могила у с. Бураново (могильник Морозов Лог), в 1964 г. обнаружено три погребения в с. Сараи. Один сосуд из андроновского могильника обнаружен в пределах г. Барнаула у кожезавода. В 1962 г. около с. Новоалександровка одно погребение было вскрыто геологом О.М. Адаменко (Уманский А.П., 1967, с. 97–98). Еще одна могила на территории Барнаула (ул. Депутатская) была найдена в 1963 г. местной жительницей во время рытья погреба (Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л., 1983, с. 17; Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т., 2006, с. 36). При таких же обстоятельствах было найдено андроновское погребение в с. Черная Курья (могильник Черная Курья-II) (Иванов Г.Е., 2000, с. 92).

Сотрудником Алтайского краевого краеведческого музея Э.М. Медниковой в 1968 г. на территории Усть-Пристанского района был обнаружен андроновский могильник Ел-

банка-I, а в 1970 г. в ходе обследования территории, прилегающей к Барнаулу, был выявлен андроновский могильник Подтуруно (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993, с. 67).

В 1971–1976 гг. Алейской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова производились работы по обследованию зоны затопления Гилевского водохранилища в Третьяковском районе. В ходе этих работ недалеко от с. Староалейское был открыт курганный могильник андроновской культуры Корболиха-I (Могильников В.А., 1980; Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б., 1996, с. 200). Одновременно в исследуемом регионе зафиксированы грунтовый могильник Гилево-III и курганная группа Гилево-VI. На последнем памятнике в двух из четырех раскопанных курганов были встречены материалы андроновской культуры (Могильников В.А., 1997, с. 104–105).

Свой вклад в изучение погребальных памятников периода развитой бронзы внес и Г.Е. Иванов. В 1965–1980-е гг., являясь учителем истории средней школы с. Черная Курья Мамонтовского района и руководителем школьного археологического кружка, он открыл ряд археологических памятников в окрестностях сел Черная Курья и Крестьянское, в том числе могильник андроновского периода Крестьянское-VII (Иванов Г.Е., 2000, с. 32). Андроновская керамика была также найдена на могильниках Суслово-II, Калиновка-I, Курейка-VII (Иванов Г.Е., 2000, с. 63, 85, 117).

С середины 1970-х гг. начинается третий, современный этап в изучении погребальных памятников андроновской культуры на территории Алтая.

Его маркером стало открытие в Барнауле Алтайского государственного университета (АлтГУ) и создание в нем в 1978 г. Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая, а позже и кафедры археологии, этнографии и источниковедения. Их появление позволило изменить и саму организацию археологических работ на Алтае, и уровень археологических интерпретаций. Значительно возрос объем как разведочных, так и стационарных работ во многих районах края. Они также стимулировались активизацией работ по хозяйственному освоению края. Все это способствовало значительному расширению источниковой базы, необходимой для реконструкции древнего прошлого региона и, в частности, по эпохе развитой бронзы (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с. 205–206).

В этот период большой вклад в исследование памятников андроновской культуры внес Ю.Ф. Кирюшин, один из ведущих археологов Сибирского региона. Так, в 1978 г., обследуя место обнаружения андроновского сосуда школьниками с. Елунино Павловского района, ему удалось выявить андроновский могильник (Елунинский грунтовый могильник-II) (Кирюшин Ю.Ф., 1980, с. 66).

В 1976 г. совместной экспедицией АлтГУ и АККМ были продолжены раскопки могильника Подтуруно. В 1977 г. на нем работали В.Б. Бородаев и А.Л. Кунгуров, а также экспедиция АККМ под руководством Э.М. Медниковой. С 1979 по 1982 г. раскопки здесь проводились экспедицией В.А. Рябцева. К сожалению, часть документации раскопок была утрачена. Остальные материалы этого памятника были опубликованы Ю.Ф. Кирюшиным и С.Ю. Лузиным (1993, с. 67) лишь в 1993 г.

В начале 1980-х гг. сотрудниками АлтГУ проводились работы по изучению памятников археологии юго-западных районов Алтайского края. В Угловском районе в результате проверки информации об обнаружении в 1979 г. учителем Павловской

средней школы Н.П. Нудных комплекса разрушающихся памятников у сел Павловка и Алексеевка А.Б. Шамшиным и Ю.Ф. Кирюшиным в разные годы был обследован целый ряд разновременных памятников. В частности, севернее с. Павловка среди песчаных раздувов был обнаружен андроновский могильник Павловка-ХІІІ (Кирюшин Ю.Ф., Ключкин Г.А., 1985, с. 75–78).

В 1980 г. Ю.Ф. Кирюшин и В.Б. Бородаев на территории ИТК УБ №14/8 обследовали место обнаружения нескольких бронзовых предметов, которые возможно происходили из погребения (могильник Развилка). Однако вопрос об их принадлежности к андроновской культуре остается открытым (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Дашковский П.К., 2004).

В 1983 г. Алтайская экспедиция АлтГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина начала исследования комплекса разновременных памятников у д. Быково Шелаболихинского района (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 206; 1987, с. 32). Одним из главных объектов изучения стал могильник Быково-ІІ, работы на котором проводились в течение 1983–1984 гг. (Шамшин А.Б., 1998, с. 21–22).

Начиная с 1984 г. крупномасштабное изучение окрестностей с. Фирсово Первомайского района производилось Приобской археологической экспедицией АлтГУ под руководством А.Б. Шамшина. Значительные работы были проведены на открытом в 1987 г. разновременном могильнике Фирсово-ХІV. Наиболее представительными из исследованных здесь комплексов являются материалы андроновской культуры (Шамшин А.Б., 2007, с. 79). На сегодняшний день это один из самых крупных известных андроновских могильников на территории Верхнего Приобья. Еще одним исследованным в этом районе некрополем андроновского времени стал грунтовый могильник Фирсово-ХХІ (Кунгуров А.Л., 2006, с. 351).

В это же время В.А. Рябцевым при изучении периферии Новоалтайского поселения, расположенного в Первомайском районе, было исследовано несколько андроновских погребений, материалы которых до сих пор не опубликованы (Шамшин А.Б., 1993, с. 73).

В.П. Семибратовым в 1985 г. в окрестностях с. Ребриха одноименного района был обнаружен могильник Барсучиха-І, в материалах которого присутствовал сосуд андроновского типа (Иванов Г.Е., Семибратов В.П., 1993, с. 112–113). В 2003 г. экспедицией Барнаульского государственного педагогического университета неподалеку от могильника было открыто поселение эпохи раннего железа Барсучиха-ІІ, на территории которого позже были раскопаны и андроновские погребения (Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Пугачев Д.А., Запрудский С.С., 2005, с. 87–90; Рязанов Г.П., 2008, с. 126).

В 1991 г. местным жителем с. Плоское Третьяковского района недалеко от деревни было обнаружено древнее захоронение в каменном ящике (могильник Сигнал). К моменту прибытия на место Юго-Западной археологической экспедицией АлтГУ погребение оказалось полностью разрушенным (Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б., 1996, с. 210).

Одновременно Приобской археологической экспедицией под руководством Ю.Ф. Кирюшина и А.Б. Шамшина были проведены разведочные работы на могильнике Восход-І, недалеко от бывшего с. Восход Быстроистокского района. На площади раскопа было выявлено три могилы, две из которых датируются андроновским временем (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Позднякова О.А., 2001, с. 70–72).

В 1992 г. археологическая экспедиция АлтГУ исследовала разрушенный автодорогой андроновский могильник Быково-IV, находящийся в Шелаболихинском районе на юго-западной окраине с. Быково (Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю., 1993, с. 102).

М.Т. Абдулганеевым в 1993–1994 гг. в связи с возникшей угрозой размыва дюн у с. Чаузово Топчихинского района были продолжены исследования комплекса памятников в урочище Ближние Елбаны. На могильнике БЕ-XVI, обнаруженным Ю.Ф. Кирюшиным и Б.В. Бородаевым в 1981 г., было вскрыто восемь андроновских погребений. Кроме того, в пункте БЕ-VI М.Т. Абдулганеевым были исследованы еще три андроновских погребения (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б., 1996, с. 11).

Весьма интересные результаты были получены П.И. Шульгой в ходе изучения в 1996 г. разрушенного погребения на правом берегу Чарыша у с. Куйбышево Краснощекского района. Могила была разграблена местными жителями, однако исследователю удалось вернуть сосуд и золотую серьгу, происходившие из этого захоронения. Могильник получил название Чесноково-I (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 33).

В это же время в свет вышла статья Ю.Ф. Кирюшина и А.Л. Кунгурова, посвященная вводу в научный оборот трех раскопанных А.П. Уманским андроновских могильников на территории Верхнего Чумыша. Исследователи отмечают, что здесь (Манжиха, карьер кирпичного завода и Куяк-1) изучено несколько погребений. В этой же работе была опубликована раскопанная в 1991 г. могила на останце Коврижка, также датирующаяся авторами статьи андроновским временем (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, с. 24, 27).

В 1997 г. экспедицией АлтГУ на разновременном памятнике Телеутский Взвоз-I, находящемся недалеко от с. Елунино Павловского района, было изучено одно аварийное андроновское погребение (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 40–45).

М.А. Деминым и В.Б. Бородаевым в ходе разведочных работ 1996 г. на территории Гилевского водохранилища открыт могильник развитой бронзы Чекановский Лог-II. В 1998 г. во время обследования береговой зоны сотрудниками экспедиции был выявлен грунтовый могильник Чекановский Лог-X (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, с. 4, 31). Раскопки на нем под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова проводились в течение 1999–2006 гг. Полученные в результате данные опубликованы в их совместной монографии (Демин М.А., Ситников С.М., 2007).

В 1999 г. Кулундинской археологической экспедицией АлтГУ и Лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН недалеко от поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI в Михайловском районе был открыт могильник Рублево-VIII (Папин Д.В., 2001, с. 246). Раскопки на памятнике ведутся и в настоящее время. Данные о раскопках ежегодно публикуются (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2004; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2005–2008).

В 2001 г. в ходе раскопок средневековых курганов близ пос. Прудской Калманского района был обнаружен частично разрушенный курганами андроновский могильник Прудской-I. Также в этом году сотрудниками АлтГУ в Алейском районе было обнаружено одно разрушающееся погребение (могильник Малаховский), а также продолжены исследования на могильнике Чарышское-VI, открытом в 1998 г. сотрудниками Научно-производственного центра (НПЦ) «Наследие» (Тишкин А.А., Позднякова О.А., 2001).

Осенью 2007 г. археологическим отрядом АлтГУ и сотрудниками НПЦ «Наследие» было раскопано два детских погребения в аварийной части андроновского могильника Калистратиха-II, расположенного на коренном берегу Оби в районе с. Калистратиха Калманского района (Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В., 2007).

Подводя итог можно констатировать следующее: на сегодняшний день на территории Алтайского края известно 55 андроновских могильников, на которых в общей сложности изучено около 700 погребений. И эти цифры ежегодно увеличиваются. Наиболее крупными изученными погребальными памятниками являются такие некрополи, как Фирсово-XIV (около 200 погребений), Чекановский Лог-II (26 могил) и Чекановский Лог-X (111), Рублево-VIII (89), Кытманово (около 60), Нижняя Суетка (32), Подтурино (около 50), комплекс памятников Ближние Елбаны (всего 29 погребений), Быково-II (около 30). Большинство могильников грунтовые, курганными являются такие памятники, как Змеевка, Корболиха, Татарские могилки, Гилево-VI, Ближние Елбаны-VI (хотя принадлежность насыпей андроновской культуре во многих случаях сомнительна).

В истории исследования андроновских некрополей выделяются три этапа, различающиеся как по цели работ, так и по их организации: от случайных находок и спорадических раскопок к целенаправленному выявлению могильников и их стационарному изучению. Свой вклад в исследование андроновской культуры на Алтае внесли как местные исследователи-любители, так и профессиональные археологи из ведущих научных центров страны.

Большинство изученных андроновских некрополей концентрируется в Барнаульско-Бийском Приобье, по берегам рек, а также в предгорьях Алтая и Предсалаирской равнине. Довольно мало могильников открыто на территории степного Алтая – Кулундинской равнине. Возможно, подобная ситуация связана с малой изученностью данного региона. В целом все эти памятники выглядят довольно однородными, хотя наблюдается и отдельное своеобразие погребального обряда некоторых могильников, что, возможно, было обусловлено влиянием традиций сопредельных регионов. Что касается культурной принадлежности некрополей, то большинство авторов избегают четкого отнесения данных комплексов к какому-либо определенному типу андроновской общности. Некоторые авторы отмечают смешанный характер алтайских материалов. Здесь присутствуют как федоровские, так и алакульские черты (Кирюшин Ю.Ф. и др., 2004, с. 75). Мы также придерживаемся этой точки зрения.

Параллельно с полевым исследованием погребальных памятников шло и теоретическое осмысление полученных данных. Однако следует заметить, что попытки обобщить выводы по погребальному обряду исследуемой нами территории предпринимались редко. Таким образом, на данный момент перед учеными стоит задача анализа всего имеющегося материала и с помощью накопленного опыта выход на новый уровень теоретического осмысления и интерпретации погребального обряда андроновских племен степного и лесостепного Алтая.

Научный руководитель – д.и.н., проф. Ю.Ф. Кирюшин

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 11–20.

Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 102–106.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА. М.; Л., 1956. №48. 256 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. Ч. 1. 274 с.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е., Семибратов В.П. Археологические памятники у с. Ребриха // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. IV, ч. 1. С. 111–114.

Кирюшин Ю.Ф. Новый могильник андроновской культуры у села Елунино // Древняя история Алтая: (Материалы к своду археологических памятников Алтайского края). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 66–72.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 206–207.

Кирюшин Ю.Ф. Работы в лесостепном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 32–35.

Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. С. 7–30.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Дашковский П.К. Бронзовые предметы со станции Развилка (Верхнее Приобье) // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 57–61.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Андроновские находки на Верхнем Чумыше // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 22–27.

Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 67–94.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Поздняков Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Предварительные итоги изучения грунтового могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 164–168.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Особенности погребального обряда андроновского комплекса грунтового могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 344–346.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Исследование грунтового могильника Рублево-VIII в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 361–364.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б., Дядьков П.Г., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Комплексные археолого-геофизические исследования могильника Рублево-VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 268–272.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Пугачев Д.А., Запрудский С.С. Аварийные археологические исследования поселения Барсучиха-II в Ребрихинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 86–90.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-I // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 40–47.

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Грунтовый могильник Калистратиха-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат. регион. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 206–208.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 194–207.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Позднякова О.А. Грунтовый могильник Восход-I – новый памятник андроновской культуры Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. 12. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия АГУ. 1996. №2. С. 33–38.

Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. Вып. XV. С. 177–184.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 327–385.

Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Азбука, 2006. 200 с.

Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 155–159.

Могильников В.А. Андроновские курганы Гилево-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. 8. С. 104–108.

Папин Д.В. Исследования в Алтайской Кулунде // Археологические открытия 1999 года. М.: Наука, 2001. С. 246–247.

Позднякова О.А. Об этапе становления алтайского андроноведения // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 89–92.

Рязанов Г.П. Проведение археологических раскопок на памятнике Барсучиха-II // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 125–126.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 194–210.

Тишкин А.А., Позднякова О.А. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 460–464.

Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в окрестностях д. Большая Речка в 1912 году // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 124–133.

Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // ИЛАИ. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 96–100.

Уманский А.П. Андроновская могила на Елбане близ Нечунаево // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2. С. 61–65.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья: (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.

Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Барнаул, 1993. Вып. XVII. С. 70–82.

Шамшин А.Б. Очерки древнего прошлого Шелаболихинского района // Из истории населенных мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–33.

Шамшин А.Б. Комплексы развитой и поздней бронзы некрополя Фирсово-XIV (Барнаульское Приобье) // Кадырбаевские чтения. Актобе: Изд-во Принта, 2007. С. 78–81.

ЛОШАДИ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ (по остеологическим данным)

Устойчивым элементом погребальной практики кочевников Алтая раннего железного века и раннего средневековья является сопроводительное захоронение лошади с человеком. Многими исследователями данное обстоятельство связывается с представлением о коне как о проводнике умерших в загробный мир. Поэтому не случайно это животное находится в могилах людей разного социального статуса независимо от пола и возраста. Более редкое сопроводительное захоронение лошади в погребениях объясняется имущественным положением умерших (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 98). Раскопки курганов дали обширный материал в области иппологии. Представительная серия и важность для реконструкции хозяйственной деятельности вызвали необходимость проведения специального исследования.

В нашем распоряжении оказались материалы из памятников скифского (Бийке-III, Берсюкта-II, Чобурак-II – пазырыкская культура, раскопки В.П. Семибратова; Ханкаринский дол – пазырыкская культура, раскопки П.К. Дашковского), «гунно-сарматского» (Яломан-II – булан-кобинская культура, раскопки А.А. Тишкина), тюркского (Филин-I, Успенровка-II, Прудской, Поповская дача, Иня-I, Чинета-II, Грань, Белый Камень – сроткинская культура, раскопки А.А. Тишкина, В.В. Горбунова, П.К. Дашковского; Усть-Бийке-III – тюркская культура, раскопки А.А. Тишкина) и монгольского (Кармацкий – кармацкая культура, раскопки А.А. Тишкина) времени. Кроме того, привлекались другие ранее опубликованные данные (Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994; Гребнев И.Е., Васильев С.К., 1994; Васильев С.К., 2000; Макарова Л.А., 2007).

Материалы из памятника Ханкаринский дол нами специально рассматривались как отдельная группа, так как он расположен в буферной зоне (предгорные районы Алтая). Морфометрические исследования проводились автором статьи совместно с сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН Д.А. Явшевой. В настоящей работе основное внимание уделено анализу посткраниальных отделов скелета.

Сегодня исследователями отмечается высокая информативность, наряду с черепом и зубной системой, метаподиальных костей, которые лучше всего сохраняются в захоронениях. Дистальные отделы конечностей несут признаки адаптации к грунту, что позволяет судить о палеогеографической обстановке. Метаподии служат незаменимым материалом для построения филогенетических линий ископаемых лошадей и широко используются для создания биоистратиграфических схем. В последние годы на основе новой нетрадиционной методики, предложенной В. Айзенманн, появилась возможность идентификации различных форм *Equus*, исходя из особенностей строения метаподиальных костей. Суть метода заключается в графическом выражении промеров, что позволяет выявить степень сходства и различия между сравниваемыми формами. В ряде работ В. Айзенманн было показано, что у родственных форм графические построения подобны, а у представителей разных видов и подвидов существенно отличаются (Гребнев И.Е., Васильев С.К., 1994, с. 106).

На костях (пястных и плюсневых) производится по 14 промеров, значение каждого соотносится с аналогичным промером кулана (*Equus hemionus onager*), берется десятичный логарифм этого отношения, значения которых отмечается точками на поле координат и соединяется в характерную кривую (Форонова И.В., 1990, с. 7).

Хорошая сохранность метаподиальных костей позволила провести детальное сравнение лошадей по методике, разработанной В. Айзенманн и ее соавторами (Eisenmann V., 1979; Eisenmann V., Karchoud A., 1982; Eisenmann V., Beckouche S., 1986). Однако, используя общую идею, изложенную в этих работах, мы несколько модифицировали эту методику для удобства работы и более наглядного сравнения. Значения промеров П7 и П8 помещены соответственно в среднюю часть графиков, а не в их правый край как в оригинальном варианте.

Графические выражения средних пропорций пястных костей из памятников скифского времени демонстрируют определенные различия конституционных характеристик лошадей данного периода, что продиктовано географической изменчивостью. Так выделяются три группы: Бийке-III, Берсюкта-II, Чобурак-II; Уландрык-I, II; Ак-Алаха-I, Кутургунтас и Ханкаринский дол (рис. 1).

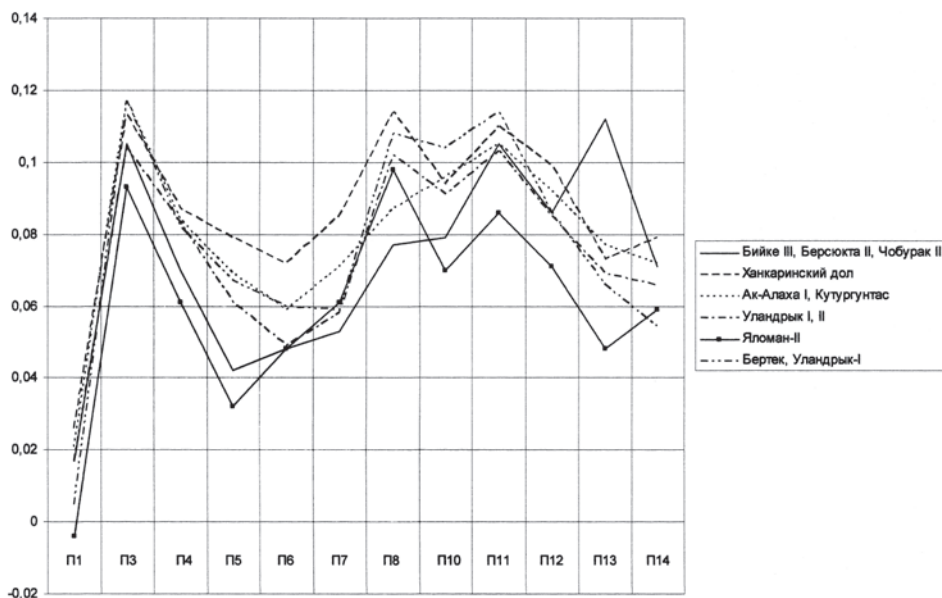

Рис. 1. Графики средних пропорций пястных костей лошадей из памятников Горного Алтая

В настоящей работе впервые вводится в научный оборот остеологический материал «гунно-сарматского» времени, которое позволит пролить свет на вопрос о возможной преемственности между лошадьми скифского и тюркского времени. Схожи графики пропорций пястных костей Ханкаринский дол и Яломан-II (рис. 1). Отличие составляет промер №5. При сравнении кривых плюсневых костей подобие обнаруживают Яломан-II и Бийке-III, Берсюкта-I, Чобурак-II (рис. 2).

Интересные факты дает сравнение таких важных породных характеристик, как рост в холке и индекс тонконогости. Подход В.О. Витта (1952) в определении высоты в холке сегодня считается наиболее приемлемым, так как ряд других методических решений устарел и грешит определенной условностью (в том числе и методика Л. Кизельвальтера). Вычисление индекса тонконогости было произведено традиционным способом (Браунер А.А., 1916, с. 106).

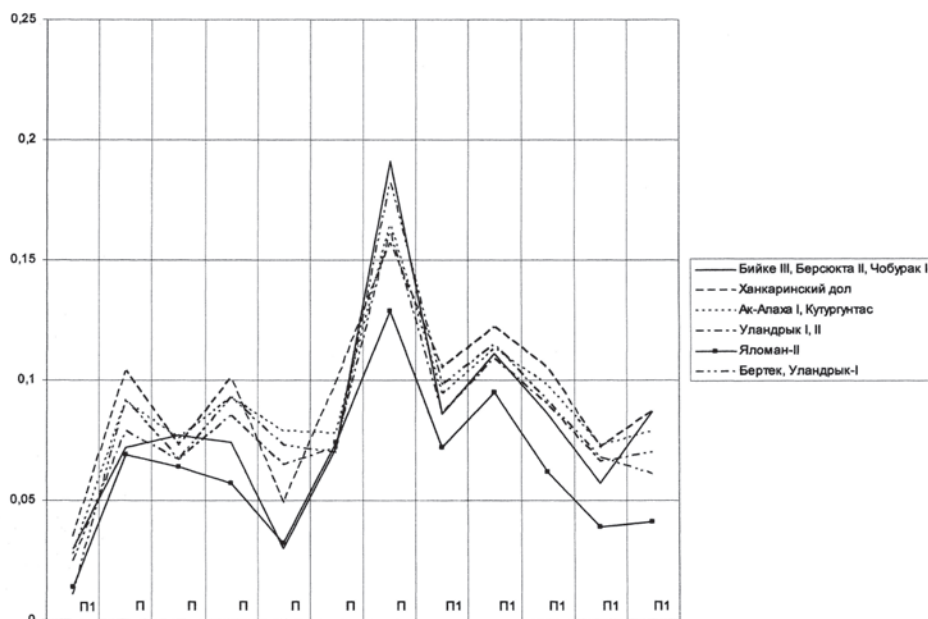

Рис. 2. Графики средних пропорций плюсневых костей лошадей из памятников Горного Алтая

Данные, приведенные в таблице 1 и опубликованные П.А. Косинцевым (2008, табл. 1), наглядно демонстрируют преобладание в скифо-сакское время на территории Алтая лошадей среднего роста (136–144 см), что фиксируется на всех памятниках обозначенного времени. Кони выше среднего роста (144–152 см) обнаружены в погребениях элиты, расположенных в высокогорных районах. Их процентное выражение не превышает 30%. В этой связи невольно вспоминается положение о тенденции к измельчанию и огрублению животных в условиях гор (Витт В.О., 1952, с. 188). Противоречие между обозначенной тенденцией и реальной картиной – следствие того, что крупных верховых лошадей население скифского времени либо привело с собой, либо добывало в ходе войн с других территорий. При этом они высоко ценились в обществе и помещались только в погребения элитных социальных слоев. Вышесказанное свидетельствует в пользу гипотезы о разнопородности лошадей Алтая I тыс. до н.э. (как минимум две).

В пользу идеи об однопородности лошадей скифского времени говорит незначительное количество крупных, высокопородных лошадей в табунах. Вряд ли каждый рядовой кочевник мог себе позволить столь ценных животных. Постепенно шла адаптация к условиям проживания, что привело к некоторому огрублению консти-

туции. В памятниках последующих эпох мы не обнаруживаем столь рослых коней. Возможно, произошла нивелировка породных показателей в сторону местных аборигенных лошадей. Однако необходимо исследование материалов из памятников знати «гунно-сарматского» и тюркского времени.

Вопрос, является ли современная лошадь Горного Алтая потомком «скифских», остается открытым. Постепенное изменение костяка выявляется при сравнении лошадей по индексу тонконогости. Из приведенных данных (табл. 2; Косинцев П.А., Самашев З.С., 2008, табл. 1) можно отметить некоторое утолщение пястных костей.

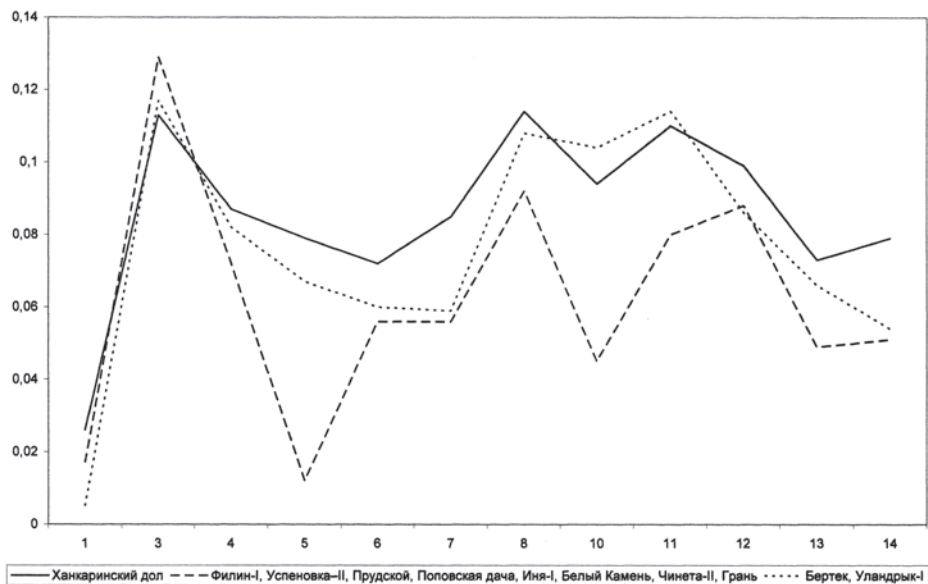

Рис. 3. Графики пропорций пястных костей из памятников Горного и Лесостепного Алтая

Для более четкого понимания сложившейся ситуации необходимо привлечение данных предшествующего (раннескифского) времени. Сегодня из сопредельных территорий, пожалуй, только для территории Тувы есть данные по обозначенному периоду (Косинцев П.А., Самашев З.С., 2008, с. 138–139). Однако это – выборка из памятников знати, в связи с чем она может не отражать основное поголовье, так как высока вероятность специального отбора. В литературе неоднократно упоминалась возможность того, что позднеплейстоценовая *Equus ex. gr. gallicus* (точнее ее голоценовые потомки – тарпаны) послужила основой для доместикации большинства пород лошадей Евразии, в частности, скифского времени (Васильев С.К., 2000, с. 242; Макарова Л.А., 2007, с. 67).

Отдельно нами рассматриваются лошади кочевников Лесостепного Алтая, что объясняется другим грунтом и климатом в отличие от Горного Алтая, адаптация к которым неизбежно ведет к изменениям в конституции. Кони из памятника Ханкаринский дол имеют большее сходство с *Equus* из захоронений лесостепи, чем Горного Алтая. Однако наблюдается относительная близость с материалами из памятника Яломан-II (рис. 1–4).

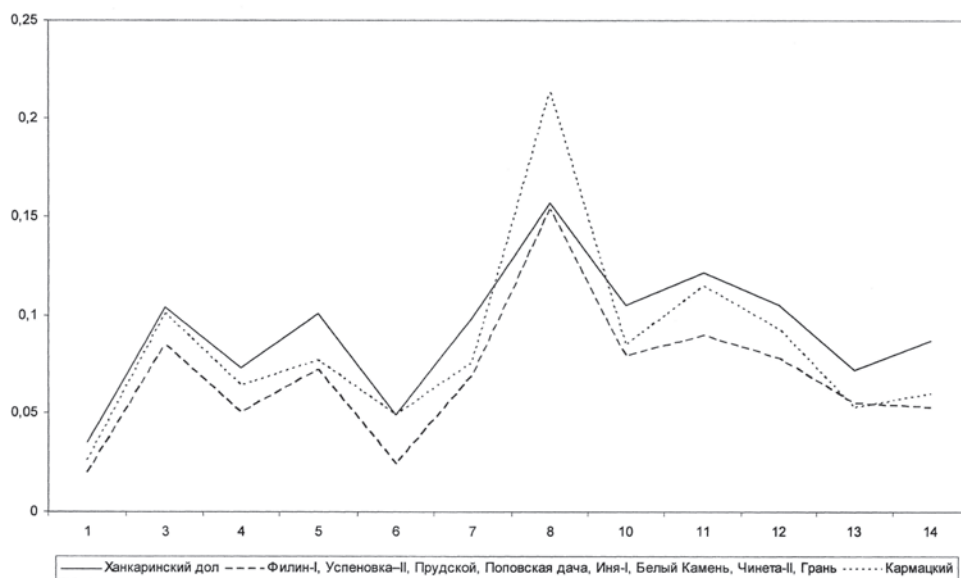

Рис. 4. Графики пропорций плюсневых костей предгорий (Ханкаринский дол) и Лесостепного Алтая (остальные памятники)

Сравнивая рост лошадей тюркского времени Лесостепного и Горного Алтая, можно отметить определенную схожесть (табл. 1; Васильев С.К., Гребнев И.Е., 1994, с. 186). Следует упомянуть и об одной особи из кургана №5 могильника Усть-Бийке-III (тюркская культура). Сохранность костяка позволила определить рост только по лучевым и бедренным костям. Данное животное было ниже среднего роста. При этом относительно особей предшествующих эпох также наблюдается перевес группы ниже средних по росту. Такая тенденция фиксируется уже в «гунно-сарматское» время (табл. 1). Огрубление костяка отмечается также и по индексу тонконогости (табл. 2).

Таблица 1

Рост в холке лошадей по отдельным группам (в процентах)

Группы лошадей	Количество особей	Малорослые (120–128 см)	Ниже среднего роста (128–136 см)	Среднего роста (136–144 см)	Выше среднего роста (144–152 см)
Берсюкта-II, Чобурак-II, Бике-III	5	–	–	100	–
Ханкаринский дол	10	–	10	90	–
Яломан-II	19	4,8	52,4	42,8	–
Филин-I, Успеновка-II, Прудской, Поповская дача, Иня-I, Белый Камень, Чинета-II, Грань	16	–	56,25	37,5	6,25
Кармацкий	1	–	–	100	–

Таблица 2

Соотношение групп лошадей по индексу тонконогости (в %)

Группы лошадей	Количество особей	Крайне тонконогие	Тонконогие	Полутонконогие	Средненогогие
Берсюкта-II, Чобурак-II, Бике-III	4	–	25	50	25
Ханкаринский дол	10	–	20	70	10
Яломан-II	19	10,5	21,05	47,4	21,05
Филин-I, Успеновка-II, Прудской, Поповская дача, Иня-I, Белый Камень, Чинета-II, Грань	10	–	30	50	20
Кармацкий	1	–	–	100	–

К сожалению, по лошадям монгольского времени Лесостепного Алтая (могильник Кармацкий) у нас оказалась очень маленькая выборка (две плюсневые и две пястные кости), что позволило лишь с определенной долей условности соотнести их с материалами скифского и тюркского времени. Если взглянуть на графики пропорций плюсневых костей, то четко видна близость форм лошадей из памятников Ханкаринский дол, сроскинской культуры и могильника Кармацкий (рис. 4). Это всего лишь рабочая версия об их конституционной схожести в связи с тем, что выборка слишком ограничена.

Говоря о кочевниках Алтая, можно заключить, что в скифо-сакское время они обладали как минимум двумя породами лошадей: местной, аборигенной (в основе своей полутонконогие, среднего роста) и привозимой (более крупные – выше среднего роста, полутонконогие особи). Активные связи с государствами Средней Азии, выявленные по данным археологии, косвенно подтверждают версию о том, что именно с этой территории и приводили этих верховых коней.

Несмотря на присутствие более высокопородных особей в составе табунов, это не оказало большого влияния на местных лошадей. В «гунно-сарматское» время происходит нивелировка породных различий этих двух пород под влиянием условий проживания. Возможно, данное обстоятельство можно объяснить отсутствием исследованного материала из столь богатых погребений в данный период.

На имеющемся сегодня материале для Горного Алтая можно выделить три группы лошадей: Бийке-III, Берсюкта-II, Чобурак-II; Уланрык-I, II; Ак-Алаха-I, Кутургунтас и Яломан-II. Различия между ними имеют территориальный и хронологический характер. При этом не исключено, что это были лошади со схожей конституцией.

Для материалов из памятника Ханкаринский дол выявлено большее сходство с Equus из погребений лесостепи, чем Горного Алтая. Вероятно, это связано с влиянием климатических условий и грунта.

Говоря о лошадях кочевников Алтая, следует сказать, что происходит ухудшение породных характеристик от скифского к тюркскому времени. Такая тенденция характерна не только для лошадей Горного, но и для Лесостепного Алтая. Сложность сравнений отчасти связана с тем, что все материалы происходят из погребений, для которых мог производиться специальный отбор.

Главный вопрос об однородности лошадей Алтая остается не решенным. Идея о существовании одной породы на территории Горного Алтая пока не находит подтверждения. На настоящий момент данная гипотеза актуальна только для плато Укок.

Научный руководитель – д.и.н., проф. А.А. Тишкин

Библиографический список

- Браунер А.А. Лошади курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки общества сельского хозяйства Южной России. Херсон, 1916. Т. 86, кн. 1.
- Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 237–242.
- Васильев С.К., Гребнев И.Е. Osteологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 183–186.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.
- Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры // Н.В. Полосьмак «Стерегущие золото грифы». Новосибирск, 1994. С. 106–111.
- Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади Алтая в скифо-сакское время // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 137–140.
- Макарова Л.А. Биометрия лошадей двух Берельских курганов. Астана: Агроиздат, 2007. 112 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с.
- Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. Новосибирск: Наука, 1990. 132 с.
- Eisenmann V. Les metapodes d'Equus sensu lato (Mammalia, Perissodactyla) // Geobios. 1979. Vol. 12 (6). P. 863–886.
- Eisenmann V., Karchound A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bull. Mus. nat. Hist. nat. P., 1982. T. 4 (1/2). P. 75–103.
- Eisenmann V., Berckouche S. Identification and Discrimination of Metapodials from Pleistocene and Modern Equus, Wild and Domestic // Meadow, Verpmann. Equids in Ancient World. Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe A., Wiesbaden, 1986. P. 116–163.

Н.Н. Сергин

Алтайский государственный университет, Барнаул

РАННИЕ СТРЕМЕНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ С.И. РУДЕНКО*

Изучению стремян в отечественной и зарубежной археологической литературе традиционно уделяется большое внимание. В первую очередь, это обусловлено тем, что рассматриваемые изделия являются достаточно четкими хронологическими показателями. Анализ эволюции стремян позволяет делать выводы об особенностях развития военного дела кочевников, о специфике социальной организации кочевников, направлениях этнокультурных контактов и т.д. Различные вопросы, связанные с изучением рассматриваемой категории предметного комплекса, затрагиваются в большинстве обобщающих работ, посвященных анализу археологических материалов эпохи средневековья с различных территорий (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Кирпичников А.Н., 1973; Кызласов И.Л., 1983; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988; Овчинникова Б.Б., 1990; и мн. др.). При этом специальных исследований, направленных на детальный анализ особенностей типологического развития стремян, их социальной значимостью, спецификой использования в ритуальной практике, гораздо меньше (Нестеров С.П., 1988; Неверов С.В., 1998). Возможно, именно этим объясняется то, что на сегодняшний день целый ряд вопросов в рамках рассматриваемой тематики остаются дискуссионными.

При изучении различных аспектов развития стремян наиболее часто специалистами затрагивается комплекс вопросов, связанных с проблемой их происхождения и

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Тюркская культура Южной Сибири: реконструкция этногенетических и историко-культурных процессов» (№09-01-94702 м/мл).

начального распространения. При этом в абсолютном большинстве работ привлекаются пластинчатые стремена (см. обзор: Комиссаров С.А., Худяков Ю.С., 2005). Гораздо более фрагментарно рассматривается специфика изделий с петельчатым ушком. Сделать ряд замечаний в этом направлении позволяет изучение находок из коллекции С.И. Руденко, хранящейся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В.А. Флоринского*.

В коллекции №6278, включающей 196 учетных единиц, помимо других предметов представлено семь железных стремян, относящихся к различным периодам эпохи средневековья. Судя по номерам и записям, находки были получены С.И. Руденко в ходе сборов «... в Мариинском и Ачинском округах Енисейского края» в 1920 г. Краткая информация о стремянах данного собрания представлена в предварительной публикации (Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н., 2009, рис. 1–2). В настоящей статье более подробно остановимся на анализе двух ранних находок.

Коллекция №6278–118 (рис. 1). Общие размеры изделия: высота 11,8 см, наибольшая ширина 10,5 см. Ушко стремени петельчатое, слегка приплюснутое, выполненное путем наложения друг на друга концов железного прута с последующей их проковкой. Высота и ширина ушка составляют 2,75 см. Отверстие для стремennого ремня подтреугольной формы, высотой 1,5 см и шириной 1,75 см. Дужки изделия округлой формы, в сечении округлые граненые. Их толщина составляет от 0,5 см у петли до 0,75 см у подножки. Подножка стремени прямая и плоская, шириной до 1,8 см и толщиной 0,2 см.

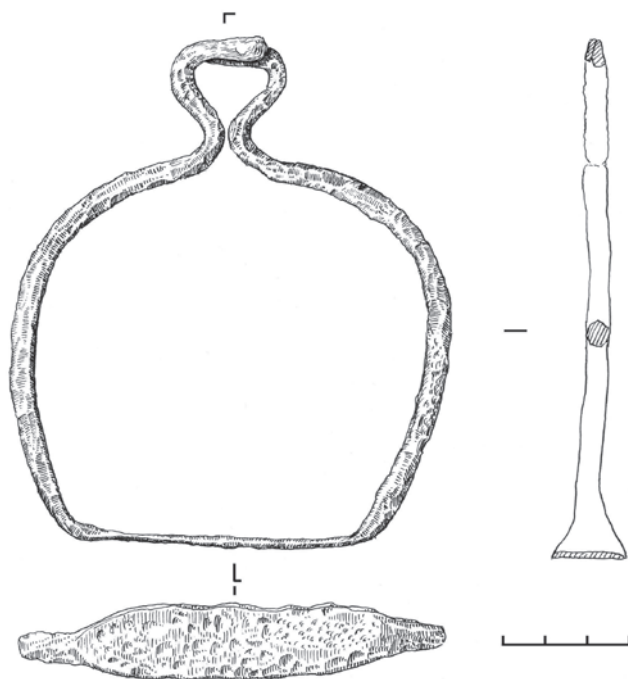

Рис. 1. Железное стремя из коллекции С.И. Руденко (коллекция №6278–118)

* Выражаем благодарность директору Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В.А. Флоринского Ю.И. Ожередову, предоставившему возможность ознакомиться с коллекцией, а также А.Л. Кунгурову за выполнение иллюстраций.

Коллекция №6278–122 (рис. 2). Общие размеры изделия: высота 13 см, наибольшая ширина 10,5 см. Петельчатое, несомкнутое, слегка приплюснутое ушко стремени выполнено путем наложения друг на друга концов железного прута с последующей их проковкой. Высота ушка составляет 2,8 см, ширина – 2,7 см. Отверстие для ремня подтреугольной формы, высота его 1,3 см, ширина 1,8 см. Дужки стремени округлой формы, в сечении округлые граненые. Их толщина – от 0,5 у петли до 0,8 у подножки. Подножка стремени прямая, плоская, шириной 1,5–1,75 см, толщиной до 0,3 см.

Уже на начальном этапе развития железных стремян существовало две их основных разновидности: пластинчатые и петельчатые. Рассматриваемые в публикации находки относятся к последним. Наиболее ранние из подобных изделий датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. и обнаружены при исследовании погребальных и поминальных комплексов кызыл-ташского этапа тюркской культуры Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, 2005). Стремена этого периода имеют ряд характерных признаков, сочетание которых и позволяет осуществить их достаточно точную атрибуцию. В первую очередь, к таковым относится оформление ушка изделий. Петля стремян вертикально-вытянутая и несомкнутая в основании. Подножка ранних находок прямая, узкая и плоская (Васютин А.С., 1994, с. 53; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, с. 166; Неверов С.В., 1998, с. 146; Азбелев П.П., 2008, с. 61). Кроме того, проем, образуемый дужками таких стремян, в ряде случаев имеет несколько вытянутые очертания. Подобные находки обнаружены при исследовании памятников Кызыл-Таш (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 1.-3), Усть-Карасу (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-11), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-13), Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1994, рис. 2.-1).

В настоящее время представляется возможным достаточно четко проследить эволюцию обозначенных характеристик стремян. Для более поздних находок характерно увеличение отверстия для путлища и «вытягивание» ушка в горизонтальной плоскости; дужки стремян приобретает округлую и овальную, а впоследствии арочную форму. Важным датирующим признаком является подножка, которая становится изогнутой, ее ширина и толщина последовательно увеличиваются, более четко выделяется ребро жесткости (нервюра). Относительным хронологическим признаком можно считать вес стремян, также имеющий тенденцию к увеличению. Отмеченные показатели заметны уже при рассмотрении предметов из памятников 2-й половины VI – 1-й половины VII в. Комплексы этого периода распространены на обширных территориях центрально-азиатского региона (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 207–208), однако погребения со стременами обнаружены преимущественно в Горном Алтае (Гаврилова А.А., 1965; Могильников В.А., 1990, рис. 1.-2; 3.-2–3; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1998, рис. 5.-6–7; и др.).

Ранние стремена из коллекции С.И. Руденко интересны тем, что представляют собой «промежуточное звено» между изделиями двух обозначенных выше хронологических периодов. Рассматриваемые экземпляры сочетают как ранние признаки: прямая плоская и узкая подножка, несомкнутое ушко, так и позже появившуюся округлость дужек и приплюснутость ушка-петли. На этом основании представляется возможным отнести находки из коллекции С.И. Руденко ко 2-й четверти – середине VI в., т.е. к концу кызыл-ташского и самому началу кудыргинского этапов в развитии культуры тюрков раннего средневековья.

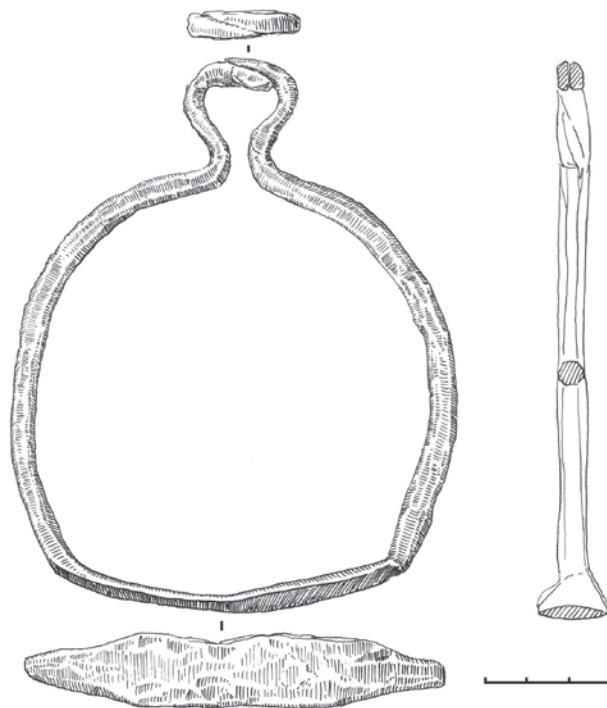

Рис. 2. Железное стремя из коллекции С.И. Руденко (коллекция №6278–122)

Необходимо подчеркнуть, что комплекс вопросов, связанных с определением места и времени появления петельчатых стремян, а также спецификой их первоначального распространения, требует проведения специального исследования. Высказанные ранее по этому поводу мнения исследователей нуждаются в существенной корректировке, что в первую очередь обусловлено появлением в последние десятилетия новых материалов. Рассмотрение этих и других вопросов планируется представить в отдельной работе. В настоящей статье лишь укажем, что, согласно результатам анализа имеющихся материалов, распространение ранних петельчатых стремян, датирующихся 2-й половиной V – VI в., происходило вместе с проникновением племен тюркской культуры с территории Горного Алтая в сопредельные районы.

В этом плане интересен факт обнаружения подобных изделий в Минусинской котловине. В настоящее время вопрос о времени появления тюрков на Среднем Енисее остается дискуссионным. Наиболее последовательно и аргументированно представлена точка зрения исследователей, относящих это событие к началу или середине VIII в. (Худяков Ю.С., 1979, с. 206; 2004, с. 88–89; Нестеров С.П., 1985, с. 119; 1999, с. 98; Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с. 88; Митько О.А., 1995, с. 15–16; 2000, с. 61; Митько О.А., Тетерин Ю.В., 1998, с. 403). Другие считают, что на территории Минусинской котловины отдельные памятники тюркской культуры датируются VI–VII вв. (Теплоухов А.С., 1929, с. 55; Гаврилова А.А., 1965, с. 59; Кляшторный С.В., Савинов Д.Г., 2005, с. 232). Косвенным подтверждением того, что проникновение отдельных групп кочевников указанной общности на Средний Енисей произошло уже на кудыргинском

этапе ее развития, является находка ранних петельчатых стремян, имеющих ярко выраженную этнокультурную принадлежность*.

Окончательное решение этого вопроса, а также осуществление объективной реконструкции исторических процессов, происходивших в Саяно-Алтайском регионе, и интерпретация своеобразия комплексов тюркской культуры Минусинской котловины (Серегин Н.Н., 2009) в значительной степени связаны с осуществлением комплексного анализа всех компонентов погребальной обрядности обозначенной общности.

Научный руководитель – д.и.н., проф. А.А. Тишкин

Библиографический список

- Азбелев П.П. Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.: Изд-во Нестор-История, 2008. С. 56–68.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. // САИ. ЕИ-36. Л.: Наука, 1973. 140 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань: Фэн, 2007. С. 246–266.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.
- Митько О.А. Население территории Среднего Енисея в эпоху средневековья (VI–XVI вв.) (по данным погребальной обрядности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 23 с.
- Митько О.А. Древнетюркский могильник на реке Таштык // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 143–157. С. 55–64.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. I. С. 396–403.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

* Известные модели петельчатых стремян, обнаруженные в погребениях таштыкской культуры Минусинской котловины, являются копиями изделий, датирующихся 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. (Савинов Д.Г., 2005, с. 133; Азбелев П.П., 2008, с. 67). При этом появление пластинчатых стремян на Среднем Енисее, по всей видимости, относится к более раннему времени. Об этом свидетельствует находка миниатюрного изделия «дальневосточного типа» в склепе таштыкской культуры на могильнике Маркелов Мыс-I (Тетерин Ю.В., 2007, рис. 19.-9).

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Нестеров С.П. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей-III // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 88–92.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 129–135.

Серегин Н.Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 28–33.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. ун-т; Новосибир. ун-т, 2007. С. 62–88.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Ожередов Ю.И., Серегин Н.Н. Коллекции С.И. Руденко в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.И. Флоринского ТГУ // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 36–40.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.

Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 194–206.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

ПЕРСОНАЛИИ

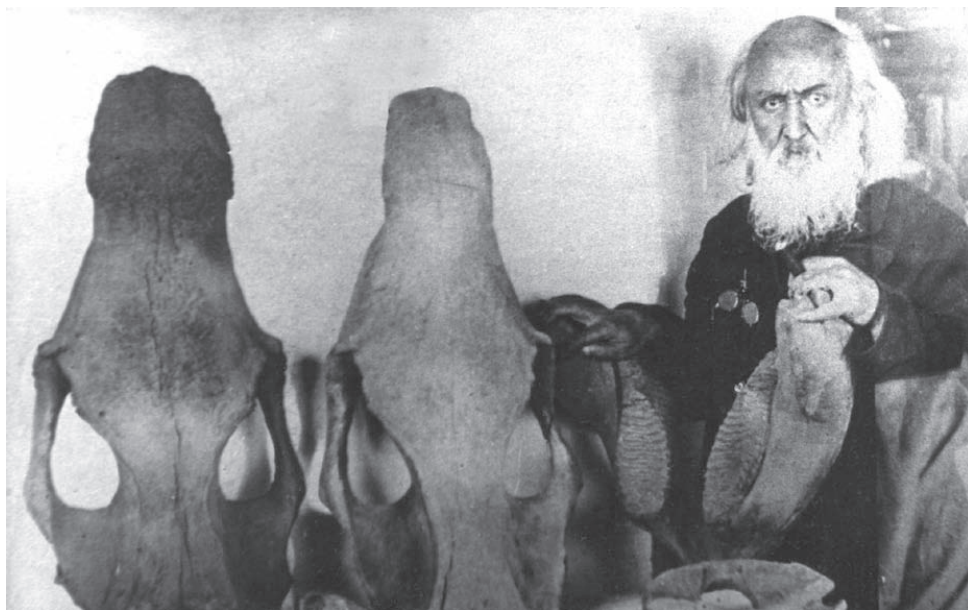

С.В. Кузьминых, Т.В. Тишкина

*Институт археологии РАН, Москва;
Алтайский государственный университет, Барнаул*

«ВАМ НАДО ПОВТОРИТЬ ПОЕЗДКУ НА АЛТАЙ» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрону)*

К настоящему времени отсутствует полное биографическое исследование, освещающее жизненный путь и многостороннюю деятельность краеведа, археолога-любителя, архивариуса Главного управления Алтайского округа Николая Степановича Гуляева (1851–1918). Основными источниками, к которым обращаются современные исследователи, продолжают оставаться некрологи: один из них был опубликован в газете «Жизнь Алтая» 13 декабря 1918 г., другой – в журнале «Сибирский рассвет» (Друг, 1919, с. 65–68). Имеется свидетельство, что автором последнего был близкий друг Н.С. Гуляева Порфирий Евгеньевич Семьянов (Тишкина Т.В., 2007а, с. 7).

Н.С. Гуляев с палеозоологическими материалами

Введение в научный оборот новых, ранее неизвестных архивных документов позволяет уточнить некоторые факты, о которых лишь кратко упомянуто в указанных публикациях, и представить более полную информацию, характеризующую деятель-

---

* Работа выполнена С.В. Кузьминых при финансовой поддержке грантов РГНФ (проекты №08-01-00024а и 09-01-00510а).

ность Н.С. Гуляева. Так, в некрологах отмечено признание его имени среди «ученого мира». Действительно материалы фондов «Николай Степанович Гуляев» Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) и «Гуляев С.И., Гуляев Н.С.» Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК) свидетельствуют о встречах и общении алтайского археолога-любителя с историком В.И. Семевским, секретарем Московского археологического общества академиком Д.Н. Анучиным, директорами Императорского Общества поощрения художников Н.К. Рерихом, Московского археологического института А.И. Успенским, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) академиком В.В. Радловым и др. В течение многих лет Н.С. Гуляев поддерживал дружеские отношения с выдающимися исследователями Сибири Д.А. Клеменцом, Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым.

Результатом многолетней деятельности Николая Степановича по изучению древностей стала передача в 1898 г. в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) разнообразных материалов (Тишкина Т.В., 2007б, с. 153). Собрание археологических предметов демонстрировалось в Зимнем дворце. Краткий обзор состава коллекции появился в печати (Отчет..., 1901, с. 82–84). В 1900 г. осуществилась ее передача в Императорский Российский исторический музей (Отчет Императорского..., 1916, с. 67).

В течение ряда лет на основании Открытых листов, выдаваемых ИАК, Н.С. Гуляев осуществлял археологические исследования в окрестностях д. Большая Речка (ныне с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края). Данный населенный пункт находится в устьевой зоне р. Большая Речка (правый приток Оби). Коллекции, составленные в результате раскопок, переданы им в музей Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и в Кунсткамеру (Тишкина Т.В., 2007б, с. 154–155). В издании ИАК была помещена информация об исследованиях алтайского археолога-любителя (Известия..., 1912, с. 182–183).

Плодотворная деятельность Николая Степановича по изучению древней истории Алтая способствовала тому, что члены различных экспедиций, останавливаясь в Барнауле, стремились «...познакомиться с ним, побеседовать по разным научным вопросам, касающимся Сибири и Алтая, и посмотреть его ценные сокровища: обширную научную библиотеку и богатый музей...» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 7. Л. 116). Так, в 1914 г. состоялось знакомство Н.С. Гуляева со студентом Московского археологического института (впоследствии известным ученым) А.Н. Липским. Молодой исследователь занимался на Алтае сбором археологических и этнографических материалов (Вайнштейн С.И., 1999, с. 464). В письме от 10 декабря 1914 г. к одному из своих корреспондентов Николай Степанович отмечал: «Пошлите... записку... Альберту Николаевичу Липскому, чтобы он пришел к Вам и сообщил обо мне. Липский знает о моем житье-бытие за весь 1914 год» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 38. Л. 59). Позднее А.Н. Липский вновь бывал на Алтае (Тишкина Т.В., 2004, с. 40). По поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях он осуществлял исследования и на территории Монголии.

Материалами Н.С. Гуляева пользовался студент Томского университета В.П. Михайлов (Тишкина Т.В., 2006, с. 132), предпринявший в 1915 г. археологическое обследование окрестностей д. Большая Речка (Михайлов В.П., 1917, с. 1–13).

Летом 1915 г. в Барнауле побывал молодой финский археолог Арне Михаэль Тальгрэн (1885–1945), или Михаил Маркович Тальгрэн (как обращались к нему в России). То был один из его наиболее насыщенных полевых сезонов в России. В мае он получил грант на экспедиционную поездку в Сибирь. Путь Тальгрэна пролегал по маршруту Петербург–Москва–Нижний Новгород–Казань–Сарапул–Пермь–Екатеринбург–Омск–Красноярск–Минусинск, а на обратном пути еще и через Томск и Барнаул (Kivikoski E., 1954a, pp. 94–96). Осуществилась его давняя мечта – продолжить археологические исследования в Минусинской котловине*, когда-то начатые его учителем Й.-Р. Аспелиным (1842–1915). В дороге Тальгрэн написал своим родным: «Сейчас я на пути в бескрайнюю Азию, которая притягивала меня с тех пор, когда я еще был мальчишкой, и я с нетерпением жду момента, когда увижу восточные земли за границей Европы и Азии. Не могу представить большего для себя удовольствия» (Kivikoski E., 1954a, p. 94–95). Его впечатления об этом путешествии ярко описаны в серии очерков, опубликованных газетой «Helsingin Sanomat» (Tallgren A.M., 1915a).

Арне Михаэль Тальгрэн

В России финский ученый был известен к тому времени прежде всего как автор монографического исследования о бронзовом веке севера и востока Европейской России (Tallgren A.M., 1911). Следом после сибирского путешествия выйдут его труды о крупнейших частных собраниях древностей бронзового и раннего железного

---

* См. о них: (Tallgren A.M., 1917).

веков – коллекциях В.И. Заусайлова и И.П. Товостина, купленных в России финскими меценатами и переданных затем в Национальный музей Финляндии (Tallgren A.M., 1916; 1917). Исследования Тальгрена опирались на материалы, изучавшиеся в российских музеях в 1908 и 1909 гг., полученные в ходе раскопок и сборов в Казанской, Вятской, Костромской, Архангельской, Пермской и Енисейской губерниях, но все же их стержнем стали именно уникальные собрания бронз коллекций В.И. Заусайлова и И.П. Товостина.

Становление Тальгрена как исследователя пришлось на то время, когда его учителя рассматривали многие проблемы древней истории Евразии сугубо через призму финно-угорской проблематики. Особой популярностью пользовалась теория Й.-Р. Аспелина, опиравшаяся на «саянскую» гипотезу М.А. Кастрена, об отсутствии собственной динамики в эволюции бронзового века лесной полосы Европейской России. Считалось, что эти процессы определялись развитием урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу.

В этой связи не случаен изначальный интерес Тальгрена к данной проблематике – от первых работ 1908 г. и диссертации 1911 г. (Tallgren A.M., 1911) до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (Kivikoski E., 1954b, p. 138–139) и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите (Kivikoski E., 1954a, p. 119).

В работах 1910-х гг. Тальгрэн определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век всего евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами российских музеев заставило его усомниться в правомерности теорий Кастрена и Аспелина: бронзовый век к западу от Урала Тальгрэн никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угорских народов из Азии. Уже в диссертационном труде 1911 г. ему удалось доказать, что бронзовый век на северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур.

Поездка 1915 г., помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, многое значила для Тальгрена прежде всего в научном плане: он надеялся найти ответы на вопросы, что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, был ли он един и в чем была его специфика? В этой связи понятно стремление Михаила Марковича посетить все доступные музеи Урала и Сибири, изучить или хотя бы познакомиться с их археологическими коллекциями, чтобы прояснить и разрешить многие сомнения, касавшиеся гипотезы об урало-алтайском бронзовом веке. Тальгрэну предстояло вспахать еще по существу неизведанную для западных ученых археологическую «целину» Азиатской России.

До поездки 1915 г. финский ученый, как свидетельствуют материалы его рукописного архива (РОБХУ, колл. 230), не состоял в регулярной переписке с коллегами из провинциальных музеев и университетов Урала и Сибири; его основными корреспондентами были археологи Петрограда, Москвы, Казани и других городов Европейской России, с которыми он познакомился в поездки 1908 и 1909 гг. Сибирскими связями Тальгрэн стал обрывать активно только в 1915 г. (Вдовин А.С., Кузьминых С.В., 2006; Кузьминых С.В., Вдовин А.С., 2007). Он и в дальнейшем стремился наладить и под-

держивать контакты с местными археологами, не жалея для этого, по свидетельству Эллы Кивикоски, ни времени, ни средств.

Посещение Барнаула, судя по всему, не входило в первоначальные планы Михаила Марковича. Возвращаясь из экспедиции, 29 июля* он выехал из Красноярска в Томск. Здесь, в университетском музее (а также в музее Общества внешкольного образования), Тальгрэн работал 30 и 31-го, а 1 августа отбыл в Новосибирск, тогдашний Новониколаевск, где позволил себе отдых в три последующих дня. В Барнауле, судя по путевым записям, он был только один день – 5 августа. Финский ученый оставил в своем дневнике любопытную запись, передающую, скорее всего, диалог с извозчиком, взявшимся доставить Тальгрэна в Барнаул или же взятого уже в Барнауле. Видимо, на вопрос – а есть ли в городе музей, извозчик ответил: «Музея здесь нет, барин, кинематограф есть» (РАТ. Папка «Tallgren 25». Конверт 7). Вопрос Михаила Марковича был не праздным: скорее всего, еще в Томске он получил информацию о музейных собраниях Барнаула. Интерес к ним объясняется тем, что основные записи, фото и рисунки, сделанные Тальгрэном в археологическом музее Томского университета, связаны – наряду с древностями Минусинской котловины – как раз с находками с территории Алтая (РАТ. Папка «Tallgren 25». Конверт 7)**.

В Барнауле финский ученый посетил Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, располагавший музеем с разнообразными коллекциями. В рабочем архиве Тальгрэна отложились фото каменной бабы, Карагайской писаницы, Писаного камня близ д. Писаной из коллекции Б.М. Быкова***, памятников в долине Эн-Улаган; из археологического каталога музея сделаны записи о двух медных котлах, обломке наконечника копья, бронзовой «секире», двух каменных бабах и «баране», а также схематичные рисунки материалов из раскопок Большереченского городища в 1903 г. (РАТ. Папка «Tallgren 25». Конверт 7).

Сотрудник подотдела М.А. Куклин рекомендовал исследователю осмотреть также частное археологическое собрание Н.С. Гуляева. Однако в то время Николая Степановича не оказалось в городе. 2 июля 1915 г. он подал прошение на имя начальника Алтайского округа о получении отпуска и пособия для лечения. Согласно врачебному свидетельству, Н.С. Гуляев страдал хроническим ревматизмом и ему рекомендовалось поправить здоровье «...на ближайших водах и грязях» (ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 686. Л. 27). С 21 июля архивариусу был предоставлен отпуск, и он выехал на минеральные воды в Белокуруху. В Барнаул Николай Степанович вернулся 19 августа. Со слов прислуги он узнал о визите Тальгрэна и сопровождавшего его Куклина. Женщина сообщила, что гость внимательно осматривал предметы коллекций и делал записи. Времени было мало, поэтому наряду с доброкачественными рисунками большая часть предме-

---

* Здесь и далее о датах путешествия А.М. Тальгрэна судим по путевым записям в его рабочем дневнике (РАТ. Папка «Tallgren 25». Конверт 1).

** Отметим среди этих находок рисунки и записи о «боевом молотке» у д. Половинка, каменном топоре у д. Деляна, медном топоре из д. Плотникова Барнаульского у., бронзовых кинжалах из Барнаульского округа, схематичные рисунки бронз из коллекции братьев Белослюдовых и др.

*** Борис Михайлович Быков являлся одним из активных сотрудников Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Его коллекция фотоснимков поступила в музей организации в 1903 г.

тов, закрепленных на планшетах, передана Михаилом Марковичем в рабочем дневнике схематично (РАТ. Папка «Tallgren 25». Конверт 7).

По возвращении в Гельсингфорс финский ученый прислал алтайскому коллеге в благодарность за ознакомление с его музеем свое диссертационное исследование о бронзовом веке севера и северо-востока Европейской России (Tallgren А.М., 1911). Судя по всему, в ответ на письмо (см. приложение 1) и фотографии, полученные от Гуляева, Михаил Маркович отправил в Барнаул статьи (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 30. Л. 2), написанные по следам летнего маршрута (Tallgren А.М., 1915b; 1915c).

Письмо Н.С. Гуляева от 15 (28) декабря 1915 г. хранится ныне в Рукописном отделе библиотеки Хельсинкского университета (коллекция №230). Данный документ интересен для нас – в дополнение к известным источникам – некоторыми сведениями о жизни Николая Степановича. Особенно важно, что он демонстрирует осознание археологом-любителем значения раскопанных в окрестностях д. Большая Речка объектов, необходимости продолжения начатых исследований и использования их результатов для воссоздания древней истории Алтая. Н.С. Гуляев выразил желание ввести в научный оборот известные ему сведения о местных памятниках и археологических предметах своего собрания.

В своем письме барнаульский исследователь сожалел о несостоявшейся встрече и отметил, что если бы был заранее предупрежден о возможном визите Тальгрена, то отложил бы свой отъезд в Белокуруху. Николай Степанович сетовал, что гость не смог осмотреть рисунки некоторых предметов, негативы фотографий с древних изваяний, археологические находки, хранившиеся в запертых шкафах в комнате, в которую его не провели. Там же на стене находился планшет с костяными орудиями.

Н.С. Гуляева заинтересовала тема исследования финского ученого. В этой связи он обратил внимание Михаила Марковича на свою коллекцию древних предметов, переданную в 1898 г. в Императорскую археологическую комиссию. Кроме этого, он рекомендовал осмотреть в Семипалатинске собрание Алексея Николаевича Белослюдова. Следует отметить, что в 1906 г. братья Белослюдовы организовали частный археолого-этнографический музей и подготовили труд «Археологические и архитектурные памятники Семипалатинской области» (Жук А.В., 2004, с. 10). Значительная часть их собрания хранится в настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Николай Степанович пригласил Михаила Марковича вновь посетить Алтай и провести археологическое обследование в окрестностях д. Большая Речка. «Я бы сопровождал Вас ассистентом, помог бы всю поездку и самые раскопки устроить дешевле... крестьяне всех окрестных сел и деревень меня много лет знают. Подумайте о моем предложении, а что Вы не вернетесь с пустыми руками, вполне убежден и заверяю Вас. Следовало бы осмотреть еще 2 места, от которых я ожидаю крупных новостей», – указал археолог-любитель. Остается сожалеть, что в условиях развернувшейся мировой войны Тальгрэн не смог воспользоваться приглашением Гуляева и продолжить вместе с ним исследования памятников у д. Большая Речка.

К письму приложено несколько фотографий, среди них следующие снимки: Н.С. Гуляев среди группы рабочих у погребения, вскрытого во время археологических работ у д. Большая Речка в 1912 г.; живописные виды водоема в окрестностях Каркаралинска; Н.С. Гуляев за работой с антропологической коллекцией; фото каменного

молотка и небольшого «каменного кабана», который, по мнению Николая Степановича, «...как бы служил кистенем», а также керамических сосудов, обнаруженных в окрестностях д. Большая Речка. Каждая из фотографий сопровождалась пространной или краткой легендой и комментариями (см. приложения 2–8). Н.С. Гуляев сообщил, что готов выполнить для финского археолога фотографические снимки «...со всех предметов... музея как археологических, так и палеоантропологических» и позволяет их дальнейшую репродукцию. Для исполнения данной работы он просил прислать четыре пачки фотобумаги размером 13x18 см для печатания при дневном свете, так как в Барнауле в то военное время было сложно приобрести фотоматериалы*. Через Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества А.М. Тальгрену, кроме того, была отправлена книга Н.С. Гуляева и П.А. Ивачева (1902) о Колыванской шлифовальной фабрике.

Раскопки Н.С. Гуляева 1912 г. в окрестностях д. Большая Речка

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни А.М. Тальгрена. По крайней мере, в этом уверена его биограф Элла Кивикоски: «Годы, последовавшие за сибирским путешествием, были

---

* Зная об отзывчивости Тальгрена, можно не сомневаться в том, что Михаил Маркович откликнулся на просьбу своего далекого сибирского коллеги.

для Тальгрена временем счастливой и плодотворной работы. В 1916 г. появился первый том каталога коллекции Заусайлова, ставший дополнением к диссертации Тальгрена... Продолжением диссертации стал труд, посвященный позднему периоду бронзового века в России, так называемой ананьинской культуре, вышедший в 1919 г. и считающийся, вероятно, лучшей работой Тальгрена» (Kivikoski E., 1954a, p. 96). Безусловно, посещение Барнаула и знакомство с музеем Н.С. Гуляева явились для Михаила Марковича одним из тех кирпичиков, из которых сложились в дальнейшем его концептуальные представления о бронзовом и раннем железном веках Азиатской России, в наиболее отчетливой и лаконичной форме выраженные в статьях для энциклопедического словаря «Reallexikon der Vorgeschichte» Макса Эберта (Tallgren A.M., 1925; 1928; 1929).

Финский археолог в начале 1920-х гг. всецело переключился на исследование бронзового века юга Восточной Европы и Кавказа, организацию и издание журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» и преподавательскую деятельность в университетах Тарту и Хельсинки. План создания сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке Тальгрелю в итоге реализовать не удалось. Но археология Алтая по-прежнему была в сфере его пристального внимания. Свидетельством тому – популярные очерки об археологии Алтая в газете «Helsingin Sanomat» (Tallgren A.M., 1927; 1930), регулярные обзоры советской археологической литературы, включая алтаистику (Kivikoski E., 1954b, p. 132–138), рецензии на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки, М.П. Грязнова и других авторов, обращавшихся к алтайским материалам (Там же, p. 143–145), ряд статей, напрямую связанных с археологией Алтая (Tallgren A.M., 1919a; 1919b; 1919c; 1926; 1933; 1937; и др.).

Знакомство А.М. Тальгрена с Н.С. Гуляевым, пусть и заочное, состоялось на склоне лет российского подвижника. Остается сожалеть, что в условиях развернувшейся мировой войны финский ученый не смог воспользоваться приглашением Гуляева и продолжить вместе с ним исследования археологических памятников у д. Большая Речка. Спустя годы эту миссию возьмет на себя еще один корреспондент А.М. Тальгрена – Михаил Петрович Грязнов, которого Михаил Маркович считал одним из наиболее талантливых среди молодых российских археологов.

Письмо, которое мы публикуем ниже, свидетельствует о том, насколько связи между учеными были важны и взаимовыгодны для развития науки. Будем надеяться, что дальнейший поиск и изучение архивных материалов позволят выявить более полную информацию о контактах Николая Степановича Гуляева и Михаила Марковича Тальгрена.

Библиографический список

Вайнштейн С.И. Романтика и трагедия в судьбе Альберта Николаевича Липского // Репрессированные этнографы. М., 1999. Вып. 2. С. 455–492.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24: Сборник научных трудов, посвященный 30-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.

Вдовин А.С., Кузьминых С.В. «Обещаю Вам от имени Сибири полное содействие»: (письма Б.Э. Петри А.М. Тальгрелю) // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Мат. Всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 2009. С. 22–35.

Гуляев Н.С., Ивачев П.А. Колыванская шлифовальная фабрика на Алтае: Краткий исторический очерк, составленный к столетию фабрики 1802–1902 гг. Барнаул, 1902 (стр. не обозначены).

Друг [псевд.]. Николай Степанович Гуляев: Некролог // Сибирский рассвет. Барнаул, 1919. №1. С. 65–68.

Жук А.В. Организация археологических исследований в Семипалатинске в 1870–1920-е гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Алматы; Омск, 2004. С. 9–10.

Известия Археологической комиссии. СПб., 1912. Прибавл. к вып. 46. 185 с.

Китова Л.Ю., Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии С.А. Теплоухова: два письма А.М. Талльгрену // Археология Южной Сибири. Вып. 24: Сборник научных трудов, посвященный 30-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово: Летопись, 2006. С. 152–159.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. Вып. 2. С. 88–91.

Кузьминых С.В., Троицкий Н.А. Клеменц Дмитрий Александрович // БРЭ. 2009. Т. 14. С. 258–259.

Михайлов В.П. Предварительное сообщение об археологических разведках городищ и курганов у дер. Большая Речка Легостаевской вол. Барнаульского уезда летом 1915 г. // Известия Томского университета. 1917. Т. 66. С. 1–13.

Орехова Н.А. Барон Жозеф де Бай: сибирский след // Енисейская провинция: Альманах. Красноярск, 2004. Вып. 1. С. 60–66.

Отчет Императорского Российского исторического музея им. императора Александра III в Москве за 1883–1908 годы. М., 1916. 208 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. СПб., 1901. 190 с.: ил.

Тишкина Т.В. Археологическое изучение Алтая сотрудниками Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1902–1917 гг.) // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязного: Мат. Всерос. науч. конф. (Омск, ноябрь 2004 г.). Омск, 2004. С. 38–41.

Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в окрестностях д. Большая Речка в 1912 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 124–133.

Тишкина Т.В. Порфирий Евгеньевич Семьянов – друг и соавтор Николая Степановича Гуляева // Гуляевские чтения: Вып. 2: Материалы пятой и шестой историко-архивных конференций. Барнаул, 2007а. С. 4–10.

Тишкина Т.В. Археологические коллекции Н.С. Гуляева в собраниях музеев России // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2007б. №4/2. С. 152–156.

Kivikoski Ella. A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954a. P. 77–121.

Kivikoski Ella. The Bibliography of A.M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954b. P. 122–145.

Salminen Timo. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935 // SMYA. 2003. Т. 110 (Summary: Lands of conquest. Russia and Siberia in Finnish archaeology 1870–1935).

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // SMYA. 1911. Т. XXV:1. IX + 229 s.

Tallgren A.M. Urallile ja Altaille [Zum Ural und Altai] // Helsingin Sanomat. 17, 20, 22, 23. 07. 1915a.

Tallgren A.M. Pronssikautisia valimia Itä-Venäjältä ja Siperiasta [Bronzezeitliche Gussformen aus Ostrussland und Sibirien] // SM. 1915b. S. 67–78.

Tallgren A.M. Minusinskin arohaudat [Die Steppengräber in Minussinsk] // SM. 1915c. S. 91–100.

Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p + XVI pl.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.

Tallgren A.M. Den ural-altaiska arkeologins uppgifter [Aufgaben der ural-altaischen Archäologie] // Finsk Tidskrift. Helsinki, 1919a. Т. LXXXVI. S. 262–281.

Tallgren A.M. Keski-Siperian pronssikausi [Die Bronzezeit in Zentralsibirien] // Tiede ja elämä. Helsinki, 1919b. Т. I. S. 273–281.

Tallgren A.M. Uraali-altailaisen arkeologian tehtäviä [Aufgaben der ural-altaischen Archäologie] // SM. 1919c. S. 1–17.

Tallgren A.M. Eurasische Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1925. T. III. S. 151–152.

Tallgren A.M. Suomen tiede ja urali-altailaiset alueet [Die finnischen Wissenschaft und die ural-altaiischen Gebiete] // Suomalainen Ylioppilas. Helsinki, 1926. S. 15–16.

Tallgren A.M. Altain arkeologiaa [Die Archäologie in Altai.] // Helsingin Sanomat. 28.1.1927.

Tallgren A.M. Sibirien: C. Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1928. T. XII. S. 70–71.

Tallgren A.M. Turkestan: C. Bronzezeit // Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1929. T. XIII. S. 485–486.

Tallgren A.M. Muinaislöytöjä Altailta. Hautaryöstöjä, joista on hyötyä tieteelle [Archäologische Funde aus dem Altai. Grabplünderungen, die der Wissenschaft nützen] // Helsingin Sanomat. 9.3.1930.

Tallgren A.M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // ESA. 1933. T. VIII. P. 175–210.

Tallgren A.M. Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // ESA. 1937. T. XI. P. 69–90.

Приложение 1

Барнаул. 15–28.XII.1915 г.

Глубокоуважаемый г-н А. М. Тальгрэн!

Любезное письмо Ваше из Гельсингфорса от 3-16.IX. получил в ноябре одновременно с очень интересным для меня Вашим почтенным трудом «Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland»*. Прошу извинить, что за разными хлопотами, нахлынувшими на меня со дня возвращения с минеральных вод, далеко не оправившимся, замедлил поблагодарить Вас за лестный для меня подарок. Очень досадовало, что не удалось с Вами свидеться лично и благодарил М.А. Куклина** (консерватора, письмоводителя и пр. нашего подотдела Геогр.[афического] Общ.[ества]), что он правдиво Вам меня охарактеризовал, привел ко мне в дом и предложил без всяких стеснений рассматривать всё Вас интересующее в моем маленьком музее. Если Вас действительно что-либо заинтересовало из мною собранного, то приходится снова выразить сожаление, что не видели многих археологических предметов, хранящихся в запертых шкафах в другой комнате; не видели в ней и картона на стене с костяными орудиями. Много бы дали интересного нам взаимно собеседования, но ... остается только пожалеть, что этого не случилось; в письме же всего не скажешь, да и некогда. В Вашем письме меня особенно заинтересовало сообщение «о намерении издать на французском языке сравнительный труд о культуре т.н. урало-алтайского бронзового века»***. Вы, между прочим, пишете, что Вам «нужно узнать все коллекции таких древностей». Должен сказать, что много из археологических и палеонтологических предметов своего музея я в разное время раздарил своим друзьям, как, напр.[имер], Д.А. Клеменцу****, много подарил из дублетов и даже уникалов барону де Бай***** специально приехавшему в Барнаул осмотреть мои коллекции (обещал прислать свой последний большой труд, но до сих пор я его не получил, забыл свои обещания, а меня порядочно обобрал). В 1897–1898 гг.

* См.: (Tallgren A.M., 1911).

** Куклин М.А. являлся одним из активных сотрудников Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1915 г. он исполнял обязанности секретаря организации.

*** Тальгрэн делился планами об издании этого труда со многими российскими и европейскими коллегами, однако реализовать свой план ему в итоге не удалось. С начала 1920-х гг. изучение древностей «урало-алтайского» бронзового века отошло у финского ученого на второй план. Основные усилия он сосредоточил на исследовании эпохи раннего металла Северного Причерноморья и Кавказа.

**** Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914), российский революционный деятель, этнограф, археолог, географ; см. основную литературу и краткую биографическую справку: (Кузьминых С.В., Троицкий Н.А., 2009).

***** Барон Жозеф де Бай (1853–1929) – французский археолог, путешественник, коллекционер; см. о его сибирских исследованиях и путешествиях: (Орехова Н.А., 2004).

я ездил в Петроград и уступил Импер.[аторской] Археолог.[ической] Комиссии коллекцию археологич.[еских] предметов около 150, собранных мною с 1888 по 1897 г. (в числе их были несколько очень интересных)*. В «Отчете Импер.[аторской] Арх.[еологической] Ком.[иссии]» за 1898 г., изд. Петр.[оград], 1901 г. на стр. 82–84 можете прочитать о них. Впрочем, чтобы не утруждать Вас, я процитирую из этого «отчета», что в нем о них напечатано.

Стр. 82–84. Томская губерния. «...2) приобретенная от Н.С. Гуляева коллекция древних предметов, большая часть которой состоит из отдельных вещей, найденных: а) в Барнаульском округе, близ дер. Кунгуровой, дер. Телеутской, дер. Вилково, с. Тальменского и с. Овечкино; б) в Бийском округе, близ дер. Черги и д. Лекмонар и в) в Мариинском округе, близ с. Тисуль. Это почти все предметы минусинских типов: медные ножи, из которых особенно любопытны экземпляры с изображением на рукояти одного – головки кабана (рис. 150, 2/3 [натуральной величины]), другого – свернувшейся птицы (рис. 151, 2/3 [натуральной величины]) и третьего – каких-то знаков (рис. 152, нат.[уральная] в.[еличина]), медный наконечник копья, медный и железный наконечники стрел, медные кинжалы, несколько медных секир и кельтов, медное массивное долото, медный широкий нож в виде сечки с изображением на рукоятке 2 линий, образующих прямой угол (рис. 153), медный псалий, медный плоский кружок с ушком на обратной стороны и проч. Очень любопытна половина от чаши, сложенной из двух человеческих черепов, соединенных, по всей вероятности, [с] помощью сырой кожи, к которой обе половинки прикреплялись ремешками, пропущенными через специально для того образованные отверстия (рис. 154а и 154б). Затем в коллекции Гуляева находятся еще вещи, добытые раскопками на городище при дер. Большой Речке Барнаульского округа**, как-то: черепки с шнуровым орнаментом, тонкий медный нож минусинского типа, ряд медных и костяных наконечников стрел, серебряный поясной набор (рис. 155), пряслице, костяное острие и кремневый наконечник стрелы. Нахождение в одной и той же местности столь разнородных предметов древности не лишено значения, как последовательных смен культур одна другою.

Представляют еще интерес железные удила и нож, найденные в 1890 г. при раскопках низкого кургана на речке Улаган в Алтайском округе: курган был обведен кругом рвом и сопровождался аллеей из 12 камней, расположенных друг от друга в расстоянии 64 м. Оказавшийся в нем костяк лежал головою на север...».

Женщина, прислуживающая в моем доме, говорила, что Вы очень внимательно осматривали и всё что-то писали. Опять выражаю сожаление, что не привелось с Вами видеться. Не удалось поэтому видеть Вам альбомов разных древностей Алтайского округа и Киргизской степи (интересны рисунки с каменных предметов), негативов фотографий с каменных баб, писаниц. Какая право досада, что не знал о Вашей поездке и никем не был о ней предупрежден, я бы свою отложил или бы позже выехал. Возвращусь еще к словам Вашего письма, что Вам «важно знать все коллекции древностей» и на это спрошу: были ли Вы в Семипалатинске и видели ли коллекцию (частную) учителя Алексея Николаевича Белослюдова? Если не были и не видели, то скажу, что Вам надо повторить поездку на Алтай***, осмотреть его коллекции и мои, которые Вам не удалось видеть в первую поездку, произвести раскопку на открытом мною Большереченском городище. Сейчас, благодаря Алтайской железной дороге, можно доехать до городища в несколько часов. Д.[еревня] Б.[ольшая] Речка – первая станция между Барнаулом и Бийском. Я предпочту ехать к городищу, как прежде это делал – ехать на пароходе. Первая станция (пристань) от Барнаула до Бийска (90 верст) с. Легостаево. Оттуда на пароме или на лодке

* Хранятся ныне в Государственном Историческом музее; см.: (Отчет Императорского..., 1916, с. 67).

** Комплекс археологических памятников в окрестностях д. Большая Речка Н.С. Гуляев принял за остатки обширного «древнего городища» (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 21).

*** Поездка на Алтай, в том числе в Семипалатинск, планировалась Тальгреном, но в советские годы Сибирь он уже не посещал.

всего 7 вер.[ст] до дер. Б.[ольшой] Речки. Не доезжая версты 2–3 находится и самое городище. Я бы сопровождал Вас ассистентом, помог бы всю поездку и самые раскопки устроить дешевле. В районе городища крестьяне всех окрестных сел и деревень меня много лет знают. Подумайте о моем предложении, а что Вы не вернетесь с пустыми руками, вполне убежден и заверяю Вас. Следовало бы осмотреть еще 2 места, от которых я ожидаю крупных новостей, но я стар и болезнен. Поездка должна быть произведена с половины мая до 9 июня, когда начинаются крестьянские работы (страда).

Чтобы чем-нибудь выразить Вам свое merci, посылаю через наш Подотдел Географ.[ического] Общ.[ества] составленный мною «Исторический очерк Колыванской шлифовальной фабрики». В проекте моя – I часть была составлена вчетверо более объемом, но т.к. поручено было составить двум* (видно из предисловия), причем оба не знали, что пишет каждый из нас, то при сводке двух очерков, причем моя I ч.[асть] составляла как бы предисловие ко II части, пришлось на 3/4 сократить. Иначе вышло бы, как рисуют карикатуры, – большая голова, а туловище и ноги маленькие. Пришлось исключить интересные приложения (отчеты поисковых партий). Вообще самый очерк составлен был спешно. К сожалению, посылаемую книгу, ее наружные листы, испортил писарь архива, поставив на ней штампель архива; на что я, что бы успокоить Вас, принужден был поставить свой штампель как доказательство, что книга эта не казенная, а на 2 листе написал, что книга эта от меня. Думаю, что будут интересны и приятны, как воспоминания о Вашей поездке на Алтай, прилагаемые при сем фотографические снимки с нескольких предметов, которые Вы осматривали в моем музее. Но чтобы Вы, встретив меня где-нибудь случайно, могли узнать, прилагаю снимки и с себя в двух видах: один представляет меня благодушествующего после обеда (не знаю послеобеденного сна) с вечной неугасимой сигарой, другой – чем увлекаюсь, точнее, чем живу. Мне было бы очень приятно получить фотографию и с Вас, чтобы только где встречу Вас, мог бы окликнуть и сказать: г-н Тальгрэн, а у меня теперь есть еще новые и интересные археологические предметы, приезжайте осматривать. Словом, друг для друга, вполне можно сказать, будем незнакомые знакомцы. Заканчиваю свое запоздалое письмо пожеланиями успешной работы задуманного Вами труда о культуре угро-алтайского бронзового века. С нетерпением буду ожидать выхода его из печати, тем более, что Вы обещаете его издать на французском языке, мне более знакомом, я по-немецки ... ich habe vergessen, ich habe kein Praktik. Прежде с немецкого мне переводила покойная жена**, а теперь будет переводить мой сын, когда вернется из Kriegsgefangenenlager Parchim / Mecklenburg / Sergei Gulajeff***.

Как много, однако, я наболтал, как будто Вы мой давнишний знакомый и друг; то ли бы еще было, если бы случилось личное знакомство, разнообразная беседа. Если посылаемые фотографические снимки представят интерес и Вас удовлетворят качеством печатания и Вы бы желали получить таковые со всех предметов моего музея как археологических, так и палеонтологических (их много), то пришлите мне через Гельсингфорсский университет казенной посылкой на мое имя пачки 4 бумаги для печатания при дневном свете размером 13x18, а я Вам напечатаю со всех предметов как археологических, так и палеонтологических, а их у меня много. Вышло их Вам с правом репродукции. В Барнауле за последнее время бумаги почти нет, а если когда и находится, то страшная дрянь и дорого (комментарии, полагаю, излишни). В письме Вы не указали своего адреса, поэтому я в полной уверенности, что Вы лекторствуете в университете, адресуя на него. Мой же Вы знаете: Барнаул, Томской губ., Никол.[аю] Степан. [овичу] Гуляеву, Гоголевская, собств.[енный] дом или еще короче д. №95.

* См.: (Гуляев Н.С., Ивачев П.А., 1902). Соавтором Николая Степановича при подготовке данного издания стал управляющий Колыванской шлифовальной фабрикой Павел Иванович Ивачев. Н.С. Гуляев представил сведения о поисках и обработке камней на Алтае до 1802 г., П.И. Ивачев осветил деятельность Колыванской шлифовальной фабрики.

** Супруга Николая Степановича Софья Антоновна Гуляева (урожденная Роуба) скончалась 13 января 1914 г. (АГКМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 2).

*** Сын Н.С. Гуляева Сергей был в это время в лагере для военнопленных.

В виду не указания Вами адреса меня будет заботить вопрос, когда это письмо найдет Вас и его получите, поэтому прошу, будьте добры, сообщите точную дату получения письма.

Еще раз желаю успеха в Ваших ученых занятиях и всего лучшего в нашей бременной жизни и советую крепко подумать о моем предложении – повторить поездку на Алтай и произвести лично самому раскопку, а в успехе я Вас заверяю, с пустыми руками не вернетесь и потому до свидания до лета.

Ваш Н. Гуляев

Простите торопливость писания 2-го листа и потому его неразборчивость; устал, да и пишу обыкновенно ночью, сейчас уже ко сну клонит. Н.Г.

Приложение 2

Подпись на обороте фото 1

Глубокоуважаемому г-ну Тальгрёну на память о посещении моего музея. В чем моя жизнь, чем увлекаюсь. Н. Гуляев. Снято в 1915 г.

Приложение 3

Подпись на обороте фото 2

Снятые на этой фотографии горшки найдены в разное время на городище близ деревни Большой Речки (она же Белокурова), Барнаульского уезда Томской губернии. Из коллекций Н.С. Гуляева в Барнауле. 15.XII.1915 г.

Приложение 4

Подпись на обороте фото 3

1) Каменный молоток, найденный в вершинах р. Чарыш (левый приток) р. Оби). Там же был найден другой такого типа, величины, но из красной яшмы, высокой шлифовки. К сожалению, после смерти владельца погиб без вести. Мне удалось при жизни владельца снять с него чертеж, фотографию, но и последняя погибла. 2) Каменный кабан (как бы служил кистенем). Прошу сообщить г-ну Тальгрёну, из какой породы камня сделаны оба предмета. Интересно знать мне его определения породы, буду ожидать. Н.С. Гуляев. 15.XII.1915 г.

Приложение 5

Подпись на обороте фото 4

Глубокоуважаемому г-ну А.М. Тальгрёну, приславшему ученый труд о медном и бронзовом веке Северной и Восточной России, на память, чтобы при первой встрече он узнал меня и воскликнул: «Вот теперь-то мы побеседуем с Вами о всех веках жизни доисторического человека в Алтайском округе». Н.С. Гуляев. Барнаул. 15.XII.1915 г. Снято в 1914 г.

Приложение 6

Подпись на обороте фото 5

Из раскопок городища близ дер. Большой Речки (она же Белокурова). Не правда ли, что барыня, лежащая как корова (жена местного лесничего), весь пейзаж испортила? Обратите внимание на положение ног конечностей костяка. Снято во время раскопок в 1912 году.

Приложение 7

Подпись на обороте фото 6

Виды бассейна с северной стороны, в 4-х верстах от г. Каркаралинска на горы, на 4600 футов над уровнем моря. Если посмотрите сочинение «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XVIII. Киргизский край», то на стр. 51 можно видеть точно такой же снимок, как бы снятый с одного и того же негатива, но это случайное совпадение, что двум фотографам пришлось снять этот вид с одной и той же точки. Негативы принадлежат Н.С. Гуляеву.

Приложение 8

Подпись на обороте фото 7

Бассейн с западной стороны. Бассейн в 4 верстах от города Каркаралинска на горы, на высоте 4600 футов над уровнем моря. Из негативов Н.С. Гуляева. Барнаул.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей.
АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН СССР – Академия наук Советского союза.
АО – Археологические открытия.
Б.и. – без издательства.
БРЭ – Большая Российская энциклопедия.
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ИАК – Императорская археологическая комиссия.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КИО – культурно-историческая общность.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул).
МИА – Материалы исследований по археологии СССР.
МЭ – Материалы по этнографии.
НМРА – Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск).
РА – Российская археология.
РАТ – Рабочий архив А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РОБХУ – Рукописный отдел библиотеки Хельсинкского университета.
СА – Советская археология.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства.
СГЭ – Сообщение Государственного Эрмитажа.
СО РАН – Сибирское Отделение Российской Академии наук.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края (г. Барнаул).
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua (г. Хельсинки).
SM – Suomen Museo (г. Хельсинки).
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja (г. Хельсинки).

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск 5

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 09.11.2009. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 16,2.
Тираж 350 экз. Заказ 850.

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru

Фото 1. Раскопки в долине Катуня

Фото 2. Чобурак-II. Керамический сосуд из кургана №2

Фото 3. Чобурак-II. Курган №2. Предметный комплекс из бронзы

Фото 4. Чобурак-II. Находки из кургана №2

Фото 5. Чобурак-II. Находки из кургана №3

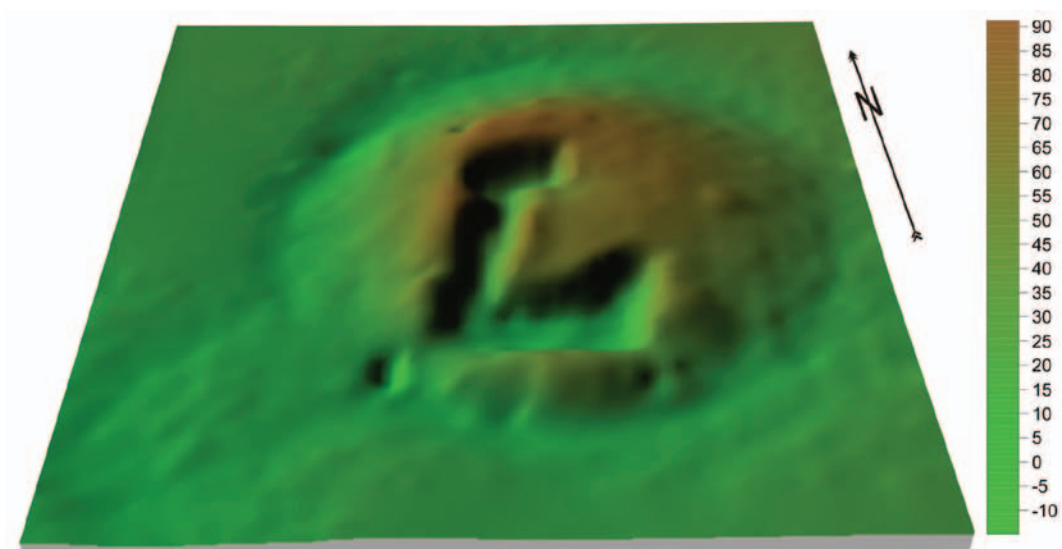

Фото 6. Одиночный курган Куатовка-Ia.
Трехмерная реконструкция современной дневной поверхности

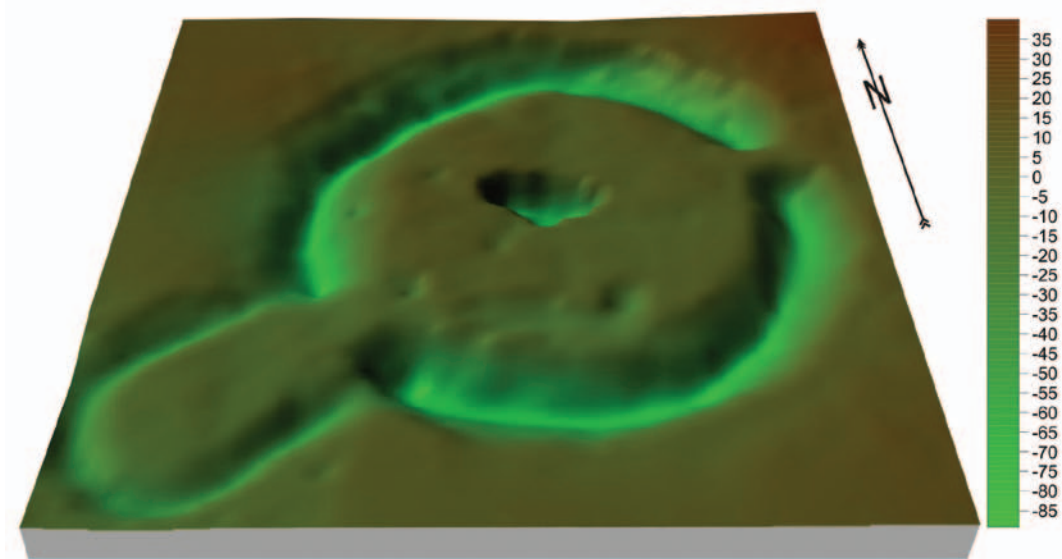

Фото 7. Трехмерная реконструкция материковой поверхности
исследованного одиночного кургана Куатовка-Ia

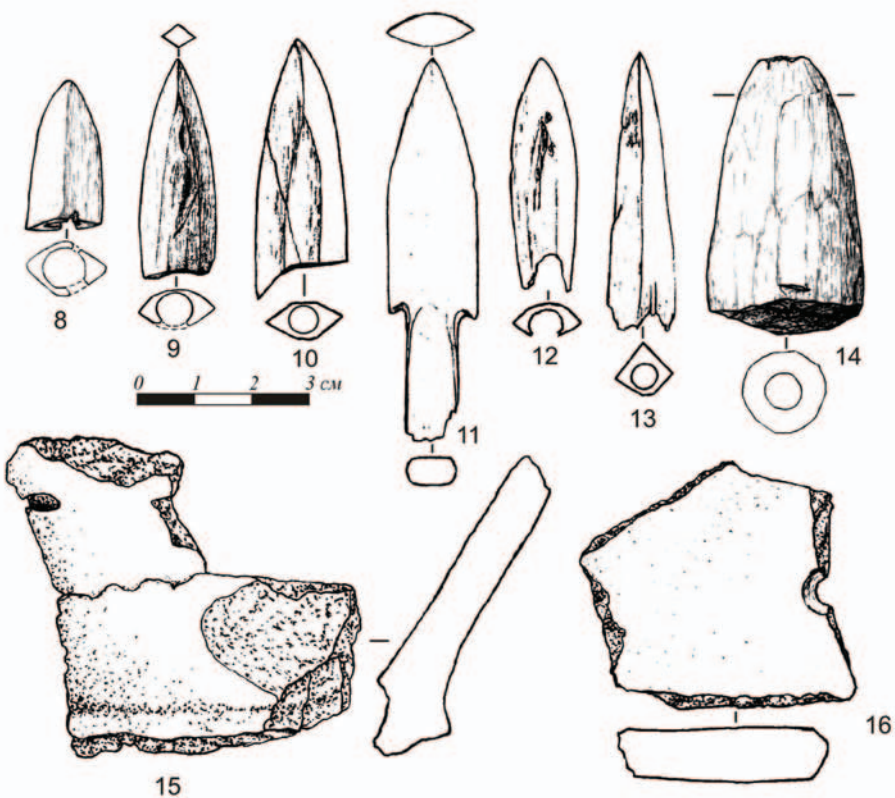

Фото 8. Инвентарь из кургана Куатовка-1а

Фото 9, 10. Зеркало из Белокурихи

Фото 11, 12. Случайная находка из Лесостепного Алтая

Фото 13, 14. Случайная находка с Алтая

Фото 15, 16. Обломок зеркала из местонахождения Бахчи-11

Фото 17, 18. Фрагмент металлического зеркала из памятника Яровское-III

Фото 19, 20. Бляхи-подвески из собрания Н.С. Гуляева (НМРА)